

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ТЕОРИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Н. С. Гринбаум

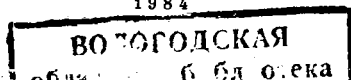
РАННИЕ ФОРМЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(древнегреческий)

1013533

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»

Ленинградское отделение
1984

Книга посвящена рассмотрению в свете новых научных данных проблемы образования и развития древнегреческого литературного языка, прослеживается его история, выявлены основные черты, общие с другими языками, и специфические, связанные с историческими условиями его функционирования в 1-м тысячелетии до н. э.

Книга предназначена для специалистов по классической филологии, литературоведов, занимающихся историей и теорией стилей.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР
В. Н. ЯРЦЕВА (ответственный редактор),
доктора филол. наук М. М. ГУХМАН, С. Д. КАЦНЕЛЬСОН,
В. П. НЕРОЗНАК (ученый секретарь),
А. А. УФИМЦЕВА

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР А. В. ДЕСНИЦКАЯ,
доктор филол. наук А. А. ТАХО-ГОДИ

Натан Соломонович Гринбаум
РАННИЕ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ)

Утверждено к печати

Научным советом

«Теория советского языкознания»

Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Л. М. Романова

Художник Ю. П. Амброзю

Технический редактор Е. В. Тресхевец

Корректоры Т. А. Бравая и Г. И. Тимошенко

ИБ № 20639

Слано в набор 08.08.83. Подписано к печати 01.06.84. М-18447. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Уел. печ. л. 6.72. Усл. кр.-отт. 6.88. Уч.-изд. л. 7.37. Тираж 1700.
Тип. зак. 671. Цена 85 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пути образования, развития и функционирования литературных языков привлекают все более пристальное внимание советских исследователей. За пятнадцать последних лет были опубликованы посвященные этим вопросам работы В. В. Виноградова, Р. А. Будагова, М. М. Гухман, А. В. Десницкой, Е. А. Реферовской, Ф. И. Филина, В. И. Ярцевой¹ и ряда других авторов; найдена и издана рукопись А. И. Соболевского на эту тему.² Повышенный интерес к проблеме литературных языков связан как с ее прикладной, так и теоретической значимостью. Подлинно научное рассмотрение проблемы стало возможным лишь на базе диалектико-материалистического учения о поступательной смене общественных формаций.³ Советские ученые вносят ощутимый вклад в изучение многих литературных языков народов СССР и зарубежных стран. «...теория развития литературных языков, — отмечает В. В. Виноградов, — в настоящее время явля-

¹ Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967; Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967; Гухман М. М. К типологии германских литературных языков донационального периода. — В кн.: Типология германских литературных языков. М., 1976, с. 5—29; Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970; Филин Ф. И. 1) О свойствах и границах литературного языка. — ВЯ, 1975, № 6; 2) Что такое литературный язык. — ВЯ, 1979, № 3; Ярцева В. И. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969; Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Под ред. В. И. Ярцевой и М. М. Гухман. М., 1977; Реферовская Е. А. Формирование романских литературных языков. Французский язык. Л., 1980.

² Соболевский А. И. История русского литературного языка / Изд. подг. А. А. Алексеев. Л., 1980.

³ Филин Ф. И. О свойствах и границах литературного языка, с. 6.

ется. . . одной из самых живых, богатых конкретными результатами и широкими обобщениями областей языкознания, особенно интенсивно подвергающихся научно-исследовательской разработке в Советском Союзе».⁴ Отличительной чертой этих исследований является конкретно-исторический подход к рассматриваемым явлениям, стремление обнаружить во множестве фактов как общие типологические, так и специфические особенности развития того или иного литературного языка и дать им подлинно научное толкование.

Среди литературных языков, представляющих большой интерес для языкознания, выделяются языки с длительной и непрерывно развивавшейся историей.⁵ К ним относится, в частности, греческий язык, письменно зафиксированный в настоящее время на протяжении почти трех с половиной тысячелетий и уступающий по продолжительности лишь истории китайского языка.⁶ Однако фундаментальные работы по истории греческого литературного языка пока еще не созданы. Продолжает оставаться открытым вопрос и о древнегреческом литературном языке — первом из литературных языков Европы.⁷

⁴ *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков. . . , с. 117.

⁵ Там же, с. 37.

⁶ *Чэдвик Дж.* Дешифровка линейного письма Б. — В кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с. 230.

⁷ Заслуга его постановки в советской грецистике принадлежит О. М. Фрейденберг, см. ее статью «Проблема греческого литературного языка» (Советское языкознание, 1935, I, с. 5—28).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научных исследованиях термин «литературный язык» в связи с древнегреческими языковыми отношениями употребляется непоследовательно рядом с терминами «койне» и «общий язык».

По мнению А. Мейе, в Древней Греции насчитывалось несколько общих языков: ряд из них образовался в Малой Азии на базе ионийского диалекта, отдельный общий язык существовал на базе дорийского диалекта на северо-западе Греции, эллинистическая койне сложилась на базе аттического и ионийского. Кроме того, общие языки имелись на Сицилии и в III—II вв. до н. э., в эолийской и ахейской конфедерациях, однако они не получили доступа в литературу. На острове Лесбосе сложился письменный язык, представленный в поэзии Сапфо и Алкея.¹

Ж. Вандриес выделяет прежде всего связанную с Афинами эллинистическую койне, ставшую общим греческим языком со времени Александра Македонского. Ему предшествовал общий язык в греческих колониях Малой Азии, но ставший по политическим обстоятельствам всеобщим, как аттический. Эпический язык характеризуется Вандриесом как специальный литературный язык, сложенный чужими и закрепленный раз и навсегда. Вандриес полагает, что рядом с общегреческим языком эллинистической эпохи существовал искусственный литературный. Он допускает, таким образом, сосуществование общих и литературных языков, подчеркивая искусственный характер образования последних.²

М. Лежен отмечает, что ряд греческих диалектов лежит в основе образовавшихся литературных языков ионийской

¹ Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1921, p. 124.

² Вандриес Ж. *Язык. Лингвистическое введение в историю*. М., 1937, с. 242.

и аттической прозы, лесбосской поэзии и других литературных жанров. Однако многие литературные языки представляют из себя искусственную смесь различных диалектных элементов, и это относится в первую очередь к гомеровскому языку.³

В определении В. М. Жирмунским греческой койне литературный язык выступает как один из ее существенных компонентов: «это язык торговых сношений, объединяющих восточное Средиземноморье в эллинистическую эноху, язык правительственных актов и канцелярской переписки в эллинистических государствах, язык греческой культуры, науки и литературы, зафиксированный в канонических письменных памятниках и регламентированный грамматиками».⁴

В. В. Горнунг писал о языке древнегреческой литературы: «История большинства языков дает нам пример развития литературного языка на основе какого-либо одного из диалектов. . . Совершенно иную картину представляет история языка древнегреческой литературы. До III в. до н. э. эта литература, носившая уже в течение ряда столетий общенациональный характер, не была единой по языку. Отдельные литературные жанры имели каждый свой собственный язык, развивавшийся из того или иного древнегреческого диалекта или в результате смешения их. Однако далеко не все диалекты получили литературное развитие».⁵

Особенность литературных языков, складывавшихся в большинстве греческих областей, состояла в том, указывает И. М. Тронский, что «они почти никогда не возникали только на базе народно-разговорного диалекта соответствующей общины и представляли собой в той или иной степени продукт некоего диалектного смешения. К тому же эти литературные языки дифференцировались по жанрам, и каждый жанр давал свое особое соотношение составляющих его диалектных единиц».⁶ И. М. Тронский упоминает об «аттическом литературном языке», о мест-

³ Lejeune M. *Traité de phonétique grecque*. Paris, 1955, p. 7.

⁴ Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 62.

⁵ Горнунг В. В. Общие проблемы истории древнегреческой литературы. — В кн.: История греческой литературы. М.; Л., 1946, I, с. 35.

⁶ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 38.

ных и общегреческой койне, возникших на аттической основе, об аттическом диалекте, легшем в основу греческого литературного языка, о литературной койне Сицилии.⁷

Этот сжатый обзор высказываний дает основание сделать вывод о том, что среди исследователей не только нет единства в использовании термина «литературный язык», но и нет общего мнения относительно того, что он собой представлял.

Прежде всего нуждается в уточнении само понятие древнегреческого литературного языка. Его не следует смешивать с языком литературных жанров. В этом плане эпический или гомеровский язык, который принято определять как первый древнегреческий литературный язык, было бы целесообразнее называть древнейшим языком греческой литературы, языком эпического литературного жанра или языком гомеровского эпоса. Равным образом надлежало бы говорить о языках хоровой лирики, лесбосской поэзии, аттической драмы не как о литературных, а как о языках соответствующих жанров греческой литературы. Литературный язык — понятие значительно более широкое, чем язык литературы, хотя, как неоднократно отмечалось, наличие письменности является одним из основных признаков его существования. Из остальных можно назвать следующие: обслуживание им экономических, политических, идеологических, эстетических и иных культурных нужд общества; присутствие литературно узаконенных норм и традиций; преодоление характерного для бытовой речи диалектного дробления.

Два последних положения касаются характера и особенностей самого языка и поддаются в той или иной мере изучению в условиях Древней Греции на протяжении большого исторического периода. Первое положение, связанное с функциональной характеристикой литературного языка, исследовать намного сложнее. Дело в том, что диапазон сохранившихся до наших дней письменных источников, позволяющих судить об общественной роли и значении литературного языка, не одинаков на различных этапах развития греческой истории. Он, в частности, представлен весьма скудно с древнейших времен и вплоть до VII—VI вв. до н. э. Это вынуждает нас исходить в ряде случаев в своих рассуждениях из косвенных данных и

⁷ Там же, с. 12—16.

строить заключения, базируясь на доступных нам более поздних памятниках греческой письменности.

Заслуживает пристального рассмотрения и вопрос о числе литературных языков в Древней Греции. В научной литературе упоминаются обычно эпический, ионийский, дорийский, аттический и эллинистический. Основным критерием их выделения служат, как правило, лежащие в основе того или иного литературного языка греческие диалекты, связанные (ионийский, аттический) или не связанные (дорийский) с определенной областью Древней Греции, иногда литературный жанр (эпический) или исторический период (эллинистический). При этом отмечается, что лишь некоторым диалектам удалось подняться до уровня литературных, остальные в силу различных причин остались за пределами литературы. Каждый из них, как свидетельствуют дошедшие до нас надписи, использовался более или менее широко в качестве средства общения в том или ином районе Греции. Однако лишь четыре диалекта — ионийский, эолийский, аттический и дорийский — послужили, по мнению исследователей, основой для литературных языков. Взаимодействие этих диалектов в процессе формирования литературных и жанровых языков греческой литературы неоднократно привлекало внимание специалистов. Возникает вместе с тем вопрос, насколько далеки и отличны друг от друга греческие литературные языки, и есть ли достаточно оснований для их выделения как самостоятельных образований. Нельзя не заметить, что главным критерием их различения являются фонетические признаки, в то время как их морфологическая структура и лексика в основном существенно не различаются. Достаточно ли этого, чтобы их рассматривать как отдельные литературные языки, особенно если придавать этому понятию то широкое значение, которое оно приобрело в современной лингвистической литературе? Античный период развития греческого литературного языка охватывает около двух тысячелетий. В течение этого времени в системе древнегреческого языка не произошло таких существенных изменений, которые повлекли бы за собой значительные его качественные преобразования, что свидетельствует о структурной целостности этого языка.⁸ В свою очередь возникает вопрос, не следует ли счи-

⁸ «...есть все основания говорить об одном и том же Г. я. на разных хронологич. ступенях развития и в различных его разновид-

таться и с наличием в Древней Греции не нескольких, а одного литературного языка, проходившего разные этапы своего становления и развития, обогащавшегося в процессе своей истории многими разнодиалектными компонентами, но не терявшего при этом своего единства и целостности. В этом случае такие признававшиеся до сих пор особыми литературные языки, как например ионийский или аттический, могли бы рассматриваться в качестве составных частей или разновидностей единого древнегреческого литературного языка на той или иной ступени его многовекового формирования.

Решение вышепоставленных вопросов невозможно без обращения ко всей совокупности факторов, определявших исторические пути развития греческого языка, в том числе и литературного, начиная с половины II тыс. до н. э. и кончая первой половиной I тыс. н. э.

Важнейшими из этих факторов представляются: социально-экономические и общественно-политические, т. е. учет общественно-экономической рабовладельческой формации и ее динамики, исторических этапов становления греческого государства, особенностей социально-политической структуры античных полисов, состояния грамотности древнегреческого общества; географические и демографические, т. е. учет географических и природных условий Древней Греции, ее относительной раздробленности, особенностей заселения ее территории, передвижения греческих племен и населения в разные исторические периоды; лингвистические и литературные, т. е. учет распространения и функций греческих диалектов, образования наддиалектных общих языков, формирования языков литературных жанров и их влияния, наличия других (кроме художественной литературы) видов письменности, качество и количество источников, т. е. учет сохранившегося древнегреческого эпиграфического и панирусного материала, произведений художественной, научной, публицистической и технической литературы.

Существенным вопросом для изучения истории древнегреческого литературного языка является ее периодизация. Представляется целесообразным придерживаться в целом того деления на периоды, которое принято для истории

древнегреческой литературы, внеся в него некоторые уточнения и изменения.

Вводится дополнительно «микенский и послемикенский периоды» в соответствии с новой ситуацией, вызванной обнаружением и прочтением крито-микенских текстов II тыс. до н. э. Следующий период (с VIII—V вв. до н. э.) предлагается именовать «ионийским» в отличие от «архаического», закрепленного за художественной литературой. Хотя время римского господства сыграло некоторую роль в развитии греческого литературного языка, она не оказалась столь значительной, чтобы выделять «римский период» в его истории. Более удачным представляется поэтому сохранить для времени с I—V вв. н. э. название «позднеэллинистического» в отличие от «раннеэллинистического» (IV—I вв. до н. э.), т. е. придерживаться расширительного понимания термина «эллинистический период».⁹ Уточняются также хронологические рамки выделенных периодов. Началом ионийского периода древнегреческого литературного языка признается VIII и концом — V век, началом аттического — VI и концом — IV век до н. э., началом позднеэллинистического — I и концом — V век н. э.

После внесенных уточнений периодизация древнегреческого литературного языка выглядит следующим образом:

1. Микенский и послемикенский период (XIV—IX вв. до н. э.).¹⁰
2. Ионийский период (VIII—V вв. до н. э.).
3. Аттический период (VI—IV вв. до н. э.).
4. Эллинистический период (ранний и поздний, IV в. до н. э.—V в. н. э.).

Предстоит решить ряд сложных вопросов: об условиях, месте и времени формирования древнегреческого литературного языка; о взаимоотношении литературного языка с жанровыми языками греческой литературы; о соотношении литературного языка и так называемых общих языков; о роли и взаимодействии греческих диалектов в истории

⁹ Ср.: Античная литература / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1973, с. 198.

¹⁰ Н. Н. Пикус определяет период с XI—IX вв. в истории Греции как «предполисный» (см.: История Древней Греции / Под ред. В. И. Авдиева, Н. Н. Пикус. М., 1972, с. 3), М. Лежен — в истории греческого языка как «доалфавитный» (см.: *Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris, 1972, p. 21).

литературного языка; о месте, своеобразии и значении отдельных разновидностей греческого литературного языка.

Пристальное внимание, оказываемое советскими лингвистами на протяжении последних десятилетий проблематике литературных языков, неразрывно связано и с обсуждением комплекса вопросов, касающихся языка художественной литературы.¹¹ Являясь, как правило, основным компонентом литературного языка, язык художественной литературы находится с ним в постоянной взаимосвязи, обуславливает его развитие и совершенствование. Вместе с тем специфические особенности языка художественной литературы позволяют выделить его и как относительно самостоятельный и своеобразный объект исследования.¹²

Определенный теоретический интерес представляет наряду с другими изучение языка древнегреческой художественной литературы.¹³ И. М. Тронский полагает, что это «проблема большого научного значения», впервые поставшая перед нашей классической филологией в советское время, и подчеркивает, что «она стала возможной только на основе марксистско-ленинской методологии».¹⁴

Развитие языка древнегреческой художественной литературы было теснейшим образом связано с самой литературой, представлявшей собой одну из идеологических форм рабовладельческого общества. В этом языке находили отражение его основные черты, главные и второстепенные вопросы экономической, социальной, политической и культурной жизни и быта Древней Греции за период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. Вместе с тем это было отражение опосредованное, прошедшее через ум и сердце античного писателя и содержавшее зачастую более или менее ярко выраженный отпечаток мировоззренческой, этической и эстетической позиции самого поэта или прозаика.

¹¹ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959; Винокур Г. О. Язык художественной литературы. — В его кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

¹² Виноградов В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи. М., 1958, с. 11—12.

¹³ См.: Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 1965, p. 119—249; ср.: Zarncke E. Die Entstehung der griechischen Literatursprachen. Leipzig, 1890; Schwyzler E. Griechische Grammatik. München, 1934, I, 1, S. 100—131; Hoffmann O., Debrunner A. Geschichte der griechischen Sprache. Berlin, 1969, I, S. 60—152.

¹⁴ Тронский И. М. Классические языки. — В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, с. 145—146.

Средства ее выражения черпались в сокровищнице древнегреческого народного языка, однако писатель пользовался ими избирательно, опираясь на установившуюся традицию и руководствуясь собственным чутьем и художественным вкусом. Немалую роль играл в этом процессе и сам выбор литературного — поэтического или прозаического — жанра. Возникший на определенном греческом ареале, в определенных исторических условиях и в определенной диалектной среде жанровый язык становился в некоторой мере обязательным для тех, кто пытался творить в рамках данного литературного течения, будь то эпическая поэзия, хоровая лирика или трагедия. Развитие языка художественной литературы проходило, таким образом, в пределах традиционных жанров. Как бы ни казался, однако, на первый взгляд единым язык эпических, хорических или драматических поэтов, в каждом из них имелись и свои индивидуальные, явно заметные и менее бросающиеся в глаза черты и особенности. Сравнение языка Гесиода с гомеровским позволяет при всем их сходстве обнаружить и ряд различий. В гесиодовской лексике напало, в частности, свое отражение отличное от гомеровского восприятие окружающего поэтов мира, высокая оценка сельскохозяйственного труда, пессимистический взгляд на жизнь, отрицательное отношение к женщинам.¹⁵ В то же время Гесиод придерживается более строго таких параметров избранного жанра, как фонетико-морфологический, диалектный и метрический. Эпическая песня не сочинялась на дорийском диалекте, ни хоровая на ионийском, в первой не принято было пользоваться ямбическим стиховым размером, а во второй — гексаметром. Это не исключало, однако, хотя в какой-то степени и сдерживало, возможности писателя проявить свою индивидуальность в выборе выразительных языковых средств так же, как он проявлял ее в выборе и трактовке жанрового сюжета. Условности жанра не были столь строгими и обязывавшими в художественной прозе, что давало значительно больший простор для проявления в языке произведений своих личностных качеств.

Изучение языка древнегреческой художественной литературы предполагает прежде всего рассмотрение особенностей развития отдельных ее жанровых языков на

¹⁵ Ср.: Sinko T. Literatura grecka. Kraków, 1931, I, 1, s. 215—216.

базе анализа языка представителей каждого жанра. Вместе с тем встает задача выявления и рассмотрения общих закономерностей становления языка греческой художественной литературы. Поскольку греческий язык отличался на протяжении всей античности исключительной стойкостью и определенной стабильностью своей фонетико-морфологической структуры (если отвлечься от диалектных колебаний), следует исходить из того, что более существенные изменения происходили в языке древнегреческой художественной литературы в основном не столько на фонетико-морфологическом, сколько на других его уровнях, и главным образом на лексическом, семантическом, словообразовательном, синтаксическом и стилистическом. Это обстоятельство требует от исследователя не ограничиваться при изучении динамики развития языка древнегреческой художественной литературы анализом его диалектных и грамматических особенностей, а относиться с должным вниманием и ко всем остальным его компонентам.

Язык гомеровских поэм явился первым жанровым языком греческой художественной литературы, и с Гомера, естественно, началась его фиксированная история. Однако язык «Илиады» и «Одиссеи» — результат многовекового развития греческого поэтического языка, итог пути, пройденного им до VIII—VII вв. до н. э. Остальные жанровые языки появились на греческой арене позднее, и они более тесно связаны уже не только с полумифической, но и с вполне реальной историей греческого рабовладельческого государства в течение почти тринадцати столетий. Поскольку создание нового литературного жанра было связано каждый раз с определенным этапом истории Древней Греции, в жанровом языке неизбежно находили прямое или косвенное отражение процессы социально-политической и духовной жизни греческого общества. Комплексное, включающее все уровни изучение языка художественной литературы становится необходимым условием выявления не только индивидуальных и жанровых, но и общих особенностей становления языка самой литературы как одной из форм рабовладельческой идеологической надстройки. Комплексность подхода к изучению языка древнегреческой художественной литературы состоит и в тщательном анализе и постоянном учете таких показателей, как отношение писателя к общей и жанровой языковой традиции; степень и характер вво-

димых инноваций; динамика развития различных языковых уровней; своеобразие применяемых диалектных, просодических и стилистических средств.

Предлагаемая периодизация истории языка древнегреческой художественной литературы, в отличие от греческого литературного языка, — это по существу та же периодизация истории греческой литературы. В соответствии с установившимся для литературы делением¹⁶ в ней целесообразно различать следующие этапы: 1) язык художественной литературы архаического периода (VIII—VI вв. до н. э.); 2) язык художественной литературы аттического периода (V—IV вв.); 3) язык художественной литературы эллинистического периода (IV—I вв.); 4) язык художественной литературы римского периода (I—V вв. н. э.).

В пределах каждого периода изучаются соответствующие жанровые языки: в архаический период — язык эпоса, лирики, художественной прозы; в аттический период — язык драмы и художественной прозы; в эллинистический и римский периоды — языки поэзии и художественной прозы.

Изучение языка художественной литературы по историческим периодам является несомненно целесообразным методом проникновения в характер и основные этапы общего процесса становления этого языка. Он не дает, однако, цельного представления об историческом пути каждого из жанровых языков в отдельности. В связи с этим думается, что поэтапный путь изучения языка греческой художественной литературы следует дополнить пожанровым, дающим возможность проследить развитие каждого жанрового языка с момента его возникновения и до конца античности. Очевидно, что одни жанровые языки, как например эпической поэзии, достигнув высокого уровня своего развития на заре греческой истории, постепенно теряли какие-то прежние и приобретали новые качества, продолжая культивироваться на протяжении еще ряда столетий; другие, например хоровой лирики, вовсе исчезли после блестящего расцвета в ранний период становления греческого общества; третьи, например художественной прозы, наоборот, со временем набирали силу и расширяли свои общественные функции, своевременно от-

¹⁶ См.: Тронский И. М. История античной литературы. М., 1983; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1977; Лосев А. Ф., Сонкина Г. А., Тахо-Годи А. А. История древнегреческой литературы. М., 1980.

кликаясь на нужды и запросы обслуживаемой ими среды. При жанровом подходе намного легче было бы проследить и диапазон используемых каждым литературным жанром языковых средств, эволюцию его синтаксических и стилистических возможностей, участие и вклад великих писателей в его формирование.

Предстоит изучить и вопрос о роли и границах жанровых стилей в языке художественной литературы. В настоящее время преобладает мнение, что для эпох, предшествовавших национальному развитию, проблема индивидуально-художественного стиля еще не выдвигается.¹⁷ Нельзя вместе с тем отрицать, что какие-то существенные элементы последнего встречаются уже у выдающихся писателей в античное время.

Классификацию жанровых языков художественной литературы можно бы представить следующим образом: поэтические: эпический (с VIII—VII вв.) — героический, генеалогический, дидактический; лирический (с VII—VI вв.) — хорический и монодический (элегический, ямбический, мелический); драматический (с VI, V вв.) — трагический и комический; буколический (с IV, III вв.); прозаические: новеллический (с VI в.), басенный (с VI в.), мимический (с VI в.), романический (с I в. н. э.).

Рассмотрение каждого из жанровых языков должно учитывать следующие показатели: диалект жанра, грамматическую структуру языка, лексику (включая словообразование, словосложение, семантику и фразеологию), стилистику, просодию и ритмику; особенности языка позднейших представителей жанра.

Применение такой общей схемы несомненно облегчило бы уяснение происходивших в языке жанра процессов как внешнего, так и внутреннего плана, степень изменчивости в его пределах отдельных языковых уровней и стилистических средств.

Сложность решения всех затронутых выше вопросов очевидна. В нашем исследовании сделана, естественно, попытка рассмотреть лишь некоторые из них.

Изучению проблем древнегреческого литературного языка и языка древнегреческой художественной литературы способствует в определенной степени новая благоприятная научная ситуация, создавшаяся в грецистике

¹⁷ Ср.: Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития, с. 83.

благодаря дешифровке линейного письма Б. «Еще недавно, — отмечает И. М. Тронский, — историю греческого литературного языка приходилось начинать с Гомера, и все историко-лингвистические исследования более поздней греческой литературы проходили в невольном сопоставлении с гомеровским языком. В настоящее время исходным пунктом становится не эпический язык Гомера, а лежащий в его основе язык микенских песнопений, о диалектной базе которого дают известное представление крито-микенские деловые документы. Все существующие взгляды на развитие греческого литературного языка нуждаются в пересмотре».¹⁸

Рассмотрению языка крито-микенских текстов и диалектной ситуации XIV—XII вв. до н. э., еще три десятилетия тому назад недоступной науке об античности, посвящена первая глава нашей работы.

¹⁸ Тронский И. М. Значение дешифровки крито-микенских линейных писем типа Б для сравнительной грамматики индоевропейских языков и раннего этапа истории греческого языка. — В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1964, с. 67.

ЯЗЫК КРИТО-МИКЕНСКИХ ТЕКСТОВ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Проблема взаимоотношения греческих диалектов еще не решена. Исходя из данных исторической традиции и соображений, основанных на изучении языкового материала, О. Гофман делит диалекты Древней Греции на три группы: 1) дорийскую, 2) ахейскую с северной (Фессалия, Лесбос, отчасти Беотия) и южной (Аркадия, Кипр) подгруппами и 3) ионийскую.¹ Учитывая этнографические и диалектно-географические моменты, А. Тумб предлагает несколько иное деление: 1) западногреческие диалекты (дорийские), 2) центральногреческие (беотийский, фессалийский, лесбосский, аркадско-кипрский), 3) памфилийский, в котором отразилось смешение западно- и центральногреческих диалектов, и 4) восточногреческие диалекты (ионийский и аттический).² Отдавая предпочтение соображениям этнографического и историко-хронологического порядка, Э. Швицер разделил все греческие диалекты на две группы: старшую — додорийскую с тремя подгруппами (ионийско-аттической, аркадско-кипрской и эолийской) и младшую — северо-западную дорийскую.³

Основанием для названных классификаций являются прежде всего фонетические и морфологические особенности. Так, например, долготу е (η) в ионийско-аттическом диалекте соответствует долгое а (ᾱ) во всех других диалектах; в лесбосском, аркадско-кипрском, фессалийском и беотийском встречается -ρο- вместо -ρα- (например, στρότος вместо στρατός 'войско') других диалектов. Вин. пад. мн. ч.

¹ См.: Hoffmann O. Die griechischen Dialekte in ihren historischen Zusammenhänge mit den wichtigsten ihrer Quellen. Göttingen, 1891, Bd I, S. IV—VII.

² См.: Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1932, Bd I, S. 38—39.

³ См.: Schwyzler E. Griechische Grammatik, Bd I, 1, S. 85—96.

существительных с о- основой оканчивается в ионийско-аттическом диалекте на -ους, в дорийском — на -ως, в лесбосском — на -οις; местоимение 1-го л. мн. ч. представлено в ионийско-аттическом формой ἡμεῖς, в эолийском — ἄρμες, в дорийском — ἄμες.

Следует, однако, отметить, что все вышеприведенные схемы деления диалектов страдают рядом недостатков. Они, во-первых, в значительной степени условны,⁴ поскольку диалектная карта Греции отличается крайней пестротой и разнообразием. Они основываются, во-вторых, на довольно поздних документальных данных и поэтому в состоянии лишь приблизительно верно отражать более поздний (начиная с VII в. до н. э.) период распространения греческих диалектов (у ионийцев к этому времени, например, уже исчезла дигамма, долгое а перешло в долгое е, и т. д.).

Естественно, что в этих условиях обнаружение текстов на 500—600 лет древнее, чем наиболее архаичные из известных до сих пор греческих надписей, представляет собой событие исключительной важности для греческой диалектологии.

Уже первые наблюдения позволили установить общность некоторых фонетических и морфологических явлений в крито-микенских текстах и позднейших диалектных надписях. В одной из кносских табличек отмечена приставка а-ру- (классическое ἀπο-) в слове а-ру-до-си, т. е. ἀπόδοσις 'уплата'. Приставка ἀπο- известна из лесбосского, аркадского и фессалийского диалектов. Имя собственное ро-то-ри-жо, т. е. Πτολίων 'Птолион' образовано от слова πόλις, т. е. πόλις 'город'; сочетание πτ- вместо π- в подобных же словах мы находим в аркадском диалекте (название местности Πτόλις), на критских монетах из г. Аптары и в кипрской надписи из г. Эдалиона. Форму числительного qe-to-ro- 'четыре' можно сравнить с фессалийской πετρο-, обнаруженной в слове πετροετήρις 'четырёхгодовой праздник' в одной из надписей г. Лариссы. Фессалийский диалект является единственным, сохранившим форму родительного падежа ед. ч. на -οιο, широко представленную в крито-микенских текстах. Древний орудийный падеж с окончанием на -φι встречается нередко в табличках. Его следы находим в беотийском диалекте. Так, в словаре Гесихии

⁴ См. об этом: Wilamowitz-Moellendorff U. v. Der Glaube der Hellenen. Berlin, 1931, Bd I, S. 62.

читаем: «слово πασσαλόφιν означает „от деревянного гвоздя“, беотийское выражение». ⁵ Глагольные формы 3-го л. мн. ч. на -(ν)σι (e-ko-si, т. е. ἔχονσι) оказались ближе к соответствующим формам аркадского (ἔχονσι), эолийского (ἔχουσι) и ионийско-аттического (ἔχουσι) диалектов.

Дешифровка Вентрисом линейного письма Б и прочтение крито-микенских надписей поставили перед наукой ряд сложных проблем. Имеем ли мы дело с качественно новым диалектом или с древней разновидностью уже известных нам диалектов, каково место «микенского» в их общей классификации и каков характер его связей с позднейшим греческим языком, — эти и многие другие вопросы уже три десятилетия находятся в центре внимания исследователей различных стран мира.

М. Вентрис и Дж. Чэдвак увидели в языке крито-микенских текстов древнеахейский диалект. П. Шантрэн обратил внимание на близость ряда элементов этого языка и соответствующих элементов гомеровского языка (родительный падеж ед. ч. на -οιο, орудийный падеж на -φι), с одной стороны, и аркадского (кипрского) диалекта (3-е л. ед. ч. среднего залога на -τοι) — с другой. Вместе с тем Шантрэн полагает, что не следует сближать язык крито-микенских текстов ни с дорийским диалектом, ни с ионийским; он считает, что язык, на котором говорили на Крите и Пелопоннесе в период с 1500 по 1200 г. до н. э., был, по-видимому, своего рода «предком аркадско-кипрской группы». ⁶ М. Лежен указал на необходимость быть более осторожным в определении характера языка табличек; признавая существование определенной связи этого языка с аркадским и кипрским, он тем не менее приходит к выводу, что видеть в языке крито-микенских текстов древнюю форму аркадско-кипрского диалекта нет достаточных оснований. ⁷ В. Пизани обратил внимание на наличие в языке надписей ряда черт, отличающих его от дорийского и североеолийского, а также отметил близость языка

⁵ См.: Hesychii Alexandrini Lexicon / Ed. J. Albertum. Ienae, 1861, V, III, p. 290: ср. беотийское ἐπιπασσάλοφιν 'отчество': Schwyzler E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Lipsiae, 1923, N 462, 28.

⁶ См.: Chantraine P. Le déchiffrement de l'écriture linéaire B à Cnossos et à Pylos. — Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes, 1955, t. XXIX.

⁷ См.: Lejeune M. Etudes de philologie mycénienne. I—II. — Revue des études anciennes, 1956, t. LVIII, p. 6.

текстов аттическому (в меньшей мере — ионийскому) и особо тесную их связь с аркадско-кипрским диалектом. Пизани предложил при классификации греческих диалектов выделять не три, а четыре группы, прибавив к дорийской, эолийской и ионийско-аттической группам новую — микенскую.⁸ Э. Риш поставил под сомнение древность ионийского и главным образом эолийского диалектов. Крито-микенские тексты, по его мнению, подтвердили предположение о тесной связи гомеровского языка с аркадским диалектом. Риш предложил разделить греческие диалекты на две древнейшие группы: южную и северную, полагая при этом, что аркадский, восточнофессалийский и кипрский диалекты представляют собой уцелевшие остатки этих двух групп.⁹ Эти взгляды Риша подверг критике С. Я. Лурье,¹⁰ который считает, что нет оснований сомневаться в древности ионийского диалекта (ионийцы упоминаются уже в микенских надписях), равно как и объединять в «северную группу» эолийский, западногреческий и дорийский диалекты. Вслед за Гофманом и Вентрисом Лурье полагает, что эолийский, так же как и аркадско-кипрский, памфилийский диалекты и язык древнейшего слоя поэмы Гомера, следует возводить к «ахейскому диалекту».¹¹ По мнению Лурье, ахейский диалект в XV-XIV вв. до н. э. уже противостоял, с одной стороны, ионийскому диалекту, который сохранил ряд более древних форм, и, с другой — дорийскому, сохранившему древнее -τι, которое и в ахейском, и в ионийском изменилось в -τι.

Вопрос о характере языка крито-микенских текстов (наряду с другими вопросами, касающимися этих текстов) впервые был подвергнут детальному обсуждению на Международном коллоквиуме, в котором приняли участие ученые из 8 стран (21 человек). В ходе дискуссии по докладам Э. Риша и В. Георгиева выступили виднейшие «микенологи»: М. Вентрис, Дж. Чэдвик, М. Лежен, Э. Беннетт,

⁸ См.: *Pisani V. Die Entzifferung der ägeischen linear B Schrift und die griechischen Dialekte.* — In: *Rheinisches Museum für Philologie*, 1955, Bd 98.

⁹ См.: *Risch E. Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht.* — *Museum Helveticum*, 1955, v. 12.

¹⁰ См.: *Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции.* М.; Л., 1957, с. 176.

¹¹ Там же, с. 179.

П. Шантрэн, Г. Мюлештейн и др.¹² Коллоквиум дал возможность его участникам лучше ознакомиться с успехами быстро развивающейся микенской филологии и наметить теоретические и практические задачи на ближайшее будущее. Однако, как и можно было ожидать, имевший место обмен мнениями не привел к выработке согласованного заключения о характере крито-микенского диалекта и его месте среди других греческих диалектов. Дискуссия и обсуждение этого вопроса на страницах научных журналов позволяют выделить для начального периода следующие точки зрения: язык крито-микенских надписей наиболее близок к аркадско-кипрской и эолийской диалектным группам (М. Вентрис, Дж. Чэдвик);¹³ крито-микенский диалект весьма близок к аркадско-кипрскому и протоионийскому диалектам (Э. Риш),¹⁴ крито-микенский — переходная ступень между ионийско-аттическим и эолийским диалектами (Ф. Адрадос),¹⁵ крито-микенский — смешанный диалект, наложение прааркадско-кипрского (эолийского) и пранонийского диалектов (В. Георгиев).¹⁶

В 1959 г. А. Шерер в своем очерке о «микенском» диалекте, включенном в переизданный им второй том работы А. Тумба, указывает на близость этого диалекта к общей праступени (*Vorstufe*) аркадского и кипрского.¹⁷ Э. Вильборг в своей грамматике микенского греческого указывает, что нет серьезных доводов, мешающих рассматривать «микенский» как специфический аркадско-кипрский диалект.¹⁸ А. Хойбек в опубликованной в «*Glotta*» статье становится на сторону Э. Риша, считающего, что до 1200 г. до н. э. предки аттико-ионийского и аркадско-кипрского

¹² Материалы этой встречи, состоявшейся в 1956 г. во Франции, опубликованы в книге: *Etudes mycénienes. Actes du colloque international sur les textes mycéniens*. Paris, 1956.

¹³ См.: *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek*. Cambridge, 1956, p. 74.

¹⁴ См.: *Risch E. La position du dialecte mycénien*. — In: *Etudes mycénienes*, p. 170.

¹⁵ См.: *Adrados F. R. Achäisch, Ionisch und Mykenisch*. — *Indogermanische Forschungen* 1956, Bd 62, N 3.

¹⁶ См.: *Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*. (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, с. 69.

¹⁷ См.: *Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte / Hrsg. von A. Scherer*. Heidelberg, 1959, Bd II, S. 326.

¹⁸ См.: *Vilborg E. A tentative grammar of Mycenaean Greek*. Göteborg, 1960, p. 22.

диалектов были очень близки друг к другу, а «микенский» был близок к обоим.¹⁹ Против Э. Рипа выступает Рейх: он обращает внимание на то, что трактовка *r как ор, ро, в микенском совпадает с аркадско-кипрским и эолийским.²⁰ Вопрос о месте микенского среди древнегреческих диалектов оживленно обсуждается на встречах микенологов.

На состоявшемся в 1961 г. в США Третьем микенологическом коллоквиуме были прослушаны два специальных доклада на эту тему.²¹ Первый, посвященный месту микенского среди прочих греческих диалектов,²² был сделан В. Георгиевым, второй — о положении диалекта липейного письма Б — А. Товаром.²³

Четвертый микенологический коллоквиум, собравшийся в 1965 г. в Англии, обсудил ряд сообщений, связанных с «микенским».²⁴ А. Барtoneк посвятил свой доклад рассмотрению гипотезы В. Георгиева о существовании микенской койне.²⁵ Признавая ее заманчивость, докладчик в то же время предположил, что эта койне могла возникнуть не из простого смешения нескольких диалектов, а в виде наддиалекта на базе одного из них. В случае «микенского» этим базовым диалектом мог быть диалект, весьма близкий к аркадско-кипрскому. В. Георгиев в своем сообщении подтвердил ранее высказанное мнение о «микенском» как о протоэолийском диалекте с протоионийским субстратом, т. е. о своеобразной койне, последний этап развития которой сохранился в гомеровском и аркадско-кипрском диалектах.²⁶ Э. Рип обратил внимание

¹⁹ См.: *Heubeck A. Zur dialektologischen Einordnung des Mykenischen.* — *Glotta*, 1960—1961, Bd 39.

²⁰ См.: *Ruijgh C. J. Le traitement des sonantes voyelles dans les dialectes grecs et la position du mycénien.* — *Mnemosyne*, 1961, Bd 14.

²¹ См. об этом: *Mycenaean studies. Proceedings of the III international colloquium for Mycenaean studies held at «Wingspread», 4—8 September 1961/Ed. by E. L. Bennett. Madison, 1964.*

²² См.: *Georgiev V. Mycenaean among the other Greek dialects.* — *Ibid.*, p. 125—140.

²³ См.: *Tovar A. On the position of the Linear B dialect.* — *Ibid.*, p. 141—146.

²⁴ См. об этом: *Proceedings of the Cambridge colloquium on Mycenaean studies / Ed. by L. R. Palmer. J. Chadwick. Cambridge, 1966.*

²⁵ См.: *Bartonek A. Mycenaean koine reconsidered.* — *Ibid.*, p. 95—103.

²⁶ См. подробнее: *Georgiev V. Mycénien et homérique: le problème du digamma.* — *Ibid.*, p. 105.

на диалектные различия в «микенском».²⁷ К. Галлавотти дал определение «микенского» как протоэолийского диалекта, сохранившего ряд общих специфических явлений с предысторическими языками севера Балканского полуострова. Эти общие черты были выработаны в результате тесного общения эолийцев с населением Северной Греции в III—II тыс. до н. э.²⁸

На микенологическом симпозиуме, состоявшемся в 1966 г. в Чехословакии, был прослушан доклад А. Барtoneка «Греческая диалектология после дешифровки линейного Б».²⁹ Проанализировав развитие греческой диалектологии за последние годы, докладчик указал на наличие ряда гипотез относительно характера «микенского». Это, во-первых, минималистская теория, отождествляющая микенский с аркадско-кипрским (Адрадос, Рейх). Это, во-вторых, теория, рассматривающая микенский как диалект аркадско-кипрского и аттико-ионийского типа (Пизани, Риш, Чэдвик). Это, в-третьих, теория об аркадско-кипрско-эолийском характере микенского (Пальмер, Товар, Лурье). В-четвертых, это теория микенской койне, т. е. смешанного языка, базирующегося на ионийско-эолийском (Георгиев), ахейско-ионийском (Гринбаум). Какая из этих теорий наиболее близка к истине, пока еще определить трудно. Участникам встречи в Брно была роздана анкета, составленная А. Барtoneком и включающая названные выше вопросы. Ответы ученых различных стран были опубликованы вместе с материалами симпозиума.³⁰ Оставляя в стороне вопросы первой и третьей группы, рассмотрим подробнее ответы, касающиеся происхождения и характера «микенского».

Дж. Чэдвик склоняется к мнению, что «микенский» был смешанным (composite) языком, выработанным как язык двора и базирующимся на более чем одном местном диалекте. В. Коугил полагает, что «микенский» связан с диалектным ареалом, включающим предков более поздних аттико-ионийского и аркадско-кипрского диалек-

²⁷ См. об этом: *Risch E.* Les différences dialectales dans le mycénien. — *Ibid.*, p. 150—160.

²⁸ См.: *Gallavotti C.* Quelques remarques de morphologie. — *Ibid.*, p. 180—190.

²⁹ См.: *Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean symposium. Brno, April. 1966 / Ed. by A. Bartonek. Brno, 1968, p. 37—51.*

³⁰ *Ibid.*, p. 155—240.

тов. М. Петрушеви́чи считает, что носителями микенского греческого были древние ахейцы, следы которых сохранились в надписях Аркадии, Кипра и Памфилии. К. Рейх относит «микенский» к ахейскому, предку аркадского и кипрского диалектов. В. Мерлинген определяет микенский как древнейший греческий диалект, мало чем отличающийся от других; он стал письменным языком верхних слоев общества. П. Ватле предполагает, что «микенский» был общим языком, выросшим из говоров Пелопоннеса и весьма близким к диалектам Аркадии и Кипра. И. М. Тронский поддерживает теорию, согласно которой язык микенских документов представляет собой некую койне, в которой, однако, центральногреческие элементы (не тронутые еще лабиовелярные, родительный падеж на *-οιο* и т. д.) играют весьма значительную роль. Койне следует при этом рассматривать, по мнению Тронского, как наддиалектную норму. Тронский считает возможным постулировать, наряду с документальной койне, также и поэтическую койне микенской эпохи.

На Первом международном микенологическом конгрессе в Италии в 1967 г. с докладом «Относительно греческого микенского диалекта» выступил французский исследователь М. Лежен.³¹ Греческие говоры I тыс. до н. э. делятся, как известно, отметил докладчик, на небольшое число диалектных групп, внутри которых расхождения от наречия к наречию менее значительны и, как правило, более свежи или вторичны. Признается поэтому, что эти большие диалектные группы являются следствием доисторического развития греческого лингвистического ареала, когда эллины жили еще вне Греции, скажем в III тыс. до н. э. Последовательные иммиграционные волны принесли эти диалектные группы на территорию Греции во II тыс. до н. э. В дальнейшем вследствие новых передвижений и действий субстрата различия между ними стали усиливаться и дали ту картину диалектов, которая нам известна с начала алфавитных времен. И вот 15 лет тому назад появился «микенский». Отрицательная дефиниция была ему дана сразу: он не содержит никакой специфической дорийской черты. Однако относительно положительной дефиниции единого мнения нет до сих пор. Эта архаическая форма греческого языка про-

³¹ См. материалы конгресса: *Atti e memorie del I Congresso Internazionale di micenologia*. Roma, 1967, v. I, p. 233—238.

являет удивительное однообразие везде, где она обнаружена, — в Кноссе, Пилосе, Микенах и Фивах. Были выявлены общие диалектные черты «микенского», с одной стороны, аркадско-кипрского, ионийско-аттического и эолийского — с другой. Показалось вначале, что наиболее многочисленными являются аркадско-кипрские, наименее многочисленными — эолийские. Выяснилось, однако, что диалектная палитра микенского не соответствует точно ни одной из трех групп, включая аркадско-кипрский диалект. Тем не менее связь с последним определяет то направление, в котором следует вести поиски: речь идет не только о количестве соответствий, но и об их качестве.

М. Дуранте в результате рассмотрения языковых отношений в микенской и позднейшей Греции приходит к заключению, что исторические греческие диалекты являются продолжением не микенской койне, представленной в табличках, а народных диалектов микенского периода.³² Междиалектная же койне обслуживала различные стороны микенской цивилизации, связанные с жизнью образованных слоев общества.

О. Семереньи определил в своем докладе «микенский» как столбовой камень между индоевропейским и историческим греческим.³³ Он отметил, что еще 15 лет тому назад отправным пунктом для истории греческого языка был VIII век: появление гомеровских поэм и первые эпиграфические памятники. Разрыв между ранними греческими документами и реконструируемым индоевропейским языком-предком был весьма внушительным (2300—800 гг. до н. э.). В 1952 г. М. Вентрис нашел ключ к табличкам линейного письма Б и добавил полстолетия к документированной истории греческого. Это дало огромную лингвистическую информацию. «Микенский» представляет собой безусловно греческий язык. Характерные признаки, отличающие греческий от других индоевропейских языков, уже совсем отчетливо развиты. Если взять «микенский» как систему, то можно сказать, что она далеко ушла от индоевропейского, а если не считать немногих следов старой системы, можно утверждать, что она стала уже почти целиком эллинской.

³² Ibid., v. II, p. 51—59.

³³ Ibid., p. 527—537.

К. Галлавотти представил доклад на тему «Микенская традиция и греческая архаическая поэзия».³⁴ Крито-микенские тексты, столь значительно обогатившие наши сведения о различных сторонах жизни микенского общества, не принесли, к сожалению, никаких непосредственных данных о микенской литературе, поэзии или прозе. Благодаря дешифровке удалось выяснить ряд вопросов, связанных с изображенной в гомеровских поэмах эпохой и историей греческого языка, однако остается все еще открытой проблема существования эпической поэзии в микенское время.

Диалектной позиции микенского отводит один из разделов своей книги «Руководство к изучению микенского» М. Дория.³⁵ Подвергнув рассмотрению существующие по этому вопросу гипотезы, он приходит к заключению, что несмотря на некоторые совпадения с эолийским диалектом, микенский не может быть причислен к эолийско-аркадско-кипрской системе, а принадлежит ко всей семье южных греческих диалектов.

В 1966 г. был опубликован доклад американского исследователя В. Коугила «Древнегреческая диалектология в свете микенского».³⁶ Автор полагает, что уже во II тыс. до н. э. имела место диалектная дифференциация в Южной Греции. Не исключено наличие микенской койне, которая, однако, не устраняла внутренних диалектных различий.

В своей книге об эолийских чертах в языке греческой эпоны П. Ватле высказывает резко отрицательное отношение к гипотезе о микенской койне, ссылаясь на поразительное единство «микенского» в Пилосе, Микенах и Кноссе.³⁷ Он полагает также, что «микенский» не мог быть предком ионийско-аттического диалекта, хотя и не исключено наличие особых связей между более ранней его формой и последним.

Вопрос о «микенском» рассматривается попутно и И. М. Тронским в статье, посвященной гомеровскому

³⁴ Ibid., p. 158—182.

³⁵ См. подробнее об этом: *Doria M. Avviamento allo studio del miceneo: struttura, problemi e testi.* Roma, 1965, p. 72—77.

³⁶ См.: *Cowgill W. Ancient Greek dialectology in the light of Mycenaean. — Ancient Indo-European Dialects.* Los Angeles, 1966, p. 77—95.

³⁷ См. подробнее об этом: *Wathelet P. Les traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque.* Roma, 1970, p. 26.

языку. «Реальные говоры микенской Греции, — отмечает он, — принадлежали к протоэолийским и к протокипрским ветвям, родственным протоионийским».³⁸ Микенский — смешение этих ветвей и не содержит в себе ничего, что не принадлежало бы по крайней мере одной из них. И. М. Тронский высказывает свое согласие с В. Георгиевым, определившим гомеровский язык как заключительный этап развития «крито-микенской койне». В своей последней книге «Вопросы языкового развития в античном обществе» И. М. Тронский обращает внимание на специфический характер крито-микенских памятников. В отличие от литературных и эпиграфических текстов они представляют собой редко встречающийся жанр деловой прозы, образец «хозяйственно-канцелярской подсистемы греческого языка».³⁹ В них относительно мало глагольных форм (всего около 60 финитных), редко встречаются местоимения и служебные слова, зато много нарицательных имен существительных и прилагательных, большое количество собственных имен. И. М. Тронский отмечает, что в памятниках, написанных микенским линейным письмом В, почти нет диалектных различий, где бы эти документы ни составлялись. «Уже это обстоятельство, — продолжает автор, — наводит на мысль, что для документальных материалов употреблялся некий н а д д и а л е к т».⁴⁰

Среди публикаций последних лет, посвященных «микенскому», обращает на себя внимание статья Э. Риша «Микенский диалект в истории греческого языка».⁴¹ Высоко оценив значение дешифровки линейного письма В и назвав ее «сенсационным событием», Риш вновь подвергает анализу микенский диалект, подчеркивая его однородность на значительной территории и на протяжении длительного времени. Микенский, по его мнению, обладает рядом признаков, общих у него с додорийскими диалектами Южной Греции, прежде всего с аркадско-кипрским, но и с ионийско-аттическим. Риш подчеркивает принципиальное отличие между гомеровским языком как литературным языком с давней традицией и не имевшим никакого отношения к поэзии языком крито-микенских табличек,

³⁸ Тронский И. М. Язык Гомера. — ВЯ, 1971, № 3, с. 110.

³⁹ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 87.

⁴⁰ Там же, с. 99.

⁴¹ См.: Risch E. Il miceneo nella storia della lingua greca. — Quaderni Urbinati di cultura classica, 1976, N 23, p. 7—28.

определяя последний как «прозаическую речь бюрократии». Лексика этого языка, определяемая содержанием табличек, была в основном разговорной и напоминает встречавшуюся позднее у прозаических авторов, в комедии, надписях и нелитературных папирусах. По мнению Риша, на близость к устной речи указывают и имевшиеся в табличках уменьшительные имена на- iko (-iskos), редко употреблявшиеся в поэтическом языке. Риш приходит к ряду заключений. Язык крито-микенских текстов представлял собой повседневный, отчасти технический язык дворцовой администрации, связанный с ее профессиональной деятельностью. Микенский диалект — не только древнейший представитель греческого языка. Он отражает его древнейший разговорный вариант, в то время как язык Гомера продолжает оставаться началом греческого литературного, поэтического языка. Таким образом, заключает Риш, благодаря дешифровке появилась возможность проследить развитие греческого разговорного языка начиная с микенской эпохи и до наших дней.

В статье, опубликованной три года спустя по случаю 25-летия дешифровки, Э. Риш еще раз возвращается к вопросу о греческих диалектах II тыс. до н. э.⁴² Он считает, что для этого времени мы должны предположить наличие в Южной Греции додорийской диалектной группы, из которой впоследствии возникли аркадский и кипрский, с одной стороны, ионийско-аттический — с другой. «Микенский» стоял, по-видимому, близко к предполагаемой общей ступени «южногреческих» диалектов, но не являлся непосредственной ступенью ни аркадско-кипрского, ни ионийско-аттического. В то же время нет никаких данных о присутствии в пилосском ареале дорийского диалекта. Что касается Центральной и Северной Греции, то можно с определенной долей уверенности утверждать, что здесь существовала диалектная группа, к которой восходят западногреческие и эолийский диалекты. Вполне вероятно, что северо-восточный, т. е. эолийский (или протоэолийский), диалект подвергся некоторому влиянию южногреческого «микенского».

В свою очередь А. Бартонек в опубликованной в том же сборнике юбилейной статье придерживается ранее вы-

⁴² Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma, 1979, fasc. XX, p. 91—110.

сказанного предположения, что «микенский» представлял собой разновидность ахейской койне, тесно связанной с поддиалектом целопоннесских ахейцев (с. 114). Характеризуя общую языковую картину позднеэлладского периода, Бартонек отмечает, что восточногреческий включал в себя поддиалекты целопоннесских и островных ахейцев, которые были тесно связаны с протоаркадско-кипрским и ионийским поддиалектами, более или менее совпадающими с протоионийско-аттическим.

Дж. Чэдвик в своем итоговом заключении (с. 14) указывает, что высказанное четверть века тому назад сразу же после дешифровки предположение о теснейшей связи «микенского» диалекта с аркадско-кипрским остается непоколебленным до сих пор. Однако аркадский не должен рассматриваться как чистый и непосредственный наследник «микенского», нужно считаться с влиянием и других диалектов, в том числе с близлежащим дорийским. Если, как теперь утверждает большинство ученых, долийский и ионийский диалекты относятся к постмикенским образованиям, то приходится признать существование в период создания крито-микенских текстов лишь двух основных диалектных типов — «микенского» в том виде, как мы его знаем, и предка дорийской диалектной группы. Чэдвик полагает, что в свете новых данных первоначальное определение микенского диалекта как «древнеахейского» нуждается в настоящее время в уточнении и замене более нейтральным.

Сделанный выше обзор, несмотря на его сжатость, отображает, как нам представляется, ход обсуждения и современное состояние проблемы «микенского». Попытаемся подвести некоторые итоги развернувшейся дискуссии.

1. Является ли микенский самостоятельным диалектом, или он представляет собой смесь диалектов — своеобразную архаическую койне? Следует заметить, что последняя гипотеза, выдвинутая впервые болгарским ученым И. Георгиевым, приобретает все больше сторонников. Противники теории микенской койне ссылаются на то, что все греческие диалекты микенской эпохи были в той или иной степени смешанными, а язык крито-микенских текстов один. Верно, что почти все греческие диалекты отличались некоторой неоднородностью, но решающими являются именно степень и характер смешений: в «микенском» эта степень намного выше обычной. Верно, что язык

кносских и пилосских табличек един, однако очевидно и то, что этот язык состоит из разнодиалектных компонентов.

2. Каково происхождение и каковы функции микенского диалекта? Ряд исследователей высказывает мнение, что «микенский» был искусственным образованием, созданным для нужд двора кносских, пилосских и микенских царей. Другие полагают, что на нем говорили и писали высшие слои микенского общества, в то время как низшие слои пользовались народными говорами. Несостоятельность первой точки зрения очевидна. «Диалекты, — писал В. М. Жирмунский, — это социально-исторические образования, возникшие в определенных реальных условиях общественной жизни, в постоянном взаимодействии с другими, соседними родственными диалектами в процессе дифференциации и интеграции, смешения и выравнивания, а также в результате влияния посторонних субстратов, суперстратов и адстратов».⁴³ Несомненно, что и «микенский» не создавался для нужд двора, а объективно сложился в определенных социально-исторических условиях. Другое дело, что он оказался пригодным и был использован в функции языка хозяйственных текстов во дворцах Кносса, Пилоса, Микен и Фив. Предположение М. Лежена, что микенский диалект был искусственно создан при дворцах, а затем был распространен в качестве технического языка на греческий мир, представляется нам неприемлемым. Со второй гипотезой можно согласиться лишь частично. Несомненно, что складывание наддиалекта в микенское время явилось результатом усилившихся экономических, политических и культурно-религиозных связей между греческими племенами. Однако этим наддиалектом пользовалось не все население, а главным образом те его слои, которые находились в постоянном сношении с другими племенами. Это могли быть прежде всего представители знати, но не только. Общим наддиалектом пользовались, по-видимому, и торговцы, жрецы придворные писари. Наличие наряду с хозяйственной и постулируемой И. М. Тронским поэтической койне предполагает в свою очередь, что ею владели в совершенстве микенские поэты, тесно связанные с народной средой.

3. Каков диалектный характер микенского?

⁴³ Жирмунский В. М. Существовал ли «протогерманский» язык? — ВЯ, 1971, № 3, с. 5.

Большинство исследователей согласно с тем, что микенский, если его рассматривать с позиций известных нам греческих диалектов I тыс. до н. э., представляет собой смешанный диалект, или наддиалект. Все согласны и с тем, что микенский не принадлежит к западногреческой диалектной группе, к которой относится дорийский. Никто из ученых не отрицает определенной близости «микенского» к аркадско-кипрскому диалекту. Основные разногласия относятся к связям «микенского» с ионийско-аттической диалектной группой, с одной, и с эолийской — с другой стороны.

При первой попытке определить место «микенского» среди греческих диалектов М. Вентрис и Дж. Чэдвик обратили внимание на его тесную связь с аркадско-кипрским и эолийским диалектами. Они указали на ряд встречающихся в «микенском» языковых явлений, общих для обеих вышеназванных диалектных групп, и на некоторые, характерные только для последнего. К первым они отнесли предлог *ari* (в отличие от ионийского *ἀπό*), локализм *o* вместо *a* при слогаобразующем плавном или сонанте (ср.: *qetoro*), атематическое спряжение глаголов с *α*-основой (ср.: *tereja*). Ко вторым они причислили прилагательные на *-eios*, *-ios* и употребление патронимических прилагательных, не засвидетельствованных в аркадско-кипрском.⁴⁴

В 1958 г. К. Галлавотти высказал мнение, что «микенский» очень близок к эолийскому. В своей статье он указал на наличие перехода лабиовелярных в лабиальные перед *e* в таких словах, как *pereqota*, *опера* рядом с *qereqotao*, *ојоја*; предложил трактовку *ro₂* и *ra₂* как *ppa/λλα* и *ppo/λλο*; усмотрел в развитии *ti* в *si* инновацию микенского шрианта эолийского диалекта.⁴⁵

К выдвинутой гипотезе Галлавотти вернулся в 1968 г. и изложил ее в статье «Об определении микенского как греческого диалекта».⁴⁶ Исходя из сообщений древних историков о первоначальном расселении греческих племен, автор пришел к выводу, что эолийцы, продвигаясь из Фессалии небольшими группами, проникли на юг, оставляя

⁴⁴ *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek*, p. 74-75.

⁴⁵ *Gallavotti C. Il carattere eolico del greco miceneo. — Rivista di filologia*, 1958, v. 86, p. 113-133.

⁴⁶ *Gallavotti C. Sulla definizione del miceneo come dialetto greco. Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma, 1968, fasc. V.*

в стороне дорийцев на западе и ионийцев в Аттике, и обосновались в Пелопоннесе, что именно они и есть микенцы и гомеровские ахейцы. Язык крито-микенских текстов Галлавотти определил как эолийский, точнее, протоэолийский диалект микенской эпохи. Он сослался при этом на следующие фонетические, морфологические и лексические явления: тенденция к закрытому тембру гласных — а > о в *euryota* (ср. *Εὐρυβάτας*), а > u в *damate / dumate* (ср. эол. *dómortis* и гом. *δάμαρ*), о > u в *tomako / tumako* (*Στόμαρχος*); тенденция к закрытой артикуляции гласных — u > i в *ipemedēja* (*Ἰπερμήδεια*), e > i в *atemito / atimite* (*Ἄρτεμις*, gen., dat.); вещественные прилагательные на -eio / -ijo: *kakijo* (*χάλκεος*), *ponikijo* (*ποινίκεος*), *iqeja* (от *ἵππος*); сокращение дифтонга перед гласным: *gamajo / gamao*, *gewajo / gewao*; родительный падеж на -oio, засвидетельствованный только в надписях Фессалии, т. е. в эолийской среде; суффикс -φι, воспринимаемый гомеровскими схолиастами как беотизм, т. е. эолизм; патронимические прилагательные на -ioс: *etewokereweijo*, *kusamenijo*, *porudasijo*; предлог *peda* (*πὲδά*), заменяющий в эолийском *μετά* и относящийся к эолийской лексике. Не отрицая наличия в «микенском» ряда диалектных элементов аркадско-кипрского и ионийско-аттического, Галлавотти привлекает внимание к древним связям между Лесбосом и Фессалией и высказывает мнение, что язык микенцев нашел свое продолжение скорее в митиленском наречии Сапфо и Алкея, чем в аттическом диалекте времен Солон и Писистрата. Подводя итог своему исследованию, Галлавотти подчеркивает, что эолийский компонент, т. е. эоло-микенская традиция, получившая распространение от Фессалии до Пелопоннеса, должна быть признана основным фактором эллинской культуры.

Выдвинутый Галлавотти тезис об эолийском характере микенского диалекта вызвал оживленную дискуссию среди ученых. А. Хойбек отклонил его предположение относительно эолийского перехода *qe* (*k^u-e) в *pe* в крито-микенских текстах, указав, что мы имеем здесь дело с определенной фонетической закономерностью — диссимиляцией двух лабиовелярных в лабиальный и лабиовелярный звуки.⁴⁷ Не было поддержано и мнение Галлавотти, будто бы ассимиляция *ti* > *ci* связана именно

⁴⁷ См.: *Heubeck A. Myk. pereqono. — Indogermanische Forschungen*, 1960, Bd 65, S. 252.

с эолийским диалектом, поскольку, как известно, это явление характерно и для ионийско-аттического и для аркадско-кипрского. Родительный падеж ед. ч. о-основ на -οιο действительно эпиграфически засвидетельствован в Фессалии, однако этого недостаточно, чтобы его признать эолийским. Более убедительно предположить в нем один из архаизмов греческого языка. Недостаточно аргументировано у Галлаватти и причисление к эолизмам суффикса -φι со ссылкой на гомеровских схолиастов. Нет сомнения, что этот суффикс следует также причислять к общегреческим архаизмам.

Нельзя не согласиться с М. Дориа, который отмечает, что не обязательно рассматривать лишь как эолийские и некоторые прочие названные Галлаватти явления, например πεδά, πτ- вместо π-, ἀπό вместо ἀπό и т. д., поскольку возможны и другие не менее убедительные их трактовки.⁴⁸ Так, в частности, предлог πεδά засвидетельствован в эпиграфическом материале о. Крита и Арголиды, у Сапфо и Алкея, Пиндара и Феокрита. Начальное πτ- в πτόλις встречается в надписях Крита, на Кипре, в Аркадии, у Гомера, Гесиода, трагиков и Пиндара. Огласовка ο в предлоге ἀπό представлена в надписях Фессалии, Аркадии, Лесбоса, у Сапфо, Алкея и Феокрита. Еще меньше имеется, по мнению Дориа, оснований определять в качестве эолийских следующие явления: возникновение тембра «ο» как результата развития слоговых сонантов (η, η, ι, ι); окончание -ijo в elewokereweijo; ассимиляцию полугласного j предшествующим согласным в вещественных прилагательных, как aiza (αἴγια), kaza (χάλκια), porigo₂ (πορφύρρο), в то время как графемы za, ga₂, go₂ обозначают двойной слог типа -gija, -kija, -rija, -rijo, а не -za, -zo, -гга, -гго.

Обращает на себя внимание, что ряд вышеперечисленных языковых элементов, причисляемых Галлаватти к эолийским, встречается, как указывалось, и в аркадско-кипрском диалекте: ἀπό вместо ἀπό, πτόλις вместо πόλις, πεδά со значением μετά. В свое время О. Гофман отнес все эти явления к общеахейскому. Нам представляется позиция Гофмана в этом вопросе более приемлемой, хотя она относится ко времени, предшествовавшему дешифровке линейного письма Б. Гофман предполагал наличие двух ветвей

⁴⁸ См.: Doria M. Avviamento allo studio del miceneo. . . , p. 75.

ахейского диалекта: североахейскую, т. е. эолийские диалекты, включающие фессалийско-лесбосско-беотийскую группу, и южноахейскую, т. е. аркадский и кипрский диалекты.⁴⁹

Как выяснилось, в «микенском» не засвидетельствованы явления, свойственные только североахейской группе, например геминация носовых и плавных согласных (μρ, λλ), дат. пад. мн. ч. на -εσσσι, инфинитив на -μεναι, причастие на -οισα, глагольное окончание 3-го л. мн. ч. -οισι, перфектное причастие на -ων. Хотя это обстоятельство могло бы быть частично объяснено своеобразным характером крито-микенских документов и ограниченным числом встречающихся в них глагольных форм, думается, что есть основание считать общую картину в основном достоверной. Иными словами, можно предположить, что эолийские диалектные особенности северного ареала Греции в «микенском» не представлены.

В то же время некоторые специфические черты южноахейской группы диалектов встречаются в «микенском»: родительный падеж на -αο (teretao, τελεταό), инфинитив на -εν (eree, ἔρεεν), предлог posi, медиальное окончание -το (didoto, δίδοτο).

Основывая свою концепцию «микенского» как эолийского диалекта, Галлавотти ссылается и на доказательства исторического плана, в частности на сообщения о постепенном переселении эолийцев из Фессалии в Пелопоннес. Однако в древнейших письменных источниках нет упоминаний об эолийцах в Пелопоннесе: у Гомера вообще не идет речь об эолийцах как племенном объединении. Как известно, наиболее употребительным является у него наименование «ахейцы» (оно встречается в гомеровских поэмах 723 раза, в то время как «аргивяне» — 206 и «данайцы» — 159 раз).⁵⁰ Что касается Пелопоннеса, то, по свидетельству Геродота (1.145), сначала его заселяли ионийцы; они были изгнаны оттуда ахейцами, обосновавшимися в двенадцати областях полуострова. Лишь по данным более поздних авторов, например Страбона (8.1.2), эолийцы занимали весь Пелопоннес до прибытия туда дорийцев. Страбон включает при этом в состав эолий-

⁴⁹ См.: Hoffmann O. Geschichte der griechischen Sprache. Berlin, 1916, Bd I.

⁵⁰ См.: Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959, p. 281.

цев и аркадийцев. Эта традиция соответствовала, как отмечает И. М. Тронский, духу генеалогического мифа, согласно которому Эол является старшим сыном Эллина и главным его потомком.⁵¹

Высказанные выше соображения позволяют думать, что попытка Галлавотти определить «микенский» как эолийский диалект недостаточно обоснована. Речь может идти лишь о наличии отдельных диалектных элементов эолийского в «микенском». К тому же эти элементы правильнее было бы, на наш взгляд, называть ахейскими и относить их к южноахейской диалектной подгруппе в соответствии с теорией Гоффмана и данными древнейших источников. Однако если даже согласиться с определением этих диалектных черт как протоэолийских, остается неоспоримым факт, что они могли представлять один из компонентов «микенского» и ни в коем случае не составляли его диалектную основу.

Автор этих строк продолжает придерживаться мнения, высказанного в ответе на соответствующий вопрос анкеты А. Бартонека: «Микенский» не является самостоятельным диалектом. Его нельзя считать и предшественником какого-либо из греческих диалектов. Это южная разновидность микенской койне, возникшей первоначально в северной Греции и распространившейся впоследствии на Пелопоннес. В ее основе лежат ахейско-протоионийские элементы. Первые относятся главным образом к области фонетики и морфологии, и часть из них удастся обнаружить в надписях Фессалии, вторые — больше к лексике. В отличие от северной койне, испытавшей на себе влияние эолийского диалекта, «микенский» подвергся определенному влиянию аркадско-кипрского, равно как и местного субстрата Пелопоннеса и о. Крита».⁵²

⁵¹ См.: Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 7.

⁵² *Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean symposium Brno, April, 1966 / Ed. by A. Bartonek, p. 177—178.*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Микенский и послемикенский периоды (XIV—IX вв. до н. э.)

Микенский период (XIV—XII вв. до н. э.). Дешифровка М. Вентрисом в 1952 г. крито-микенских текстов II тыс. до н. э. позволила раздвинуть историю древнегреческого языка почти на пятьсот лет. Это событие оказало и продолжает оказывать значительное влияние на развитие науки об античности, и прежде всего на разработку проблем, относящихся к древнейшему периоду истории Греции, ее социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни. Дешифровка дала также новый импульс изучению вопросов, связанных с языковой обстановкой и состоянием письменности в столь отдаленную от нас эпоху. Их пристальное исследование поможет пролить определенный свет на проблему формирования древнегреческого литературного языка и жанровых языков древнегреческой литературы.

Во второй половине XV ст. до н. э. в эгейском мире произошел переход лидерства от Крита к Микенам. Период с 1400 по 1200 г., называемый в научной литературе II и III позднемикенским (позднеэлладским) и отражающий эгейскую цивилизацию периода поздней бронзы, признается временем расцвета Микен и их могущества. Вместе с тем это период подъема микенской культуры, отголоски которой нашли яркое отражение в греческой мифологии и литературе. Благодаря прочтению крито-микенских текстов картина микенской эпохи стала намного яснее и зримее для науки. «Очень существенно, — отмечает И. М. Тронский, — что тексты показали рабовладельческий характер греческого общества II тыс. до н. э. как на Крите, так и в центрах микенской культуры. . . Во всяком случае перед нами раннее рабовладельческое общество с многочисленными следами родовой демократии, с большими дворцовыми хозяйствами и на-

ряду с этим с частным землевладением и рабовладением».¹

Итак, микенское общество — общество рабовладельческое. Рабским трудом пользуются владельцы дворцов, храмовые хозяйства, сельские общины и, по-видимому, частные лица. В определенных областях производства, особенно в текстильном, широко применяется труд женщин-рабынь. Значительная роль в народном хозяйстве отводится ремесленникам. Они объединены в трудовые артели и работают в мастерских различного назначения. Пилосское царство, например, обслуживалось 400 кузнецами. Их специализированные мастерские были расположены в различных поселениях, в их распоряжении находились рабы. Сельское население организовано в общины (*damoi*) и имеет в своем распоряжении землю, которую или может обрабатывать совместно или разделив ее на участки (*onata*). Видное место занимают в микенском обществе жрицы и жрецы, ведающие храмовым хозяйством и также пользующиеся рабским трудом для его обслуживания. Оборону страны обеспечивают воины, которые могут быть подняты по тревоге в любое время года. В кносских табличках упоминается отряд всадников, сражающихся с военных повозок численностью около 550 человек. Возглавляет страну верховный правитель *wanaks*, вторым лицом после него является *lawagetas*. Пилосское царство состоит из двух провинций, подразделяющихся соответственно на девять и семь районов. Каждый из них обязан доставлять для нужд дворца определенную и разнообразную продукцию. Контроль за выполнением ими обязательств возложен на служащих провинциального (*damokoro*, *duma*) и районного (*korete*, *porokorete*) ранга. В маленьких местностях административные функции выполняет *basileus*.²

Экономика страны основана на системе обязательств и обмене услуг или произведенной продукции. Нет данных об употреблении денег, хотя иногда стоимость предметов находит выражение в соотношении, например, материала к меди или зерну. В табличках встречаются сделки

¹ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 86—87.

² Картина микенского общества воссоздана нами по книгам: *Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne. III série. Roma, 1972; Documents in Mycenaean Greek / by M. Ventris and J. Chadwick. 2nd ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973.*

частного порядка (покупка раба частным лицом, обмен продукцией между сельским владельцем и производителем ароматных масел). Зато широко представлена дворцовая экономика: распределение продуктов и первичных материалов для переработки, взимание налогов, поставки в натуру, дополнительные обложения в условиях войны. Таблички дают нам представление о хозяйственной жизни микенского общества: продуктах питания (зерновых, мясе, растительном масле, меде); пряностях, мазях и маслах; кожах и их использовании; тканях (шерсти, льне) и одежде; металлах, строительстве домов и вооружении.

При царском дворце существовала отдельная служба учета и регистрации, организованная в специальные «бюро». Ее работники-писцы фиксировали соответствующие данные на глиняных табличках и хранили их в архивах. Писцов готовили, по-видимому, в дворцовых школах, где они не только обучались технике записей, но и усваивали необходимые языковые навыки. Палеографическое исследование позволило уточнить «почерк» (руку) писцов, работавших в различных микенских центрах. В Кноссе, например, их насчитывалось свыше 60, в Пилосе — примерно 30.

Около пяти тысяч табличек,³ исписанных линейным письмом Б и обнаруженных в микенских архивах, дают основание предполагать, что письменность довольно широко использовалась дворцовой администрацией для хозяйственных нужд. Дж. Чэдвик придерживается мнения, что за пределами «бюрократических кругов» письменность едва ли существовала — ни высшие, ни низшие слои общества читать не умели.⁴ В сохранившихся до нас микенских текстах содержатся лишь сведения, относящиеся к данному хозяйственному году. Трудно поверить, что существовавшая при дворцах система учета ограничивалась столь незначительным сроком. Однако вряд ли итоговые данные за более длительное время записывались на глиняных табличках — достаточно грубом и неудобном писчем материале. Анализ микенского письма с его тонкими линиями и небольшими изгибами дает основание думать, что «микенцы писали не только на глине, форма

³ К началу 70-х гг. были учтены 3372 текста из Кносса (о. Крит), 1101 из Пилоса, 74 из Микен в виде глиняных табличек и 136 надписей на вазах.

⁴ См. об этом: Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма Б, с. 227.

знаков свидетельствует о том, что первоначальным инструментом этого письма были перо и чернила. Следует учесть, что в это время в Египте уже использовался папирус». ⁵ Высказывая это предположение, Дж. Чэдвик сомневается, существовали ли в микенскую эпоху книги и читающая публика, хотя и не исключает возможности использования линейного письма Б в письмах.

Язык крито-микенских текстов являет собой, по мнению И. М. Тронского, образец хозяйственно-канцелярской подсистемы греческого языка, относимый к жанру деловой прозы. Несмотря на кажущуюся простоту, язык микенских документов нельзя приравнивать к бытовому. В силу выполняемой строго ограниченной функции он отличается рядом специфических черт, и в частности содержит весьма мало финитных форм (около 60, к тому же засвидетельствованных лишь 3-м л. ед. ч.), редки в нем местоимения и числительные. В большом количестве представлены в то же время нарицательные существительные и прилагательные, а также имена собственные — личные и географические. ⁶

М. Вентрис доказал, что крито-микенские таблички составлены на греческом языке. «Микенский» отражает диалектную ситуацию, характерную для Средней и Южной Греции 2-й половины II тыс. до н. э. ⁷ Он представлял собой, по-видимому, наддиалект, образовавшийся на базе территориальных диалектов микенского языкового ареала. ⁸ Высокий уровень развития дворцовых хозяйств на Крите и греческом материке предполагает существование между ними и в целом между различными регионами микенского мира определенных экономических, торговых, политических и культурно-религиозных связей. «Высокая цивилизация на обширном ареале, — справедливо отмечает И. М. Тронский, — не может обойтись без наддиалектных средств общения». ⁹

⁵ Там же, с. 228; ср. также: *Hammond M.* The city in the ancient world. Cambridge (Mass.), 1972, p. 115.

⁶ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 87.

⁷ См., в частности: *Palmer L. R.* The interpretation of Mycenaean Greek texts. Oxford, 1963, p. 64.

⁸ Определение «микенского» как наддиалекта было предложено впервые А. Бартонеком, см.: *Bartonek A.* Mycenaean Koine reconsidered. - In: *Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies.* Cambridge, 1966, p. 95—103.

⁹ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 101.

Итак, у нас есть основание представлять себе микенскую языковую ситуацию следующим образом. Жители Центральной и Южной Греции говорят на живых диалектах, к которым восходят позднейшие аркадско-кипрский, эолийский и аттико-ионийский. Эти диалекты, претерпев те или иные изменения, пережили микенскую эпоху и продолжили свое существование в нослемикенское время. Наряду с живой речью, несомненно отличной в разных и удаленных друг от друга районах микенской Греции, образуется в период их длительного мирного развития деловой наддиалект, служащий целям общения и обеспечивающий широкую и сложную область общественной и хозяйственной жизни страны во II тыс. до н. э.

Этот наддиалект, охватывавший Северный и Южный ареалы греческого материка и островов, существовал, мы полагаем, в двух вариантах. Первый из них, и притом основной, был устным, разговорным. Возможно, что он служил средством общения и для ахейских вождей во время их крупных совместных военных походов, таких как осада Фив и Троянская война. Второй, образовавшийся на его основе, был письменным, документальным. Последний и представлен частично, в весьма урезанном виде в сохранившейся до нас в табличках хозяйственно-канцелярской подсистеме греческого языка, приспособленной к обеспечению нужд дворцовых хозяйств Кносса, Микен, Пилоса и других центров страны. Эта подсистема исчезает вместе с гибелью микенской культуры.

Вопрос о судьбе документальной разновидности, равно как и устного наддиалекта в целом, остается открытым. Можно предположить, что их участь была неодинаковой. Документальный вариант, связанный в Южной Греции с микенским силлабическим алфавитом, скоро, по-видимому, вышел из употребления. Устный наддиалект намного шире документального по своему распространению, более богатый лексически и с более развитой структурой продолжал, несомненно, свое существование, несмотря на резко изменившуюся обстановку. Не следует забывать, что он к тому же сохранил свои прежние позиции в северной части Греции, где его развитие проходило в иных условиях, чем на юге материка. Деловой наддиалект не был единственным в микенской Греции. Предполагается наличие в ней также и сакральных, правовых, фольклорных и других наддиалектов, чьи истоки могли

восходить к домикенской эпохе. Особое место среди них занимал, безусловно, поэтический язык.

Непосредственных сведений об этом наддиалекте не сохранилось. Тем не менее, как показали наши многолетние разыскания, удастся определить некоторые его координаты. Во-первых, складывание древнегреческого поэтического языка связано с северо-восточной частью материковой Греции, и прежде всего с Пеласгиотидой и о. Лесбос, т. е. с теми областями, в которых пока еще не обнаружены крито-микенские тексты.¹⁰ Во-вторых, Пеласгиотида и прилегающие к ней районы относятся по имеющимся у нас данным к местам древнейших поселений греков после их прибытия на Балканский полуостров в III—II тыс. до н. э., и с этим регионом связаны их древнейшие религиозные представления и мифологические предания. В-третьих, можно предполагать, что диалектная основа древнегреческого поэтического языка греков не была однородной и отражала главные архаические диалектные группы: ахейскую, протоионийскую и протоэолийскую.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в рассматриваемый микенский период впервые создаются условия, благоприятствующие образованию в Греции отдельных черт будущего литературного языка. На базе местных наречий возникает деловой наддиалект. Появляется письменность. Ее применение ограничивается в основном сферой хозяйственных потребностей микенских дворцов, но, как видно, не сводится только к ней. Имеется определенная группа населения, (главным образом писцы при дворцах), владеющая письмом. Лишь незначительная часть общества (микенский алфавит насчитывает свыше 80 сложных знаков) владеет грамотой. Получают дальнейшее развитие имеющие древнюю традицию поэтическое творчество и фольклор, связанные первоначально с северо-восточным регионом Греции. Хотя крайне сложно определить их распространенность и нормированность, можно предположить — конечно, в определенных пределах — наличие того и другого. Найденная в Пилосе фреска с изображением певца с лирой в руках подтверждает, по мнению некоторых исследователей, и

¹⁰ К такому же выводу пришел и К. О. Павезе, см.: *Pavese C. O. La lingua della poesia corale come lingua d'una tradizione poetica settentrionale. Glotta*, 1967, v. 45, p. 164—185.

предположение об исполнении в царских дворцах песен эпического характера.¹¹

Нет оснований сомневаться, что при дальнейшем благоприятном развитии событий уже в конце II тыс. до н. э. могли появиться и другие компоненты, необходимые для становления литературного языка.

Действием мощных внешних и внутренних сил, приведших к катастрофической гибели Микен и их цивилизации, начавшийся процесс формирования древнегреческого литературного языка в Южной Греции был резко прерван и приостановлен.

Послемикенский период (XI—IX вв.). В конце XII в. до н. э. наступает внезапное падение микенского могущества, разрушение микенских дворцов и микенской культуры. Причины этих событий продолжают поныне оставаться невыясненными. До недавнего времени господствовало мнение, что их виновниками были дорийские племена, вторгшиеся в Грецию в этот период.¹² В последние годы раздаются голоса, ставящие под сомнение эту гипотезу.¹³ Дж. Чэдвик обращает, в частности, внимание на полное отсутствие археологических данных, подтверждающих причастность дорийцев к гибели Микен. По его мнению, основными причинами катастрофы могли быть войны, эпидемии или голод. Период с XI по IX в. до н. э. является одним из наименее изученных из-за отсутствия источников и именуется «темным» в греческой истории.¹⁴ Вместе с тем он представляет большой интерес для науки, поскольку именно в это время создаются предпосылки зарождающейся греческой классической государственности и возникают условия для будущего расцвета греческой культуры.

Наиболее характерной чертой послемикенского периода является резкая смена в стране экономического и общественно-политического уклада жизни. Происходит разрушение производительных сил и материальных цен-

¹¹ См.: *Chadwick J. The Mycenaean world. Cambridge, 1976, p. 183.*

¹² См., например: *Hammond N. S. L. Studies in Greek history. Oxford, 1973, p. 36—38.*

¹³ См., в частности: *Sarkady J. Outlines of the development of Greek society in the period between the 12-th and 8-th centuries B. C. — Acta antiqua, 1975, v. 23, p. 113.*

¹⁴ В последнее время появился ряд исследований об этом периоде: *Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972.*

ностей. Наступает упадок ремесла и земледелия, сокращение торговли. Нарушаются прежние связи и сношения между отдельными районами Греции. Исчезает централизованный и опиравшийся на дворцовую администрацию разветвленный управленческий аппарат. Не строятся большие монументальные дворцы и гробницы. В керамическом искусстве наблюдается переход к более примитивному по сравнению с микенским протогеометрическому и геометрическому стилям. В археологическом материале почти полностью отсутствуют привозные изделия, что свидетельствует об ослаблении контактов с другими странами.

Передвижение дорийцев с северо-запада на юг и захват ими в конце II тыс. до н. э. значительной части Пеллопоннеса — твердо установленный факт. Если даже допустить, что не они разрушили микенские дворцы, следует признать, что их вторжение имело для архаической Греции далеко идущие последствия. Произошло вытеснение железом бронзы из широкого употребления, что повлекло за собой создание новых более прочных орудий труда и вооружения. Было нарушено прежнее расположение греческих племен и началось их массовое перемещение за пределы материка. На оккупированных дорийцами землях изменились социально-политические отношения. Часть местного населения была превращена завоевателями в бесправных исполнителей их воли. Сохранившаяся у дорийцев родовая организация и родовая сплоченность обеспечили им превосходство в столкновениях с восставшими против насилия автохтонами. Для закрепления своего господства дорийцы пользовались не только военной силой, но и устанавливали контакты и заключали соглашения с местной земледельческой знатью, действуя нередко с ней заодно. К тому же в отдельных случаях дорийцы вынуждены были считаться с численным превосходством и более высоким культурным уровнем жителей захваченных ими территорий. Показательно, что коренное население, и в частности ахейское жречество, относилось к дорийцам и в более позднее время с определенной сдержанностью и чувством собственного превосходства. Геродот сообщает, что афинская жрица не разрешила спартанскому царю Клеомену I войти в святилище Афины в Эрехфейоне, сославшись на то, что он дориец, а не ахеец.¹⁵ Вместе с тем не следует упускать из

¹⁵ *Геродот*, V.72.

виду, что дорийцы распространили свою власть лишь на часть Греции. Не были ими захвачены такие области, как Пеласгиотида, Аттика и Аркадия. Здесь продолжали сохраняться старинные устои сельской жизни и древние традиции. Основу экономики составляли, как и прежде, мелкие земледельческие хозяйства и более крупные поселения во главе с местными правителями, получающими все необходимые продукты как с принадлежавших им земель, так и от подвластного населения.

В результате происшедших в конце II и в начале I тыс. до н. э. событий на территории Греции складывается в основном та картина распространения греческих диалектов, которая нам известна по описаниям древних авторов и по сохранившемуся эпиграфическому материалу. В северо-восточной части материка и на о. Лесбосе закрепился эолийский диалект, в Центральной Греции — аттический, на Пелопоннесе — дорийский и аркадский. В результате начавшейся колонизации греческие диалекты обосновались и на малоазийском побережье. Диалектная ситуация, характерная для предыдущего периода, оказалась в значительной степени нарушенной. Можно предположить, что она не претерпела столь существенных изменений лишь в районах, куда не дошли дорийские завоеватели. Однако в таких областях, как Фессалия, Беотия и особенно Пелопоннес, эти изменения были несомненно значительными. Дорийский диалект или вытесняет здесь прежние диалекты, или оказывает определенное влияние на их дальнейшее развитие. Происходит значительное сужение сферы распространения делового наддиалекта микенской эпохи. В отличие от документального он не исчезает, а продолжает функционировать как на территории, не оккупированной дорийцами, так и (в более ограниченных пределах) на захваченных ими землях, особенно в культовых центрах. Следы этого наддиалекта мы находим еще в классическое время в ряде эпиграфических памятников. Однако его дальнейшее самостоятельное развитие было уже приостановлено, и он был обречен на постепенное исчезновение.

Послемикенский период характеризуется и некоторым снижением уровня культуры и грамотности общества. Линейное письмо Б выходит из употребления, поскольку отпала необходимость в учете и записях прежних крупных дворцовых хозяйств и в подготовке обслуживавших их писцов. Во всяком случае следы этого письма в послеми-

кенское время пока не обнаружены. Однако постепенно, на новом этапе общественных отношений, возникла необходимость в фиксации тех или иных явлений и событий частного или более широкого характера. И снова, как это уже было в микенский период, письменность приходит в Грецию извне. Семитический буквенный алфавит,¹⁶ заимствованный в IX—VIII вв. до н. э. греками (он насчитывал всего 22 буквы), оказался намного более приспособленным к особенностям их языка и значительно более удобным в употреблении, чем силлабический микенский. Создание собственной системы письма в нослемикенское время представляет собой одно из наиболее выдающихся явлений в развитии греческой культуры, обусловивших ее расцвет в последующие столетия. Трудно, естественно, определить степень распространения письменности в этот ранний период греческой истории и круг лиц, владевших искусством письма. По-видимому, они были довольно узкими. В гомеровских поэмах лишь дважды («Илиада») говорится об употреблении то ли письма, то ли каких-то письменных знаков. Упоминается случай, когда ахейские вожди ставят свои метки на камешках, решая путем жеребьевки вопрос о том, кому предстоит сразиться с Гектором («Илиада», 7.175, 187, 189). Более убедительным свидетельством употребления письма является рассказ Гомера о послании Пройта, переданном Беллерофонтом царю Ликии с указанием убить его доставителя («Илиада», 6.169). Однако нет ясности, о каком письме идет речь, ликийском или микенском.¹⁷ Характерно также, что ни в «Илиаде» ни в «Одиссее» нет намека на то, что ахейские вожди, находившиеся почти десять лет под Троей, обращались с письмами к оставленным в Греции семьям.

Языковая ситуация нослемикенского периода складывается, по нашему мнению, следующим образом. Население Греции продолжает в повседневной жизни пользоваться местными разговорными диалектами. Дорийское вторжение резко сокращает сферу употребления и вносит изменения в ареал их распространения. Происходит

¹⁶ Гипотеза о финикийском происхождении греческого алфавита обосновывается в последнее время рядом исследователей, см., например: *Олива Н.* Древний Восток и истоки греческой цивилизации. ВДИ, 1977, № 2, с. 4—5.

¹⁷ См. об этом: *A Companion to Homer* / Ed. by A. J. E. Wace, F. H. Stubbings. London, 1963, p. 555.

размежевание аттического с понийским и начинается их дальнейшее самостоятельное развитие. Стабилизируются эолийский диалект на северо-востоке и аркадский на юго-западе. Наряду с территориальными диалектами в некоторых районах и культовых центрах находится в обращении идущий на убыль и теряющий свои позиции деловой наддиалект предыдущего периода. В то же время созданное на его основе фольклорное и поэтическое творчество получает дальнейшее широкое развитие. Углубляются при этом их жанровые различия. Поэтические песни становятся неотъемлемым атрибутом общественной и частной жизни. Они звучат во время религиозных и культовых торжеств в исполнении хоровых коллективов, сопровождаемые музыкой и пляской. Они украшают большие и малые пиршества, а их исполнители — народные певцы окружены почетом и всеобщим уважением. Под аккомпанемент струнного инструмента воспевались былые времена, ратные и трудовые подвиги предков, прославлялись величие и добродетели богов и героев.

Итак, период с XI по IX вв. до н. э. характеризуется, с одной стороны, утратой ряда приобретений микенского времени: нарушением сложившегося диалектного равновесия, резким снижением грамотности, свертыванием делового наддиалекта. Вместе с тем активизируется поэтическое творчество и усиливается его жанровое расслоение, растет лексическое богатство и совершенствуется грамматическая структура языка, возникает и расширяется новый малоазийский ареал распространения греческих диалектов. Появление к концу этого периода письменности, базировавшейся на более доступном, чем микенский, семитическом алфавите, открывает путь для ускоренного развития общественной жизни, культуры и образованности.

Анализ языковой ситуации микенского и послемикенского периода приводит к заключению, что экономические и общественно-политические условия первого из них были благоприятными для формирования некоторых компонентов литературного языка и привели к созданию наряду с местными разговорными диалектами делового, документального и поэтического наддиалектов. Катастрофическая гибель Микен помешала их дальнейшему нормальному развитию.

Послемикенский период начинает свой путь при менее благоприятных условиях. Он не располагает ни общим

деловым, ни письменным документальным наддиалектом. Однако от предыдущего периода им унаследован поэтический наддиалект и, главное, продолжают свое существование, сохраняя потенциальные источники роста, живые греческие диалекты. Кроме того, послемикенский период начинается не с нуля, а при наличии в отдельных областях Греции центров, где не была нарушена культурная и диалектно-языковая традиция прошлых столетий.¹⁸ И, наконец, возрождение письменности на базе нового алфавита к концу послемикенского периода предвещает скорый подъем духовной культуры бурно развивавшегося греческого общества.

Ионийский период (VIII—V вв. до н. э.)

Колонизация греками Малой Азии, вызванная демографическими, экономическими и общественно-политическими причинами, продолжалась, начиная с XI в. до н. э., в течение нескольких столетий.¹⁹ В этом процессе участвовали жители различных областей материковой Греции, выходцы из Фессалии, Аттики и Пелопоннеса: целые роды, теснимые надвигавшимися на них пришельцами; лишенные земли крестьяне; родовая знать, потерявшая власть в результате социальных брожений; купцы, ремесленники и беднота. На территории, захваченной в нелегкой борьбе у местного населения, колонисты основывали свои поселения, осваивали плодородные участки, развивали ремесло. Пользуясь выгодным географическим положением прибрежной полосы и ее островов, расположившись у выхода торговых путей к Эгейскому морю, они вели активную торговлю с Востоком, поддерживали оживленные сношения с метрополией. В IX—VIII вв. здесь происходит интенсивное образование греческих рабовладельческих городов (полисов), специфической формы античного государства.²⁰ В результате острой

¹⁸ Значение раннегреческой культуры, справедливо отмечает Т. В. Блаватская, не ограничено лишь рамками второго тысячелетия до н. э. — многие ее традиции сохранились и в культуре классической Греции (см.: Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976, с. 166).

¹⁹ См. об этом: Gallet de Santerre H. Notes sur la préhistoire et la protohistoire de l'Orient et de l'Egée. II. — Revue des études anciennes, 1967, t. 69, N 1—2, p. 110.

²⁰ Процесс образования греческих городов-государств подробно освещен в книге Ю. В. Андреева «Раннегреческий полис» (М., 1976).

классовой борьбы власть в полисах переходит к новому общественному слою — зажиточным горожанам и богатым ремесленникам, быстро развиваются денежные отношения, расширяется использование рабского труда. Совместная деятельность в рамках полиса, необходимость защищать его интересы и отстаивать его нужды приводят к появлению чувства полисного коллективизма, а предоставление гражданам определенных прав и свобод содействует самоутверждению и развитию их индивидуальных способностей. В VII—VI вв. Малая Азия и особенно ее центральная часть Иония становятся наиболее передовой областью Древней Греции. Здесь происходит вторичный после микенского подъем, а затем и расцвет греческой общественной и культурной жизни. Накопленные в предыдущий период и принесенные греками с материка духовные ценности продолжают развиваться в новых благоприятных условиях. Соприкосновение с цивилизацией рабовладельческого Востока способствует их быстрому умножению и обогащению. В прикладном искусстве, архитектуре, скульптуре и живописи «геометрический» стиль уступает постепенно место более реалистическому «архаическому».²¹ В Ионии впервые оформляется греческая литература, зарождается наука и философия. Раньше, чем где-либо, здесь раздается критика в адрес греческой традиционной религиозно-мифологической системы.

Диалектная ситуация, сложившаяся на малоазийском побережье в начальный период греческой колонизации, отличалась большой пестротой и неустойчивостью. Как уже отмечалось, в ней принимали участие представители различных диалектных групп. Эолийские поселенцы устремились в основном в северную часть прибрежной полосы, ионийцы захватили ее центральную часть, а дорийцы расположились на юге. Однако во многих случаях земледельческие общины, а затем и полисы создавались путем объединения переселенцев из различных местностей, говорящих на разных диалектах. К тому же определенное влияние на греческие диалекты оказывали местные языки Малой Азии, тем более что зачастую греки смешивались с ее автохтонным населением. Геродот передает, например, что афиняне, выселяясь

²¹ См. подробнее об этом: *Тронский И. М.* История античной литературы, с. 34.

в Ионию, не брали с собой женщин, а женились на кариянках (1.146). О сложности и раздробленности первоначальной диалектной картины греческих поселений в Малой Азии свидетельствует и сообщение Геродота, что на ее территории насчитывались четыре диалектные разновидности греческого языка. Наречие жителей Милета, Миунта и Приены, находившихся в Карии, отличалось от наречия жителей лидийских городов Эфеса, Колофона, Теоса, Клазомен и т. д., а это в свою очередь не совпадало с наречием жителей острова Хиоса и города Эрифр, с одной, и острова Самоса — с другой стороны (1.142). Имели место и случаи захвата городов представителями другого племени, что приводило к накладыванию и смешению наречий. Примером может служить эолийский город Смирна, попавший под власть ионийцев (1.150); в его надписях под ионийским слоем сохранились отдельные следы эолийского. Вместе с тем оживленные и тесные связи между ионийскими городами, основание ими на мысе Микале общего святилища, названного Панионием, где проводились периодически народные празднества, несомненно способствовало усиленному общению их жителей.²² На основе местных наречий начал складываться со временем деловой наддиалект, в котором стали преобладать их общие признаки. Этот наддиалект, тесно связанный с одним из наиболее крупных ионийских центров — городом Милетом, впоследствии распространился по всей Ионии.²³ Его влияние, особенно в фонетическом и отчасти морфологическом плане, испытал на себе древний язык эпической поэзии. В еще большей степени этот наддиалект отразился на языке лирических жанров элегии и ямба. Он лежит в основе новых литературных жанров повествовательной и научно-философской прозы. И, наконец, на нем, хотя и с присутствием в той или иной степени местных элементов, составлено большое число ионийских надписей.²⁴

²² Вопрос о ионийских малоазиатских городах подробно освещен и не потерявшей до сих пор своего значения книге: *Bilabel Fr. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920.*

²³ О руководящей роли Милета в Ионии см.: *Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. London, 1962.*

²⁴ См. подробное описание ионийского диалекта в кн.: *Smyth H. W. The sounds and inflections of the Greek Dialects, Ionic. Oxford, 1894.*

VIII—VII вв. до н. э. принято считать началом возникновения греческой литературы. К этому времени относят обычно появление гомеровских поэм. Устное эпическое творчество получает блестящее воплощение в целостных в сюжетном и художественном плане произведениях «Илиаде» и «Одиссее». Обе поэмы были созданы в Ионии, и ряд ее городов претендовал на почетное право называть себя родиной Гомера. Вместе с тем совершенство грамматической структуры, богатство лексических, стилистических и просодических средств языка указывают на наличие длительной эпической поэтической традиции, которой воспользовался и которую продолжил их автор.²⁵ Эта давняя традиция, значительно пополненная в предыдущую микенскую эпоху, была занесена греками в Малую Азию уже в ранний период колонизации. Анализ диалектной базы гомеровских поэм отчетливо подтверждает ее первоначальную связь с северо-восточной частью греческого материка, а именно с Фессалией, где уже в микенское время существовал, по-видимому, древнейший греческий поэтический наддиалект.²⁶ Его основная ахейско-эолийско-протоионийская характеристика была легко воспринята на малоазийской почве, где бок о бок соседствовали, а кое-где жили совместно носители эолийского и ионийского диалектов. Изменения, которым подвергся в Ионии материковый поэтический наддиалект, были связаны главным образом с теми фонетико-морфологическими особенностями, которые выработал протоионийский на более поздней стадии своего развития. К ним относились: переход общегреческого долгого а в долгое е, выпадение неслогового ц, рост контракций, количественная метатеза и некоторые другие. Однако и эти особенности проникали в эпический язык весьма медленно. В целом же, в силу свойственного эпической поэзии консерватизма, ее язык сохранил и в гомеровских поэмах ненарушенными важнейшие грамматические параметры

25 Проблематике поэм Гомера посвящены монографии Р. В. Гордизани «„Илиада“ и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды» (Тбилиси, 1970) и «Проблемы гомеровского эпоса» (Тбилиси, 1978).

26 Предположение о поэтической койне микенской эпохи! как одном из источников гомеровского языка и языка древнегреческой лирики, было высказано И. М. Тронским в 1966 г. (см.: *Studia Mysenaea. Proceedings of the Mysenaeen symposium. Brno, April, 1966*, p. 180, 197).

и лексические ресурсы поэтического наддиалекта. «Лингвистическая система древнегреческого эпоса, — указывает И. М. Тронский, — наддиалект, далеко отходящий от территориальных греческих говоров VIII—VII вв. до н. э. . . ., даже от ионийского диалекта этого времени, и находящийся с ними в очень сложных взаимоотношениях».²⁷

Вторым важнейшим жанром зарождающейся греческой литературы была лирика. Если эпос был целиком обращен в героическое полузабытое прошлое и он, достигнув вершины в «Илиаде» и «Одиссее», терял постепенно свое значение, то лирическая поэзия, выйдя из фольклорных песен, быстро развивалась в условиях малоазийской действительности VII—VI вв. до н. э. Стихотворения небольшого в основном размера — элегия и ямб — становятся главной формой идеологической и политической борьбы, превращаясь в устах поэтов, философов, видных деятелей в средство выражения ими своих мыслей, чувств и идей, отражающих их отношение к современной действительности и актуальным для того времени проблемам.²⁸ Хотя язык лирической поэзии близок к эпическому и вместе с ним восходит к поэтическому наддиалекту микенской эпохи, он испытал, естественно, значительно большее, чем эпический, влияние малоазийской диалектной среды, и в частности ионийского наддиалекта. Это влияние сказалось, с одной стороны, на фонетико-морфологических особенностях, с другой — в еще большей степени на лексике лирических стихотворений. Последняя включает целый пласт чуждых эпическому языку слов и выражений, многие из которых удастся обнаружить у ионийских прозаиков и в эпиграфическом материале.²⁹

Третий созданный в VI в. до н. э. в Ионии жанр — литературной прозы — возник как следствие развития научной, философской и познавательной мысли. Критическое восприятие окружающей среды, крушение традиционных представлений о богах и природе, стремление узнать и осмыслить жизнь требовали новой, более удобной и свободной, не стесненной стихотворным размером формы

²⁷ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 125.

²⁸ См. подробнее: Ярхо В. Н., Полонская К. П. Античная лирика. М., 1967, с. 5—36.

²⁹ См.: Гринбаум Н. С., Мисько С. Д. Язык и стиль древнегреческих писателей (VI—V вв. до н. э.). Кишинев, 1973, с. 15—30.

изложения взглядов. Для этой цели была использована фольклорная традиция прозаического повествования, включающая бытовой и сказочный рассказ. Научно-философская и повествовательная проза, охватывающая историографию и басню, создается на ионийском наддиалекте не без некоторого участия, прежде всего в лексическом плане, делового наддиалекта предшествующей микенской эпохи.

На грани литературного жанра находился еще один вид малоазийской прозы — документальная.³⁰ Ее начало относят к VIII в. до н. э., когда на территории Малой Азии и островов появляются первые греческие прозаические надписи. Это были сначала короткие и несложные записи, списки жрецов и должностных лиц, а затем, в VII—VI вв., полисные законы и декреты, договоры и постановления, отчеты и посвящения. Их язык в наибольшей степени отражает многообразие малоазийских греческих говоров, находясь как бы на полпути между живыми разговорными наречиями и формирующимся общеоийским наддиалектом.

Возрождение греческой письменности в Ионии VIII в. до н. э. на базе семитического алфавита имело далеко идущие последствия. Некоторые исследователи полагают, что уже «Илиада» и «Одиссея» могли быть записаны для позднейших поколений на оловянных табличках, как это имело место с поэмой Гесиода «Труды и дни» (Павсаний, 9.31.4). Однако даже если этого не случилось, наличие письменности в период возникновения гомеровской эпопеи не вызывает сомнений. Первоначально это были надписи на твердом материале (камни, скалы), а с половины VII в. до н. э., когда египетский царь Псамметих I открыл для греков доступ в устье Нила, в их распоряжение поступил и папирус. Наиболее важные документы принято было записывать на каменных плитах в назидание потомкам. Можно предположить, что на первых порах искусство письма было главным образом привилегией жрецов и рапсодов.³¹ По мере развития общественной и политической жизни его употребление стало

³⁰ «Если не литературным жанром, то, во всяком случае, установившимся видом письменности была документальная проза, представленная в надписях» (см.: Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 13).

³¹ Такого мнения придерживается, в частности, С. Витковский (см.: Witkowski S. De carminibus Homeri scripturae opе ortis. — Charisteria K. Morawski. Kraków, 1922, p. 15—24).

распространяться. Этому способствовало несомненно и расширение экономических, торговых и культурных связей между греческими городами-государствами. Каждый полис стремится зафиксировать свои важнейшие решения на том или ином писчем материале. Большое количество сохранившихся малоазийских и островных греческих надписей начиная с VI в. до н. э. свидетельствует о довольно широком развитии официальной письменности. Вместе с тем поскольку записи делались для того, чтобы довести их до сведения граждан, есть основание думать, что кто-то был в состоянии их читать. У нас нет данных, позволяющих определить степень грамотности в греческих городах, и она несомненно не была везде одинаковой. Навыками письма могла владеть определенная часть свободного населения Малой Азии VII—V вв., относящаяся к наиболее состоятельной и влиятельной верхушке полисных граждан, греческое жречество, а также писари городских советов, педагоги-наставники молодежи, поэты, философы, логографы. Хотя их число было все еще незначительным по сравнению с общим количеством жителей и за пределами грамотности оставались целые социальные группы (крестьянство, беднота, рабы), распространение письменности означало, что греческая культура архаического периода добилась серьезного общественного прогресса.

Несмотря на имевшиеся между ними различия, основные виды письменности в Ионии VII—V вв. являются наддиалектными. Эпическая поэзия тесно связана с поэтическим наддиалектом микенской эпохи, документальная проза с современным ей деловым. Для первой характерна эолийско-протоионийская, для второй — ионийская диалектная база. Вместе с тем и эпическая поэзия получила свое блестящее завершение лишь в ионийской диалектной среде. Характерной особенностью основных видов ионийской письменности этого периода является также отказ от узкодиалектных явлений; даже в документальной прозе, более близкой к местным говорам, они встречаются не столь уж часто. Что же касается самого эпического языка, то «Илиада» и «Одиссея» убедительно подтверждают его лексическое богатство, стройность и четкость грамматической структуры. И. М. Тронский характеризует гомеровский язык как обширное вместилище разнодиалектных и разновременных словоформ и словосочетаний, сопряженных «в единую систему, упорядоченную в ее семантических и ритмико-просодических противопоставле-

ниях».³² Наличие непрерывной поэтической традиции, передававшейся из поколения в поколение, способствовало сохранению и совершенствованию выработанных языковых норм, а формульный стиль благоприятствовал стабильности разнодиалектной лексики и морфологии от микенских времен вплоть до VIII—VII вв.³³ Для гомеровского языка характерна вместе с тем фонетическая и морфологическая вариантность, в том числе и диалектная: *βουλῆ* (с ионийской *η*) и *θεά* (с эолийской *α*), окончания род. пад. *-ῆος*, *-εω*, *-ου*, *-οιο*, дат. пад. мн. ч. *-οις*, *-οισι*, *-σι*, *-εσσι*, формы с аугментом (*ἐθήκε*) и без него (*τεῦχε*) и ряд других. На строгость лексического отбора, связанного с высоким стилем, сюжетным содержанием и просодическими особенностями текста указывает сравнение с крипто-микенскими табличками. Из значительного числа засвидетельствованных в них слов, относящихся к различным областям хозяйственной жизни микенского времени, лишь около сорока имеются у Гомера.³⁴

Документальная проза, представленная эпиграфическим материалом, несмотря на свою близость к местным говорам, отличается также определенной степенью нормализации. В надписях встречаются застывшие архаические формулы, лексика, связанная с общественной, государственной и сакральной сферами полисной жизни. Однако в отличие от эпической поэзии мы не находим в них «последовательного консерватизма форм, связанности синтаксических построений, известной приподнятости общего тона и т. п.».³⁵

Языки лирической поэзии и повествовательной прозы в определенной мере примыкают к эпическому и испытали на себе его влияние. В них, как языках письменных, продолжают нормализационные процессы, закрепление стилистических норм и регламентация лексического материала, не препятствующие в то же время их обновлению и развитию в новых условиях по мере усложнения задач, стоящих перед каждым из этих жанров.

³² Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 125.

³³ Там же, с. 138—148.

³⁴ См. подробнее об этом: Chadwick J. Mycenaean elements in the Homeric dialect. — In: *Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von J. Sundwall*. Berlin, 1958, S. 116—122.

³⁵ Горнунг Б. В. Греческий язык. — В кн.: История греческой литературы. М.; Л., 1946, т. I, с. 36.

Итак, на территории малоазийской Ионии VIII—VI вв. до н. э. впервые в истории Греции образуется древнегреческий литературный язык. Его предпосылки и отдельные компоненты складывались на протяжении многих столетий и восходили к микенской и домикенской эпохе. Важную роль в его формировании сыграло появление в этот период греческой письменности. Большой вклад в создание литературного языка внесли жанровые языки греческой литературы: гомеровского эпоса и лирической поэзии. Ионийская разновидность литературного языка включила в себя также и язык повествовательной прозы — философской, исторической, описательной, научной, бытового и сказочного рассказа. И, наконец, в состав ионийской разновидности вошел деловой наддиалект и разговорная речь различных слоев греческого населения Малой Азии, имевшего отношение к управлению общественными делами, к культу и религии, просвещению и культуре, сношениям с другими государствами.³⁶

Образование литературного языка стало возможным лишь на базе относительно высокого для того времени уровня общественного развития греческих рабовладельческих полисов и подъема греческой культуры, впитавшей в себя лучшие достижения предшествующего многовекового развития. Литературному языку VII—V вв. присущи такие важные черты, как: обработанность и регламентация языковых норм, стабильность, вариантность (в том числе и диалектная), лексический отбор и т. д.

Становление первой (ионийской) разновидности греческого литературного языка совпадает с архаическим периодом греческой литературы, и обозначение «архаический» может быть условно применено и к истории его развития. Однако нам представляется более удачным определение «ионийский период». Оно точнее характеризует одновременно и место возникновения, и диалект, лежащий в основе этой первой разновидности древнегреческого литературного языка. Не следует вместе с тем сводить понятие литературного языка этого времени к языку художественной литературы, поскольку первый значи-

³⁶ «Литературный язык, — отмечает М. М. Гухман, — включает не только язык художественной литературы, но также язык публицистики, науки и государственного управления, деловой язык и язык устного выступления, разговорную речь и т. д.» (см.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 504).

тельно шире по своему охвату и выполняемым им многообразным общественным функциям. Язык же художественной литературы составляет, хотя и весьма существенный, но не единственный компонент возникающего греческого литературного языка.

Определяя начальный этап развития греческого литературного языка как его первую или ионийскую разновидность, автор желает подчеркнуть еще раз свое мнение о том, что следует считаться с существованием в Древней Греции одного и единого литературного языка, а не нескольких различных, как это было принято постулировать до сих пор. Необходимо впредь определять более точно и эпический (гомеровский) язык и видеть в нем не первый литературный греческий язык, а лишь первый жанровый язык зарождающейся греческой литературы.

Появление древнегреческого литературного языка стало возможным в результате длительного исторического развития греческих племен и их диалектов, с одной, и относительно высокого экономического и общественного уровня жизни, достигнутого греками в условиях Малой Азии VIII—V вв. до н. э. — с другой стороны.

Аттический период (VI—IV вв. по н. э.)

Покорение в конце VI в. до н. э. малоазийской Ионии персами приводит к резкому ослаблению ее роли и значения в жизни греческого общества. Центр политической и культурной активности перемещается вновь на материк. В средней части Греции — Аттике создаются после успешного отражения персидского нашествия благоприятные условия для ускоренного социально-экономического развития. Афины, крупнейший город Аттики, превращаются в V в. до н. э. в рабовладельческое демократическое государство. Своего наивысшего внутреннего расцвета оно достигает в так называемый «век Перикла», т. е. в 50—30-е гг. V в. Этот период отличается бурным ростом греческой культуры и искусства, проникнутых верой в разум человека и вниманием к актуальным политическим и нравственным проблемам, созданием значительных произведений в области архитектуры, скульптуры и литературы.

Однако длительная и изнурительная Пелопоннесская война (431—404 г. до н. э.) существенно подрывает мощь Афин. В IV в. наступает спад их экономической

активности. Возникают признаки социального и политического кризиса рабовладельческого полиса. В условиях обострившейся классовой борьбы, вытеснения свободного труда рабским, расширения денежных отношений усиливается общественная дифференциация и происходит заметное ослабление гражданских уз. Существенные изменения имеют место в области идеологии. В искусстве и литературе возрастает интерес к вопросам быта, частной жизни людей, их внутренним переживаниям. Однако, несмотря на столь явно изменившиеся условия, Афины продолжают вплоть до потери независимости (338 г. до н. э.) сохранять за собой роль ведущего культурного центра Древней Греции.

В древнейшие времена Аттику заселяли наряду с пеласгами ионийские племена. Часть из них продвинулась затем в Пелопоннес, часть приняла активное участие в колонизации побережья Малой Азии.³⁷ Аттика состояла первоначально из ряда самостоятельных и независимых один от другого районов. Согласно древним свидетельствам ее территория делилась между четырьмя филами (племенами), в каждую из которых входило по три фратрии. Всего в Аттике насчитывалось двенадцать укрепленных поселений, превратившихся впоследствии и в ее религиозно-административные центры.³⁸ Хотя сведения об этом периоде весьма скудны, есть основание относить к древнейшим поселениям такого типа Элевсин, Афидну, Браурон и Марафон.³⁹ В XI—IX вв. происходит объединение отдельных племенных общин вокруг Афин. Тем не менее некоторые древние центры сохраняли еще в течение длительного времени свою относительную самостоятельность. К ним относился Элевсин с его правом чеканки собственной монеты и марафонский тетраполис с его культовым назначением. Утверждение политического господства Афин сопровождалось учреждением общеаттического праздника покровительницы города — Панафинеем.

В этот период начали, по-видимому, складываться на базе нескольких наречий черты будущего единого аттического диалекта, представлявшего собой древнюю форму

³⁷ Геродот, I.147, VII.51, VIII.22; Фукидид, 1.2, 6; 3.12, 4.

³⁸ См.: Jacoby F. *Atthis, the local chronicles of ancient Athens*. Oxford, 1949, p. 126.

³⁹ См. подробнее об этом: Hammond N. G. L. *A history of Greece to 322 B. C.* Oxford, 1959, p. 68; Meyer E. *Geschichte des Altertums*. Stuttgart, 1953, Bd 2, 1, S. 267.

ионийского.⁴⁰ В VII—VI вв. до н. э. аттический диалект становится основным средством делового общения жителей Афин. В VI в. имеет место значительное усиление связей Аттики с малоазийской Ионией в экономическом, политическом и культурном плане. В Афины съезжаются представители ионийской философии, науки и литературы. В это время заметно усиливается и влияние ионийского диалекта. Не следует забывать, что на территории Аттики не могла не сохраниться и языковая традиция микенского времени. Диалектная картина раннеаттического периода характеризуется, таким образом, наличием следов делового и поэтического наддиалектов микенской эпохи, ионийского наддиалекта в его деловом и литературном вариантах, все более крепнувшего и развивавшегося на собственной основе аттического диалекта.

Одним из проявлений расцвета аттической культуры был бурный рост литературного творчества. На раннем этапе широко культивируются в Афинах хоровые песни, исполнявшиеся во время культовых народных торжеств. Не получает здесь заметного развития ни сольная лирическая поэзия (ее видным представителем был Солон), ни столь блестяще проявивший себя на малоазийской почве героический эпос. В то же время в Аттике возникает последний важнейший жанр греческой литературы — драма с ее двумя ответвлениями: трагедией и комедией. Характерная особенность драматических произведений состоит в неоднородности языка их хоровых и диалогических партий. Большинство исследователей полагает, что трагедийный и комедийный хор пользовался дорийским диалектом, так как именно этот диалект был тесно связан с жанром хоровой лирики.⁴¹ Однако, как показали наши разыскания, в основе языка древнегреческой хоровой лирики лежит не дорийский, а эолийско-протоионийская койне додорийского времени.⁴² Таков и диалектный характер хоровых партий аттической драмы. Они отражают

⁴⁰ См. об этом: *Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur. München, 1934, Bd I, 2, S. 8.*

⁴¹ На тесную связь греческой трагедии с хоровой лирикой указывает И. И. Толстой: «В связи с этим нельзя забывать, что трагедия V века и в языке, и в поэтике своей хорика стилистически зависит всецело от хоровой лирики VI столетия» (см.: *Аэды. М., 1958, с. 51*).

⁴² См. подробнее об этом: *Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973, с. 8—28.*

поэтический наддиалект микенской эпохи, сохранившийся (с долгой α) ⁴³ на греческом материке, и в частности в не затронутой дорийским вторжением Аттике. Диалогические же партии написаны на аттическом с существенной примесью элементов ионийского наддиалекта. По языку они были вначале ближе к эпической и лирической поэзии. Однако со временем в них все больше проявляется влияние набирающего силу аттического диалекта. В качестве примера можно сослаться на употребление частицы $\tau\omicron\iota\upsilon\upsilon\upsilon$ 'итак, все же'. Она не встречается ни у Гомера, ни у Гесиода. У Эсхила $\tau\omicron\iota\upsilon\upsilon\upsilon$ засвидетельствована в 3—4, у Софокла в 7, у Еврипида в 5 случаях. В то же время она представлена свыше 80 раз у Аристофана, чей язык значительно ближе, чем у остальных представителей драмы, к разговорной аттической речи.

Продолжается на аттической почве развитие греческой художественной прозы, ставшей с конца V в. до н. э. господствующей отраслью литературы. Развитие историографии в Афинах сопровождается постепенным вытеснением ионийского диалекта и переходом (начиная с Фукидида) к аттическому. Аттическим диалектом широко пользуются и представители ораторского искусства: политического, судебного и «торжественного». На смену деловой прозе ионийской науки приходят в Афинах V—IV вв. художественный философский диалог и трактат, в которых аттический диалект получает свое дальнейшее литературное развитие.

На наличие различных уровней разговорной речи в Афинах указывает Аристофан, который в одной из своих комедий описывает персонаж, придерживающийся «речи средних граждан, не следуя женственному налету в речи столичных горожан, ни мужицким особенностям в речи низших слоев». ⁴⁴ И. М. Тронский полагает, что в городе, где всегда было много иноземцев, лексика получала некоторый инодиалектный налет. В эпиграфических памятниках типа «заговорных дощечек» и на керамических изделиях отражается, по его мнению, низкий культурный уровень их создателей, проявляющийся в особенностях языка и орфографии надписей. Преобладающая часть ат-

⁴³ Некоторые исследователи видят в формах на - α аттические архаизмы (см.: *Mahlow H. G. Neue Wege durch die griechische Sprache und Dichtung*. Berlin, 1926, S. 147).

⁴⁴ Перевод И. М. Тронского (см.: *Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе*, с. 11).

тического эпиграфического материала состоит, однако, из официальных документов. Их лексика связана преимущественно с государственным устройством, политическими, правовыми и культовыми отношениями. В надгробных и посвяtitельных надписях встречаются традиционные формулы. К фонетическим особенностям староаттического диалекта относилось произношение $\tau\tau$ вместо общегреческого $\sigma\sigma$, наличие α после гласных ε и i после ρ (в ионийском всегда η), к морфологическим особенностям — употребление двойственного числа, в том числе и глагольного; окончание им. п. мн. ч. $-\tilde{\eta}\varsigma$ у существительных на $-\varepsilon\upsilon\varsigma$, форма 1-го л. ед. ч. $\tilde{\eta}$ вместо позднейшей $\tilde{\eta}\nu$ 'я был' и т. д.

Характеризуя аттический диалект V в. до н. э., В. Шмид и О. Штелин выделяют в нем четыре слоя. Первый был связан с лирической поэзией и испытал значительное влияние ионийского (элегии Солона, сколии, эпиграммы и трагедийный диалог). Второй использовался главным образом аттической канцелярией (официальные надписи, декреты, предписания, договоры и т. д.). На третьем, который признается наиболее ранним и наиболее чистым свидетельством литературного языка Аттики, написаны псевдоксенофоновый трактат об афинском государстве, речи Антифонта и Андокида, история Фукидида, проза Исократа, диалоги Платона. Четвертый слой нашел свое преимущественное отражение в народно-разговорном языке аттической комедии, надписях на вазах и в заговорщеских табличках.⁴⁵

Определить точное время установления письма в Аттике не удастся. Как полагают, оно было введено еще до Солона, т. е. раньше VII в. до н. э. Применявшиеся в Аттике письменные знаки относились к древнейшим в ионийском культурном круге. В 403/402 гг. до н. э. аттический алфавит, состоявший из 22 букв, был заменен новоионийским из 24 букв со знаками ξ ϕ вместо прежних обозначений $\chi\sigma$ $\varphi\sigma$ и использованием придыхательного знака H для обозначения долгого e (η). К этому времени письменность была уже довольно распространена в Афинах.⁴⁶ Упоминают о ней Эсхил, Софокл и Еврипид. В трагедии «Ифигения в Авлиде» (ст. 35—39) изображена сцена, когда Агамем-

⁴⁵ Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur, Bd I, 3, S. 95.

⁴⁶ См. об этом: Pfeiffer R. History of classical scholarship Oxford, 1968, p. 25—32.

нон в тяжелом раздумье пишет письмо домой с приказанием прислать Ифигению. У Аристофана бог Дионис читает в одной из комедий («Лягушки», ст. 52—53) «Андромеду» Еврипида. Умеют читать, как сообщает Аристофан, и сами зрители («Лягушки», ст. 1114). На вазах встречается изображение папирусных свитков с написанными на них словами. На знаменитой аттической вазе Дуриса запечатлен учитель, исправляющий задание ученика, написанное на специальных табличках.⁴⁷ Имеются упоминания о местах продажи книг. Ксенофонт сообщает о том, что Афины вывозили книги в причерноморские области («Анабасис», VII 5 14). Первыми любителями и собирателями книг греческая традиция называет тиранов Поликрата Самосского и Писистрата Афинского (VI в. до н. э.). Более достоверные сведения имеются о крупных частных библиотеках поэта Еврипида и философа Аристотеля (Афины, 1.4).⁴⁸

Можно предположить, что грамотность в Афинах V—IV вв. была выше, чем в Ионии VII—VI вв., и что этому в определенной мере способствовало развитие книжного дела. Однако нельзя забывать, что умению читать и писать и здесь обучались главным образом дети свободных и, в первую очередь, состоятельных граждан. Значительная часть населения Афин, а тем более Аттики в целом, включая сельских жителей, рабов, женщин и городскую бедноту, оставалась неграмотной. Вместе с тем достигнутый афинским городом-государством высокий уровень политической жизни и культуры не мог не влиять на приобщение к ней более широких слоев греческого общества, чем это имело место в предыдущий период в условиях Малой Азии. Афины V—IV вв. оставили будущим поколениям и более богатое источниковедческое наследие. Оно включает выдающиеся произведения античной трагедии и комедии, труды знаменитых историков, философов и ораторов, а также большой эпиграфический материал самого разнообразного характера.

Продолжавшийся несколько столетий процесс формирования литературного языка в Аттике восходит своими истоками к микенской эпохе. Проведенный нами анализ

⁴⁷ См., в частности: *Kumaniecki K. Historia kultury starożytnej Grecji i Rzymu*. Warszawa, 1964, s. 160.

⁴⁸ См. об этом: *Радциг С. И. Введение в классическую филологию*. М., 1965, с. 192.

лексики древнегреческой хоровой лирики позволил обнаружить в Аттике раннюю традицию греческого, в том числе материкового поэтического языка. Из поколения в поколение здесь передавались старинные песни и устный фольклор, непрерывно накапливалось в народной памяти и культовых центрах лексическое богатство, развивались грамматические средства языка. Об их древности свидетельствует наличие в аттическом диалекте ряда морфологических (например, двойственное число) и синтаксических явлений, не представленных в известном нам ионийском.⁴⁹ Важным фактором, положительно повлиявшим на развитие литературного языка, было усиление связей Аттики с Ионией в VII—VI вв. Достигший к тому времени более высокой ступени развития ионийский наддиалект в своей деловой и поэтической форме был быстро воспринят образованным слоем аттического общества. Легкость, с которой это произошло, была связана прежде всего с диалектной близостью аттического и ионийского, а также с общегреческим влиянием гомеровского эпоса, лирической поэзии, философской и исторической прозы, с усилением личных контактов аттических граждан с ионийцами. Формирующийся на своей собственной основе с ее богатыми древними традициями литературный язык Аттики получил, таким образом, весьма существенное подкрепление со стороны ионийской разновидности литературного языка и смог в течение VI—IV вв. достичь значительных успехов в своем развитии. Вместе с тем не следует преувеличивать это влияние, ибо часть приписываемых ионийскому явлений с равной степенью вероятности может быть отнесена к первоначально общей стадии существования обоих диалектов, т. е. признана и древнеаттической.⁵⁰ Однако хотя становление литературного языка в Аттике характеризуется все более ощутимым вкладом в него развивающегося аттического диалекта в его устно-разговорной и письменной форме, ионийский продолжает сохраняться в нем как органический и неотъемлемый компонент.

Другие греческие диалекты не оказали существенного влияния на формирование в Аттике литературного языка. В первую очередь это относится к эолийскому, сыграв-

⁴⁹ См. подробнее об этом: *Schwyzler E. Syntaktische Archaismen des Attischen. Berlin, 1940, S. 5—16.*

⁵⁰ На это обращает внимание тот же Э. Швицер (см.: *Schwyzler E. Griechische Grammatik, Bd I, 1, S. 105).*

шему в прошлом важную роль в образовании языка гомеровского эпоса и лесбосской лирики. Это касается также и дорийского диалекта, хотя по мнению многих исследователей он, как уже отмечалось, будто бы присутствует в хоровых партиях драмы. Это не означает, естественно, что у некоторых авторов не встречаются отдельные лексические или фонетико-морфологические элементы обоих диалектов, но случаи эти весьма редки и не характерны для литературного языка в целом.

Отметим вкратце главные черты и специфические особенности литературного языка Аттики V—IV вв. до н. э

К первым следует отнести прежде всего его обработанность. Литературный язык явился результатом длительного развития, в процессе которого происходил сложный отбор как традиционных, так и позднее появившихся языковых средств. Это письменный и устный язык в основном образованной части населения Афин, имевшей отношение к культу, просвещению, судопроизводству, государственным делам, литературе, искусству и философии. Он постепенно пополнялся некоторыми элементами народной речи, однако в целом избегал узко диалектных явлений и особенно в художественной литературе держался на определенном расстоянии от обиходно-разговорного диалекта неграмотной части общества. Регламентация языкового материала проявляется, с одной стороны, в избирательном использовании древнейших пластов лексики — с другой, в стремлении к выработке единых стилистических норм. Литературный язык Афин отличался известной, в том числе и диалектной вариантностью: в нем сочетаются древнеаттические и более поздние формы, ионийские элементы соседствуют с чисто аттическими. Нередко наблюдается и умело используемый писателями параллелизм структурных возможностей. Значительно возрастает в Афинах по сравнению с Ионией роль и значение письменности. Литературный язык VI—IV вв. успешно обслуживал экономические, политические, идеологические, эстетические и культурные потребности афинского полиса. Художественная литература вместе с другими видами письменности играет ведущую роль в создании узаконенной литературной традиции.

Особого внимания заслуживает вопрос о характере аттического языкового типа. Формирование делового и поэтического ионийского наддиалекта на малоазийском

ареале произошло, по свидетельству Геродота, в результате преодоления значительных диалектных различий, связанных как с неоднородностью самих греческих наречий, так и с разноплеменностью автохтонного населения Малой Азии. Доказательства же диалектного дробления на территории Аттики в древнейший период полностью отсутствуют, и оно может быть установлено лишь гипотетически. Тем не менее предположение о том, что литературный язык Аттики VI—IV вв. сложился на основе обобщенного наднаречного образования, вполне обоснованно. На это указывает его структурное единство, тщательность отбора языковых средств, широкий диапазон лексических вариантов. Вместе с тем в фонетико-морфологическом плане этот язык стоял, по-видимому, довольно близко к местным говорам и существенно от них не отличался. Эта его особенность была предопределена изначальной племенной однородностью греческого населения Аттики.

Литературный язык вырос на аттической почве и на базе местного диалекта. Однако его образование — и в особенности его стремительное развитие — было обусловлено наряду с факторами социально-экономического и общественно-политического характера двумя обстоятельствами: многовековой языковой традицией предшествовавших, в том числе и микенского, периодов, с одной, и плодотворным влиянием высокоразвитой ионийской культуры и ионийского литературного языка VII—VI вв. — с другой стороны. Наличие непрерывной исторической преемственности и теснейшей связи между тремя этапами формирования греческого литературного языка — микенским, ионийским и аттическим — служат убедительным подтверждением предположения о его органической целостности и дают основание видеть в литературном языке Аттики VI—IV вв. до н. э. вторую после ионийской разновидность единого древнегреческого литературного языка.

Эллинистический период (IV в. до н. э. — V в. н. э.)

Раннеэллинистический период (IV—I вв. до н. э.). Конец IV в. до н. э. ознаменовался в Греции событиями, вызвавшими крутой поворот в ее судьбе. Возвышение Македонии и завоевания Александра открывают новый этап греческой истории (334—30 гг. до н. э.), получивший

условное наименование «эллинистический».⁵¹ Возникает новая рабовладельческая монархия, охватывающая кроме собственно Греции обширный ареал за ее пределами вплоть до Индии и Эфиопии. После смерти Александра она распадается на несколько частей: державу Птолемеев в Египте, царство Селевкидов в Передней Азии, Македонское государство в материковой Греции. Происходит массовое передвижение греческого населения в завоеванные страны. Расширяются торговые связи между отдельными регионами эллинистического мира. Центр тяжести экономического, политического и культурного развития вновь перемещается на восток. Европейская Греция переживает в III—II вв. до н. э. период своего упадка. Старые полисы и их объединения постепенно утрачивают бывшее значение. Теряют свой прежний политический престиж и Афины, продолжая, однако, еще длительное время оставаться важным очагом духовной жизни всей Греции.⁵²

Одним из последствий завоеваний Александра Македонского было широкое распространение на востоке греческой культуры. Ее влияние оказалось неодинаковым в разных странах. Более глубоким и прочным оно было в прибрежной полосе Малой Азии, в Египте и на островах, охваченных в предыдущие столетия греческой колонизацией. Более поверхностным оно оказалось в глубинных районах, где греки составили лишь верхнюю прослойку общества и где продолжали удерживаться местные традиции. Расцвет эллинистической культуры, достигнутый в результате синтеза греческой с культурой народов Ближнего и Среднего Востока, был связан с такими крупными городами, как Александрия в Египте, Антиохия и Пергам в Малой Азии, с о. Родос в Эгейском море.

Продвижение греческой культуры в странах Востока сопровождалось распространением в них греческого языка. Его носителями были македонские и греческие полководцы и воины, чиновники и жрецы, купцы и торговцы,

⁵¹ Подробную характеристику эпохи см. в кн.: *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950; *Свенцицкая И. С.* Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963; *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1960.

⁵² И. М. Тронский обращает внимание на то, что в отличие от классического в эллинистический период нет в греческом мире преобладания единого культурного центра (см.: *Тронский И. М.* История античной литературы, с. 194).

философы и педагоги, ремесленники и земледельцы, устремившиеся по следам завоевателей. Греческим языком овладевает местная земельная и торговая аристократия, а впоследствии и имущие слои туземного населения, стремившегося приобщиться к македоно-греческой верхушке и связанного с ней экономическими и другими узами. Этот язык, охвативший обширную территорию и ставший единым для значительной части населения эллинистического мира принято называть общегреческим языком — койне.

Образование койне было длительным процессом и венчалось собой многовековой этап формирования общих языков более или менее широкого диапазона, которыми была столь богата греческая история. И. М. Тронский с полным основанием называет эллинистическую койне наиболее поздней надстройкой в системе диалектных отношений греческого языка.⁵³ Среди причин, приведших к ее возникновению, исследователи называют кроме вышеуказанных факторов и ряд других. А. Мейе видит первый толчок к появлению койне в создании в VII в. до н. э. мощной персидской державы и в ее захватнической политике, вызвавшей образование союза греческих государств во главе с Афинами и укрепление влияния последних на греческие дела.⁵⁴ А. Тумб полагает, что расширение в связи с этим функций аттического диалекта привело к складыванию «великоаттического», ставшего промежуточным звеном между аттическим диалектом и койне.⁵⁵ О росте значения и расширении сферы употребления аттического свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что уже в IV в. до н. э. он стал языком македонского двора и его правителей. Отмечается и важность культурного фактора для закрепления ведущей позиции аттического диалекта, поскольку Афины стали в V в. бесспорным центром греческой литературы и искусства. Решающим моментом в этом плане было победное продвижение, начиная с IV в., аттического в качестве основного диалекта литературной прозы, проявившееся особенно заметно в области философии и риторики.

⁵³ См.: Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 51.

⁵⁴ Meillet A. Aperçu... , p. 263.

⁵⁵ Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg, 1901, S. 261.

В основе эллинистической койне лежат два греческих диалекта: аттический составляет ее базу, ионийскому она обязана рядом своих элементов. Такое соотношение было естественным результатом преобладающей роли Ионии и Аттики в историческом процессе становления древнегреческой культуры. Другие общие языки этого периода, как например ахейско-этолийский III в. до н. э., просуществовали недолго, получив лишь локальное значение. Распространение койне приводит к ослаблению позиций собственно ионийского диалекта: в V в. до н. э. на нем было составлено ок. 55% надписей, в III в. — всего 6%. В то же время усиливается влияние койне: от 0% в V в. до 98% во II в. до н. э.⁵⁶ Таким образом, к концу III в. завершается процесс взаимопроникновения аттического и ионийского диалектов с явным перевесом первого из них, обозначивший окончательную победу койне в восточных странах эллинистического мира. Параллельно с этим наблюдается постепенное затухание остальных греческих диалектов, вытесняемых из обращения стремительным шествием общего языка.⁵⁷ «Сложение единого общегреческого языка, — указывает И. М. Тронский, — происходило на фоне сложения единой общегреческой народности, противостоявшей многочисленным покоренным народам эллинистических стран. Κοινή как язык греко-македонской верхушки противостоит, таким образом, не столько старым, сравнительно быстро отмирающим диалектам полисного времени, сколько иноземным языкам покоренных народов. . .»⁵⁸

Будучи естественным продолжением аттического и ионийского на наддиалектном уровне и в новых исторических условиях, эллинистическая койне отличалась рядом особенностей фонетического, морфологического, синтаксического и лексического характера. В фонетическом плане следует упомянуть о наличии σσ (φυλάσσω) вместо ττ (φυλάττω) и ρρ вместо ρρ по примеру ионийского диалекта, но α после ε ι ρ и η во всех других случаях по примеру ат-

⁵⁶ См.: Debrunner A., Scherer A. *Geschichte der griechischen Sprache*. Berlin, 1969, Bd II, S. 36—45.

⁵⁷ Э. Майзер отмечает весьма ограниченную роль дорийских и эолийских элементов в языке папирусов, см.: Mayser E. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin, Bd I, 1923, S. 5.

⁵⁸ Тронский И. М. Задачи советского языкознания в области античных языков. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1958, № 3, с. 240—241.

тического. Среди морфологических явлений можно назвать окончание род. пад. ед. ч. существительных м. р. -ου (чисто аттическое) и окончание -εως / -εος (имен на -ις, в остальных диалектах -ιος), окончание вин. пад. ед. ч. существительных третьего склонения -αυ вместо -α, характерного для классического времени. Происходит смешение окончаний 3-го л. мн. ч. перфекта -ασι и аориста -αυ, исчезновение двойственного числа. В области синтаксиса замечается появление новых функций у некоторых предлогов (например, κατά с вин. над. в роли атрибутивного генитива), переход ряда отложительных глаголов на позиции пассива, ограничение сферы перфекта и др. Особого внимания заслуживает вопрос о вкладе ионийского диалекта в развитие эллинистической прозаической лексики. В составе последней был обнаружен значительный пласт слов, встречающихся в классическое время лишь в поэтическом языке. Вначале пытались объяснить это обстоятельство заимствованием у знаменитых поэтов прошлого. Однако после того как большое количество этих слов было найдено в нелитературных папирусах, стало ясно, что речь идет о древнем лексическом слое греческого языка, к которому обращались поэты и который вошел в эллинистическую прозу как ее органическая часть через посредство ионийского народного языка.⁵⁹

Отмечая сложность самого понятия «койне», А. Мейе подчеркивает, что его нельзя свести к одному значению, хотя различные области, к которым она имеет отношение, тесно связаны между собой.⁶⁰ С одной стороны, греческий письменный прозаический язык послеклассического периода продолжает в более или менее совершенном виде язык, выработанный великими писателями Аттики; с другой — современные Александру авторы, само собой разумеется, не пишут так, как их последователи во II—I вв. до н. э., не говоря уже о более позднем периоде. Вместо с тем изменения, происшедшие в языке эллинистической литературной прозы, являются относительно незначительными, если их сравнить с изменениями, имевшими место в устной речи грекоязычного населения IV—I вв. до н. э. Это обстоятельство было обусловлено рядом причин, главные из которых — большая область распространения

⁵⁹ См., в частности: *Palmer L. R. A grammar of the post-Ptolemaic Papyri*. London, 1946, v. I, p. 5.

⁶⁰ *Meillet A. Aperçu. . .*, p. 257.

койне и неоднородность происхождения пользовавшихся ей людей, среди которых были греки и не-греки, выходцы из разных стран и представители разных народов. Нельзя не считаться и с фактором времени, налагавшим свой отпечаток на ход языкового процесса. Существенное значение имел также и социальный фактор. Естественно, что в наиболее «чистом» виде койне культивировалась высшими кругами эллинистического общества. Более подверженной влиянию разговорного языка являлась речь средних слоев, главным образом имущего городского населения, обслуживавшего рабовладельческую верхушку.

И, наконец, язык низших слоев греческого населения городов и частично сельских жителей, усваивавших обиходную речь на слух, включал не только значительное число простонародных элементов, но был нередко насыщен иноязычными ингредиентами. Являясь важным средством общения эллинистического общества, койне успешно выполняла роль делового, в том числе административного и дипломатического языка. Она была предметом тщательного изучения в школах, как предназначенных для греков, так и для местной знати.⁶¹ Следует, однако, иметь в виду, что туземное население захваченных македоно-греческими завоевателями стран не переставало пользоваться в общении между собой местными языками. Греческим языком владела, особенно в глубинных эллинистических государствах (кроме собственно Греции), относительно небольшая часть общества — большинство населения, по-видимому, греческого не знало. В этих условиях весьма трудно определить уровень грамотности в период эллинизма. Можно лишь предположить, что он был значительно ниже, чем в классическое время, как в самой Греции (потеря независимости, экономический и политический кризис), так и тем более в странах Востока, где широкие народные массы не имели доступа не только к греческому, но и к образованию вообще.

Одной из важных особенностей развития языка эллинистической литературы являлось все более усиливавшееся расхождение между языком поэзии, с одной, и художественной прозы — с другой стороны. Это различие

⁶¹ См. об этом: *Teodorsson S. T. The phonology of Ptolemaic Koine. Göteborg, 1977, p. 15—25.*

имело место и в аттической литературе, однако оно не было столь значительным, поскольку ряд поэтических жанров (трагедия, комедия) вырос на почве Аттики и был в определенной мере связан с аттическим диалектом. Эллинистическая поэзия оказалась единственной областью литературы, почти не испытавшей влияния койне. Основная причина этого явления кроется в настойчивом стремлении эллинистических поэтов сохранить традиции жанровых языков предшествовавших столетий. Поэзия, когда-то рассчитанная на широкие слои граждан полиса, теперь стала достоянием сравнительно узкого круга читателей и привилегией образованных верхов общества. Эпические и дидактические поэмы продолжают писаться на языке Гомера и Гесиода, малые лирические формы слагаются на языке Архилоха и Гиппонакта. Виднейшие представители александрийской поэзии III в. до н. э., Каллимах из Кирены, автор элегического произведения «Причины», и Аполлоний Родосский, автор мифологической поэмы «Аргонавтика», придерживались в своем творчестве языковых норм эпической поэзии. Феокрит из Сиракуз сочинял свои идиллии на дорийском диалекте сицилийских поэтов VI—IV вв. до н. э., а лирические стихотворения писал по-эолийски в подражание лесбосским певцам VI в. до н. э. — Алкею и Сапфо. Ионийским диалектом Гиппонакта пользуется и Герод, сочинитель мимиямбов. Последний, созданный в Афинах, литературный жанр «новой» комедии в лице ее самого видного представителя Менандра (IV—III вв. до н. э.) продолжает в новых условиях языковые традиции аттической драмы V—IV вв.

Художественная проза эпохи эллинизма прочно придерживается на первых порах аттического диалекта, однако со временем испытывает все более заметное влияние койне. Представителем языка аттической литературной прозы, соприкасавшейся с ранним периодом литературной койне, признается среди философов Аристотель (IV в. до н. э.). Ближе к разговорному находился философский язык Эпикура (III в. до н. э.). Признанным выразителем литературной койне считался известный историк II в. до н. э. Полибий. Среди представителей научной прозы, пользовавшихся койне, следует назвать Филона Византийского, автора труда по механике, и знаменитого ученого III в. до н. э. Архимеда из Сиракуз (несмотря на дорийские элементы в его языке). Красноречие утратило свое прежнее значение. Похвальные речи в честь

монархов отличались своей искусственностью, что сказывалось и на их языке.

Основными источниками, знакомящими нас с греческим языком эллинистического периода, являются литературные произведения, надписи и папирусы. Первая категория источников, как отмечалось выше, неравноценна для суждения о койне. Лишь литературная проза дает о ней представление, хотя она в меньшей, чем другие прозаические документы, степени усваивала ее усиливавшиеся особенности. Это объясняется отчасти и профессиональной выучкой писцов, стремившихся не допустить в нее явлений, нарушавших установленную норму. Вторая группа источников — надписи представлены широко и на протяжении всего эллинистического периода. Они отражают язык дворцовых канцелярий, межгосударственных соглашений, местных законов и постановлений. В этот язык, несмотря на его нормативность, уже чаще проникают элементы общегреческой койне. В еще большей степени основные черты последней зафиксированы в третьем и весьма богатом виде источников — папирусах, число которых достигает в настоящее время 150 000.⁶² Среди них привлекают внимание наряду с литературными и официальными материалы частного и получастного характера: письма малообразованных лиц, всякого рода счета, обязательства, расписки и т. д. Авторы этих документов, не обладая зачастую достаточными литературными навыками, не только допускали те или иные отступления от общепринятых правил, но и шире открывали доступ для проникновения в письменный язык особенностей народного произношения и элементов разговорной речи. Благодаря столь многочисленным, разнообразным и в основном хорошо датированным источникам изменения, происшедшие в истории греческого языка, равно как и формирование и распространение койне в эллинистическую эпоху, поддаются обстоятельному и детальному изучению.

Образование греческого литературного языка эпохи эллинизма проходило в сложных условиях. С одной стороны, не перестает сказываться сильное воздействие жанровых литературных языков: героического и наставительного эпоса, лирики и драмы. В результате этого язык эллинистических поэтов оказался не только далеким от

⁶² См.: *Studii Clasice*. Bucureşti, 1977, XVII, p. 336.

происходивших в жизни процессов, но и не испытал на себе их ощутимого влияния. С другой стороны, эллинистическая литературная и прежде всего художественная проза, хотя и сохранила преемственную связь с аттической прозой V в., развивалась более естественным путем и не чуждалась, как это было с поэзией, влияния складывавшейся койне. Ее различные подразделения не в одинаковой мере отразили это влияние. Менее ощутимым оно было на первых порах в исторической, более явным в философской и научной прозе, где сильнее отражались запросы жизни и проблемы, волновавшие общество того времени. Что касается эллинистической деловой прозы, представление о которой дают нам греческие надписи и папирусы, то, как уже отмечалось, она не была однородной и включала целый спектр языковых уровней, начиная с унаследованного официального канцелярского языка и кончая близким к простонародному языком частной переписки лиц с ограниченной грамотностью. Вместе с тем деловая проза дает нам наиболее полное и широкое представление об эллинистической койне.

Все три упомянутые выше области литературного языка эллинизма относятся к его письменному аспекту и составляют одну часть сферы его функционирования. Вторая и не менее существенная — устный аспект, охватывавший в свою очередь два подразделения. Это, во-первых, разговорный язык образованных слоев, верхушки эллинистических государств. Его диапазон был, по-видимому, довольно широким и включал как художественную, так и деловую прозу. Принадлежавшие к этой верхушке лица были в состоянии вести литературные беседы, рассуждать на философские и научные темы или выступить с речью, не говоря уже о владении навыками делового или бытового разговора. Это, во-вторых, устная речь состоятельной части населения, не участвовавшей в управлении государством, но обеспечивавшей его потребности и обученной грамоте. Для этих слоев было характерно главным образом свободное пользование как литературным деловым, так и бытовым языком, дававшими им возможность общаться без затруднений с высшей и низшей прослойками общества. Вне литературного языка оставался разговорный язык низших слоев малограмотного и неграмотного городского и сельского населения. Этот язык был ограничен в основном бытовыми нуждами, определяемыми экономическим и социальным положением

нием наиболее бесправной и эксплуатируемой части общества.

В свою очередь эллинистическая койне включает две основные разновидности: литературную и разговорную.⁶³ Первая охватывала ряд подразделений художественной прозы, не знаменуя еще, как справедливо отмечает И. М. Тронский, языкового единства для всех литературных жанров.⁶⁴ Вторая разновидность включает устную греческую речь всех слоев эллинистического общества, достигшую, несмотря на имевшиеся различия, относительного единства в грекоязычных странах Востока.

Эллинистический литературный язык и эллинистическая койне — понятия не равнозначные. В состав первого входил язык всей греческой литературы эллинистического периода, т. е. поэтический и прозаический, равно как и частично устная речь эллинистического общества. Койне, со своей стороны, охватывала всю его устную речь и частично литературное творчество.⁶⁵ Эллинистический литературный язык характеризовали обработанность и регламентация, общая тенденция к наддиалектному языковому типу и отказ от узкодиалектных явлений. Он успешно обслуживал экономические, социальные, политические и культурные потребности эллинистического общества.

Литературный язык периода раннего эллинизма представляет собой третий этап развития древнегреческого литературного языка. Если в основе первого лежал ионийский, а в основе второго аттический диалект, то диалектная база третьего этапа определяется как ионийско-аттическая. Эллинистическая ступень стала возможной как естественное продолжение двух предыдущих. В области письменного и, в частности, поэтического языка можно проследить ее связи с творчеством микенского и гомеровского времени, по линии художественной прозы — преимущественно с ионийской и аттической. В области разговорной

⁶³ См. подробнее об этом: *Соболевский С. И.* Κοινή — общий греческий язык. — В кн.: *Православная богословская энциклопедия*. СПб., 1908, т. IX, стлб. 603—754.

⁶⁴ *Тронский И. М.* О диалектной структуре греческого языка в раннем античном обществе. — В сб.: *Вопросы социальной лингвистики*. Л., 1969, с. 280.

⁶⁵ См. по этому вопросу позицию Й. Фрезена: *Frösén J.* Prolegomena to a study of the Greek language in the first centuries A. D. The problem of Koiné and atticizm. Helsinki, 1974, p. 164—165.

речи особо ощутимы связи с деловым языком Ионии и Аттики VII—IV вв. до н. э. В то же время эллинистический литературный язык — это качественно новая ступень в развитии греческого литературного языка. Она возникла как новое наддиалектное образование, основу которого составили аттический диалект и койне,⁶⁶ охватила своим влиянием целый ряд стран, обладала более усложненными и разнообразными функциями. Усилился процесс языковых изменений на всех уровнях его структуры. Были вытеснены из употребления местные диалекты. Заметно обновилась лексика за счет словообразования, философской и научной терминологии.

А т т и ч е с к а я разновидность древнегреческого литературного языка, пришедшая в VI—V вв. до н. э. на смену и о н и й с к о й, уступила в IV—III вв. место следующей — э л л и н и с т и ч е с к о й его разновидности.

Позднеэллинистический период (I в. до н. э.—V в. н. э.). Конец I в. до н. э. знаменует собой время важных перемен в эллинистическом мире. Завершается процесс покорения Римом стран Ближнего Востока. Вслед за Македонией (148 г. до н. э.), Пергамом (133 г.), Сирией (64 г.) римлянам подчинился в 31 г. до н. э. и Египет, где до этого в течение трех столетий правила династия Птолемеев.⁶⁷ Римская администрация подвергает население захваченных стран хищнической эксплуатации. Обостряются экономические, социальные и политические противоречия рабовладельческого общества. Кризис III в. наносит тяжелый удар римскому государству. В IV в. его центр перемещается в Константинополь. Римская империя сменяется византийской.

В отличие от западных провинций, где римские завоевания сопровождались закреплением латинского языка в качестве господствовавшего и оттеснением, а затем и искоренением местных языков, римлянам пришлось в эллинистических странах Востока признать превосходство греческого языка и примириться с ним. Ни в материковой Греции, ни в Азии греческий язык не уступил своих позиций латинскому. Дело было не только в том, что сами рим-

⁶⁶ Тронский И. М. Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962, с. 19.

⁶⁷ См. подробнее об этом в кн.: История Древней Греции, с. 368—372.

ляне считали греков своими учителями и преклонялись перед величием их культуры. Основная причина заключалась в исключительной структурной стойкости и лексическом богатстве греческого языка, в прочности его положения во всем бассейне Восточного Средиземноморья. К началу новой эры греческий еще больше закрепляется в Малой Азии и Сирии, в Армении и на побережье Черного моря.⁶⁸ Римская империя стала в этих условиях двуязычной, в восточной ее части продолжал господствовать греческий.

Римская администрация быстро здесь приспособилась к новой ситуации. Официальные документы составлялись на двух языках или переводились с латинского на греческий. Создавались специальные канцелярии, где трудились обученные греческому переводчики. Для римских чиновников и купцов греческий стал удобным средством общения с населением многих стран Востока. Изучение греческого римлянами составило существенный элемент их образования. Молодые представители высших кругов римского общества завершали свое обучение поездками в Грецию и на ее острова. В Рим съезжались греческие философы, писатели и педагоги.

Афины, став в эпоху империи рядовым эллинистическим городом, теряли свой престиж и прежнее значение интеллектуального центра греческого мира.

Развитие койне в позднеэллинистический период характеризуется рядом особенностей.

а. Нарастает процесс внутренних преобразований, признаки которых обозначились в более раннее время. Перфект уступает место аористу. Если в I в. до н. э. на каждые три формы аориста попадаются в папирусах десять перфектных, то в V в. н. э. на три аористные встречается лишь одна форма перфекта.⁶⁹ Выходят из употребления плюсквамперфект и футурум II. Их место занимают со-

⁶⁸ Ср.: Шелов Д. Б. Западное и северное Причерноморье в античную эпоху. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 219—224; Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье. — В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с. 13—15; Урушадзе А. В. Страна волшебницы Медеи. — Там же, с. 21—28; Саркисян Г. Х. Черты эллинизма в духовной культуре древней Армении. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, т. I, с. 18—24.

⁶⁹ См. об этом: Mandilaras B. G. The Verb in the Greek non-literary papyri. Athens, 1973, p. 271—287.

ответствующие описательные формы. Оптатив находится в I—II вв. н. э. на пути исчезновения. Если еще у Ксенофонта на сто страниц текста встречаются 330, а у Платона — 250 форм оптатива, то у Страбона их насчитывается 76, у Полибия — 37, а у Диодора Сицилийского — всего 13.⁷⁰ Усиливается роль инфинитива с артиклем после предлога.

б. Происходит дальнейшее накопление различий между устной речью и письменным языком. В разговорной койне появляются некоторые произносительные изменения. *ε* и *η* произносятся все чаще как *i*, *ο* и *υ* — как *ü* (позднее и как *i*), *αι* *ε* — как *e*. Теряется приписная йота у долгих дифтонгов *αι* *ωι*. Стираются различия между краткими и долгими гласными. Музыкальное ударение сменяется динамическим. Сокращается число отклонений. Усиливается роль предлогов в речи. Однако несмотря на происходящие в разговорной сфере изменения, грамматический строй греческого языка сохраняет свои основные черты.

в. Койне испытывает на себе, главным образом в области лексики, влияние контактировавших с греческим языков. Отдельные слова переходят в нее из древнемакедонского, фригийского, персидского, семитических и др. Более существенно влияние латинского языка. Греческий заимствует из него некоторые технические термины, названия неизвестных грекам предметов, группу глаголов. В ряде случаев латинские слова просто транскрибируются. Таковы термины военного дела: *κοιτωδία* 'стража', *λεγιών* 'легион', *κεντοურიον* 'центурион'; административного обихода: *καίσαρ* 'цезарь', *κίβισος* 'ценз', *κολωνία* 'колония'; предметов торговли: *λέντιον* 'полотно', *σιμικίνθιον* 'поясок'; мер и весов: *μόδιος* 'модий', *ἀσάριον* 'монета'.⁷¹ Тем же путем заимствуются и глаголы: *ἀκούμπίζω* 'ложусь', *δηφενδεύω* 'защищаюсь' и др. В греческом появляются некоторые суффиксы прилагательных, как: *-αριος* (*λεγιωνάριος* 'касающийся легиона'), *-инос* (*ἀλεξανδρείνος* 'александрійский') и др. Однако, как отмечает А. Мейе, ни один язык не заимствовал в историческое время меньше, чем греческий.⁷² Нельзя при этом забывать, что в язык высших слоев общества проникло относительно немного чужеземных слов и значительно

⁷⁰ См.: Meillet A. *Απεργη*. . . , p. 290—291.

⁷¹ См. подробнее об этом: Blass S., Debrunner A. *A Greek grammar of the New Testament*. Chicago; London, 1975, p. 4.

⁷² Meillet A. *Απεργη*. . . , p. 304.

больше в устную речь простых людей, особенно смешанного населения грекоязычных стран.

Происходившие в койне преобразования, прежде всего в развитии разговорного языка, не могли не отражаться и на ее литературной разновидности. Со временем это привело к конфликту между теми сторонниками литературной койны, которые воспринимали как должное появлявшиеся новшества, и теми, кто видел в них признак «порчи» древнего «чистого» литературного языка. Представители второго направления получили наименование «аттикистов», так как ставили своей целью восстановить пошатнувшиеся нормы аттической прозы V—IV вв. до н. э., а созданное ими направление стало называться «аттикизмом». ⁷³ Последний достиг своей вершины во II в. н. э. и представлял собой одно из проявлений более широкого идейного течения, призывавшего вернуться к «классике», к лучшим образцам прошлого в области философии, искусства, риторики и литературы. По своей социальной сути это было реакционное течение, направленное на искусственное сдерживание выдвигаемых жизнью тенденций, и оно нашло широкую поддержку и ярых защитников в аристократических кругах греческого и римского общества. Уже во II в. до н. э. в Александрии, как сообщает Аристофан Византийский, зародился призыв «назад к древним». В Риме Цицерон направляет весь свой авторитет на возрождение аттикизирующего ораторского искусства, а двор императора Адриана (II в. н. э.) становится центром аттикистическо-лексикографических разысканий того времени. И. М. Тронский отмечает, что период архаистических тенденций, проявившихся во всех областях идеологии, в том числе и в литературе, был попыткой античного общества, разьедаемого противоречиями уже переживающей себя рабовладельческой системы, найти в возвращении к прошлому выход из наметившегося во II в. н. э. тяжелого кризиса. ⁷⁴

Аттикисты периода второй софистики всемерно форсируют ориентацию на язык древних памятников, на тексты классических авторов и школьные «канонические» издания. Они призывают к восстановлению в письме и речи

⁷³ Этому явлению посвящено капитальное исследование В. Шмида (см.: *Schmid W. Der Atticismus in seinen Hauptvertretern. Stuttgart, Bd I—IV, 1887—1897*).

⁷⁴ Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953, с. 256.

вместо σσ, ρρ вместо ρσ, предлога ἐς вместо εἰς, ξύν вм. σύν, глагольных форм аориста ἔδοσαν ἔθεσαν вместо ἔδοσαν ἔθησαν, медиального перфекта и плюсквамперфекта τετάχαται ἐτετάχατο вместо описательных τεταγμένοι εἰσιν, ἦσαν, второго аттического склонения, двойственного числа и опатива. Издаются специальные словари, в которых отмечается, как положено и как не положено говорить и писать. В одном из них (лексикон Мойриса, II в. н. э.) указывается, например: ἄρρενα — ἄρσενα (188.22), ἦσθα — ἦς (197.34), ἴσασιν — οἶδασιν (200.6), μικρόν — μικρόν (209.33), т. е. первая форма является правильной аттической, второй следует избегать как обиходной, разговорной.⁷⁵

Среди главных представителей литературной койне I в. до н. э.—I в. н. э. называют обычно Страбона (60 г. до н. э.—25 г. н. э.). Автор «Географии» относится к писателям, стремившимся сохранить языковые аттицистические нормы. На это указывает наличие отклоняющихся глагольных и именных форм, использование двойственного числа, опатива, второго аттического склонения. Тем не менее в языке Страбона можно обнаружить и ряд явлений, связанных с койне: вместо аттического супплетивного аориста ἐρρήθην появляется пассивная форма ἐλέχθην от глагола λέγω 'говорю'; классический инфинитив ὀφθῆναι от глагола ὁράω 'вижу' заменяется нормализованным ὁραθῆναι; появляются многочисленные краткие формы компаратива: πλείω, πλείους, μείζω и т. д.⁷⁶ Более близки к простонародному языку диатрибы философа Эпиктета (ок. 60—140 гг. н. э.) из фригийского города Гиераполис, известные нам по записям его ученика Флавия Арриана. Важным документом, испытавшим влияние разговорной койне, является и Новый Завет (I—II вв. н. э.). В то время как евангелический текст Матфея и еще больше Марка отражает устную речь простых людей, у евангелиста Луки заметно желание приблизиться к литературной норме. Во II в. н. э. резко выступает против аттицистов автор сатирических произведений Лукиан. Однако в конце II—начале III в. Климент Александрийский примыкает к аттицистическому течению, восстанавливая в своих сочинениях двойственное число и опатив. В дальнейшем

⁷⁵ См. об этом: Debrunner A., Scherer A. Geschichte der griechischen Sprache, Bd II, S. 96.

⁷⁶ См. подробнее об этом: Ștef F. Particularități morfologice și regimul prepozițiilor la Strabon. — Studii Clasice. București, 1970, XII, p. 69—78.

христианство по мере становления официальной религией проявляет все больше заботы о литературной обработке языка св. писаний.

Мнения современных исследователей относительно оценки аттикизма неодинаковы. Одни видят в нем стилистическое явление в языке художественной литературы, другие готовы квалифицировать его как чуть ли не отдельный язык. Есть и суждение, что аттикизм был губителен для дальнейшей судьбы греческого языка, подорвал его последующее развитие.

Крайность этих высказываний очевидна. И при аттикизме и после него греческий язык продолжал свободно развиваться. Никакие усилия аттикистов не были в состоянии ни приостановить, ни существенно изменить его движение. Это относилось главным образом к разговорной и частично к литературной разновидности койне. В то же время возникновение аттикизма имело серьезные последствия для языка позднеэллинистической прозы. Аттикизм привел к усилению разрыва между двумя подразделениями художественной литературы: одним, сориентированным на классическую аттическую прозу и искусственно ее культивировавшим, другим, учитывавшим тенденции развития разговорного языка и не отгораживавшимся от него.

Пренебрежительное отношение аттикистов к койне в целом и к созданной на ней литературе в частности имело своим отрицательным последствием гибель многих литературных произведений эллинистического периода. В отличие от сочинений классических авторов они не допускались в школьные программы, не переписывались и не распространялись. Лишь благодаря папирусам удалось получить представление о ряде эллинистических писателей, действовавших на территории Египта.

Итак, есть основание говорить о некоторых особенностях развития койне и греческого литературного языка в позднеэллинистический период.

Во-первых, койне окончательно объединяет в одну лингвистическую общность все страны грекоязычного Востока, вытесняя с IV в. н. э. местные древние диалекты греческого языка. Во-вторых, в самой койне происходят внутренние преобразования, в которых более четко проявляются общие тенденции развития языка на всем ареале его распространения в отличие от прежнего периода, когда они были не столь ощутимы и более или менее ограничены территориально. В-третьих, соприкосновение

койне с рядом языков, особенно с латинским, приводит к заимствованию ею в этот период некоторого числа иноязычных слов, оборотов и словообразовательных элементов.

Литературный язык претерпевает в свою очередь определенные изменения. Устная речь продолжает оказывать все более усиливающееся влияние на его развитие, что вызывает ответную реакцию аттикистов. Становится более резкой грань между языком художественной прозы, представленной писателями-аттикистами, и литературной прозой авторов, придерживающихся койне. Происходит выравнивание диалектной базы языка художественной литературы в связи с искусственным восстановлением позиции аттического и вытеснением остальных диалектов.

Позднеэллинистический период развития греческого литературного языка продолжает усиливать и закреплять основные тенденции раннеэллинистического периода. Они проявляются в стабилизации лингвистического единства койне, в сохранении греческим языком восточной части римской империи своей самостоятельности, в усилении разрыва между письменным языком и разговорной речью, в нарастании внутренних преобразований в языке и значительном обогащении его лексики.

Несмотря на свое значение и масштабность, эти изменения не приводят к серьезным нарушениям структуры греческого языка. Остается в основном стабильным и сложившееся в ранний период соотношение литературного языка и койне, хотя происходит некоторое перераспределение их внутренних сфер влияния и частичное смещение диалектной базы в области художественной литературы. Вместе с тем вследствие пуристической языковой политики правящих слоев рабовладельческого общества, их все большего отчуждения от народных масс, право на «литературность» получает лишь культивируемый образованными кругами язык, сохраняющий традиции классической аттической прозы. И наоборот, язык устный и письменный, не подчиняющийся ее канонам, объявляется нелитературным, не заслуживающим внимания и тем более специального изучения. «Победа аттицизма, — отмечает И. М. Тронский, — запечатлелась на всей дальнейшей истории греческого языка. Дуализм письменной аттической и живой речи . . . прошел через всю позднейшую античность, через средневековую письменность феодальной Византии, даже через новогреческую литературу XIX в. и, сохранившись до наших дней, продолжает служить

тяжелой помехой для демократизации народного образования в современной Греции».⁷⁷

Однако сколь бы ни были тяжелы последствия аттицизма, очевидно, что попытка свести понятие греческого литературного языка эллинистической эпохи в лучшем случае к языку выдержанной в архаистическом стиле художественной литературы ошибочна и несостоятельна. Греческий литературный язык — как ранне-, так и позднеэллинистический — охватывал не только область художественной литературы, следовавшей принципам аттицизма, но и обширную область деловой прозы, написанной на койне и запечатленной в тысячах надписей и десятках тысяч папирусов, отражающих все сферы деятельности эллинистического общества. Вместе с тем нельзя оставлять за пределами литературного языка публичные выступления и устную речь образованной и грамотной частей греческого и негреческого населения эллинистических стран, для которых он был основным средством общения.

Греческий литературный язык вступает, таким образом, в византийский период своей истории двумя разновидностями: письменной и устной. В первой из них обнаружилось значительное расхождение между языком аттицистической художественной прозы и языком деловой прозы, написанной на койне. Эта последняя тяготеет все более к базирующейся тоже на койне устной речи грамотных слоев общества. Размежевание письменного, с одной стороны, и устного языка — с другой, становится еще более глубоким и серьезным.

Литературный язык позднеэллинистического периода является второй ступенью развития греческого литературного языка эпохи эллинизма в широком плане. Он не представляет собой по отношению к раннеэллинистическому периоду качественно нового этапа и сохраняет без существенных изменений диалектную базу койне. В то же время позднеэллинистический период имеет исключительное значение для дальнейшей судьбы языковых отношений в греческом мире на многие столетия вперед.

НЕОСНОВНЫЕ ОБЛАСТИ И ДИАЛЕКТЫ

Изучая проблему древнегреческого литературного языка, мы сосредоточили внимание на основной линии его развития как единого органического целого и на не-

⁷⁷ Гронский И. М. История античной литературы, с. 236.

прерывном и последовательном процессе его становления. Были определены главные этапы формирования литературного языка, начиная с микенской эпохи, когда сложился ряд его предпосылок, и кончая эллинистическим периодом, приведшим его к византийской эпохе. Были выделены основные разновидности этого языка: ионийская, аттическая, эллинистическая, и определены особенности каждой из них. Удалось установить, что решающую роль в создании и развитии древнегреческого литературного языка сыграли прежде всего области греческого мира, достигшие в условиях рабовладельческой общественной формации наивысшего уровня исторического развития. В языковом плане наибольшее значение приобрела аттико-ионийская диалектная группа, постоянно определявшая характер и специфику его становления.

Вместе с тем стало очевидным, что вышеперечисленные разновидности литературного языка не являлись единственными в Древней Греции и их рассмотрением не исчерпывается сложная картина языкового творчества на греческом ареале. Можно было предположить, что и другие греческие области и другие диалекты внесли некоторый, хотя и не столь существенный вклад в развитие древнегреческого литературного языка. Попробуем проанализировать степень участия в его образовании таких областей Греции, как Аркадия, Лесбос, Беотия, Спарта, Южная Италия и Сицилия, таких греческих диалектов, как аркадский, эолийский, беотийский и дорийский.

Аркадия. О том, что аркадский диалект сыграл определенную роль в формировании древнегреческого литературного языка, стало известно благодаря эпической поэтической традиции. Было, в частности, установлено, что «ахейская» стадия являлась древнейшей в языке гомеровских поэм. К такому выводу пришел А. Мейе, обнаружив в лексике Гомера ряд совпадений с аркадско-кипрскими словами, не встречающимися больше нигде в прозаическом употреблении, и среди них οἶος 'единственный', αὐτάρ 'с другой стороны, однако', δέατο 'казался' и др.⁷⁸ Наблюдения А. Мейе были подкреплены исследованием С. М. Баура.⁷⁹ Вопрос о значении Аркадии и ее диалекта для истории греческого диалектного ареала стал вновь

⁷⁸ См.: Meillet A. Aperçu... , p. 183.

⁷⁹ См., например: Baur C. M. Homeric words in Arcadian inscriptions. — Classical Quarterly, 1926, v. 20, p. 168—176.

предметом пристального обсуждения в связи с дешифровкой крито-микенского письма. Изучение языка древнейших греческих текстов II тыс. до н. э. привело ученых к заключению, что аркадско-кипрский диалект являлся одним из важнейших компонентов «микенского». ⁸⁰ Это и неудивительно, если учесть, что аркадско-кипрский «является реликтом пелопоннесских языков микенской эпохи, сохранившимся в позднейшем дорийском окружении». ⁸¹ Таким образом, значение Аркадии и ее диалекта для истории древнегреческого литературного языка связано с ранним периодом его становления и нашло частичное отражение в поэтической традиции греческой литературы. Отсутствие данных не позволяет говорить о более или менее существенном влиянии этого региона на формирование литературного языка, хотя история сохранила память о ряде представителей аркадских городов, получивших признание благодаря своим творениям. Сюда относятся, в частности, жители города Тегеи: автор трагедий Аристарх (V в.), поэт Клонас, музыкант Эхемброт (VI в.) и др. Известна также богатая эпиграфическая традиция на аркадско-кипрском диалекте на протяжении нескольких столетий, свидетельствующая о наличии и распространении письменности в этой юго-западной области Греции. Аркадско-кипрский диалект, как и некоторые другие (элидский, намлилийский, ряд северо-западных), не получил, однако, литературной обработки.

Лесбос. Значение эолийского диалекта для формирования древнегреческого литературного языка оказалось намного большим, чем аркадского. Оно было связано с ролью, которую этот диалект сыграл в ранний период истории Греции, особенно в северо-восточной части материка и на прилегавшей к нему группе островов. Согласно генеалогическому мифу Эллии, родоначальник греческих племен передал своему старшему сыну Эолу власть над землями, находившимися в Фессалии и Беотии. ⁸² Следы эолийского диалекта были обнаружены в Пеласгиотиде под более поздними наслоениями, он сохранялся в течение веков в качестве господствовавшего диалекта на

⁸⁰ См. об этом: Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма Б, с. 182.

⁸¹ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 101.

⁸² *Strabo*, VIII, 7.1.

острове Лесбос, распространился частично на территории Малой Азии (г. Смирна), где был вскоре перекрыт ионийским диалектом. Эолийские элементы были найдены и в языке крито-микенских текстов. Это первоначальное состояние нашло косвенное отражение и в языке древнейших поэтических жанров — эпоса и хоровой лирики, эолийский составляет в них заметный компонент. В этом плане роль эолийского сравнима с ролью аркадского диалекта, поскольку они оба, хотя и в разной степени повлияли на язык зарождавшейся греческой литературы.

Значение эолийского диалекта этим, однако, не исчерпывается. Остров Лесбос, где он продолжал культивироваться и в историческое время, достиг в VII—VI вв. до н. э. относительно высокого общественного развития. В этих условиях здесь появилась местная лирическая поэзия на эолийском диалекте, впитавшая в себя традиции народного творчества предшествовавших поколений. Ее виднейшие представители — Алкей и Сапфо стали выразителями вошедшего в греческую литературу жанра сольной поэзии. Благодаря своему диалектному колориту, богатству языка и мастерству стиха лесбосская поэзия продолжает в течение нескольких столетий оставаться предметом подражания. В более позднее время Лесбос не внес уже сколько-нибудь ощутимого вклада в развитие литературного языка, хотя, как свидетельствуют надписи, местный диалект был на острове в употреблении вплоть до эпохи эллинизма.

Беотия. Роль Беотии в становлении древнегреческого литературного языка определяется прежде всего вкладом, внесенным в греческую литературу в VII—V вв. ее выдающимися представителями — Гесиодом из Аскры и Пиндаром из Фив. Хотя ни первый из них, ни второй не пользовались беотийским диалектом, они оба — Гесиод в жанре генеалогического и наставительного эпоса, Пиндар в области хоровой лирики — обогатили язык греческой литературы. Появление в Беотии столь одаренных поэтов объясняется и несомненным сохранением в этой области богатой поэтической традиции, восходящей к более древним временам.

Современница Пиндара, поэтесса Коринна из Танагры, успешно с ним, как гласит предание, соперничавшая, является еще одним представителем литературы в Беотии. В отличие от Гесиода и Пиндара, в языке которых редко встречаются беотизмы, Коринна пользуется несколько

свободнее местным диалектом, однако в целом ее язык напоминает общегреческий поэтический узус.⁸³ Обнаруженные в начале XX в. папирусные отрывки стихов Коринны, а также упоминание о другой поэтессе, Миртис из Антедона, позволяют нам причислить беотийский к диалектам, имевшим свою литературу. Удельный вес ее был, однако, невелик, и она потеряла свое значение в эпоху распада античной культуры. Тем не менее беотийский диалект в течение ряда столетий являлся письменным, на нем составлено значительное число надписей, и он служил средством общения для населения Беотии.

Спарта. Вторжение дорийцев в Пелопоннес и установление их господства на большей части полуострова приводят к образованию многих дорийских опорных центров, среди которых в VIII—VII вв. до н. э. на первое место выдвигается Спарта. Сознвая свое отставание в области культуры от покоренного и окружавшего их населения, спартанцы в VII—VI вв. охотно приглашали к себе знаменитых поэтов и музыкантов. Это были в основном представители греческой элегической и хоровой лирики, нашедшей в дорийской среде особо благоприятную почву. Тиртей, согласно преданию, был афинянин, Талетас прибыл из Крита, Алкман — из Малой Азии. Организатором музыки считали в Спарте уроженца о. Лесбос Терпандра. Характерная особенность их творчества состояла в том, что песни, во всяком случае на первых порах, писались не на дорийском диалекте. Элегии Тиртея, например, составлялись на ионийском, что некоторые авторы склонны объяснять присутствием ионийцев в Спарте.⁸⁴ Не ясно, на каком диалекте писал Терпандр, его песни долго пользовались признанием у спартанцев. Влияние дорийского диалекта наиболее ощутимо у Алкмана, родоначальника хоровых песен на лаконской земле. Однако, как мы стремились показать, в основе его языка, как и языка хоровой лирики в целом, лежит эолийско-протоионийская койне додорийской эпохи.⁸⁵ Тем не менее благодаря песням Алкмана дорийские диалектные элементы проникли в язык греческой хоровой лирики. Пе-

⁸³ См. по этому вопросу: *Maas P. Korinna*. — In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Stuttgart, 1922, Bd 22, S. 1395.

⁸⁴ См., например: *Mahlow G. Neue Wege durch die griechische Sprache und Dichtung*, S. 48.

⁸⁵ См.: *Античная балканистика*. М., 1975, 2, с. 3—4.

сенная традиция дорийского диалекта Спарты, как и другие виды ее литературного творчества, не нашла в более позднее время заметного отражения ни в греческой литературе, ни в литературном языке. Многочисленные надписи свидетельствуют, однако, что письменность на дорийском диалекте культивировалась спартамцами на протяжении нескольких столетий.

Южная Италия. Заселение греками южной Италии приводит к основанию на ее побережье в VIII—VII вв. до н. э. ряда колоний. В этом процессе принимали участие как ионийские города Малой Азии и островов, так и дорийские города Пелопоннеса. Выходцы из Халкиды дают начало городу Регию, колонисты из Теоса — городу Элее, Спарта — Таренту, а последний — Гераклею, ахейцы — Сибарису и Кротону.⁸⁶ Некоторые из них, как например Тарент, достигают значительного уровня развития и становятся важными центрами экономической и политической жизни. В VI—IV вв. Южная Италия вносит свой заметный вклад в греческую культуру. Философская школа Пифагора (VI—V вв.) была связана с г. Кротонем и представлена именами его учеников: Филолая, Алкмайона, Демокеда и других. В г. Элее нашел убежище знаменитый философ Ксенофан из Колофона. Здесь же была основана философская школа элеатов. Парменид (VI—V вв.) создает свой трактат «О природе», а его ученик Зенон формулирует известные тезисы в отрицание движения. С г. Регием связано поэтическое творчество Ивика (VI в.), деятельность историков: Гипписса, автора сицилийских и итальянских хроник (VI в.), и Ликаса (IV в.), посвятившего свой труд деяниям Александра Македонского, а также одного из ранних комментаторов гомеровских поэм Теагена (VI в.). Насколько удастся заключить на основании сохранившихся фрагментов, эти авторы пользовались в основном ионийским диалектом, иногда удается обнаружить у них отдельные дорийские элементы.⁸⁷

С городом Тарентом связана деятельность знаменитого математика Архитаса (V—IV вв.), друга философа Пла-

⁸⁶ См. более подробно об этом: *Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948, p. 356.*

⁸⁷ Рассмотрению вопроса о положении греческих диалектов в древней Италии посвятил свою статью А. Бартошек, см.: *Bartholomae A. Greek Dialects of Ancient Appenine Peninsula. — In: Classica atque mediaevalia Jaroslao Ludvíkovský octogenario oblata Brno, 1975, s. 17—36.*

тона, и известного теоретика музыки Аристоксена (IV в.), ученика Аристотеля. Для истории греческой литературы представляют интерес и имена жителей Гераклеи: поэта Пикерата (IV в.) и Хамайлеона (III в.), автора биографических очерков о греческих поэтах. Имеющиеся в нашем распоряжении гераклейские и другие надписи свидетельствуют о распространенности в этом регионе дорийского диалекта, имевшего здесь и свои специфические особенности.

Южная Италия, как и ряд других областей древнегреческого мира, возможно, способствовала в какой-то мере становлению литературного языка, однако степень ее влияния трудно поддается определению.

Сицилия. Колонизация греками Сицилии в VIII в. до н. э. была осуществлена, с одной стороны, ионийцами из Халкиды, с другой — дорийцами из Коринфа. Первые заняли северо-восточную, вторые — восточную и юго-восточную части острова. Здесь в 733 г. до н. э. был основан город Сиракузы. Благодаря своему удобному расположению, росту экономического могущества, развитию земледелия, ремесла и торговли Сиракузы становятся в VI в. одним из самых больших центров Сицилии.⁸⁸ Действуя заодно с другими дорийскими городами — Гелой, Акрагантом, Леонтинами, Катаной, они установили свое влияние над значительной частью острова. Решающие победы, одержанные Сиракузами над карфагенянами (480 г.) и этрусками (474 г.), способствовали расцвету города, повышению его авторитета и престижа в западном регионе греческого мира. Громадные материальные ценности и масса рабов, захваченных в результате успешных войн, создали дополнительные стимулы для обогащения Сиракуз. Были воздвигнуты новые постройки и сооружения, выстроен арсенал, переоборудован порт, начато создание военного флота.⁸⁹ Сицилийские тираны V—IV вв. Гieron, а затем и Дионисий прилагают усилия к превращению города в центр греческой культуры. Они окружили себя видными философами и поэтами, устраивали пышные празднества. При дворе тиранов побывали в разное время такие представители греческой культуры, как Симонид, Пиндар, Вакхилид, Эсхил, Ксенофан, Платон и др. В Си-

⁸⁸ См. обстоятельное описание Сиракуз в кн.: *Dunbabin T. J. The Western Greek*, p. 48—64, 95—112.

⁸⁹ См. подробнее: *История Древней Греции*, с. 224.

ракузах появляется и своя литература. Ее основателем признается поэт Эпхарм (VI—V вв.), автор комедийных драм, и писавший прозой Софрон (V в.), родоначальник сицилийского литературного мима, ведущего свое начало от бытовых народных сценок. Среди последователей Эпхарма следует упомянуть его ученика Дейнолоха, сочинявшего произведения на мифологические темы, и Формиса, которого Аристотель считал наряду с Эпхармом создателем греческой комедии.⁹⁰ Известны имена и других сицилийских поэтов: уроженца Гимеры Стесихора (VII—VI вв.),⁹¹ одного из первых хоровых лириков, Каркина из Акраганта, автора трагедий, и его сына Ксенокла, нанесшего в 415 г. поражение Еврипиду.

Сицилийская философия представлена Эмпедоклом из Акраганта (V в.), автором двух стихотворных поэм «О природе» и «Очищение». При дворе сицилийских тиранов получают широкое распространение учения пифагорейцев, орфиков и элеатов. Значительных успехов достигла в Сиракузах риторика. Ее основателями называют живших в V в. до н. э. Коракса и Тисия, определивших это искусство как «демиурга убеждения». Их учеником был прославленный ритор из Леонтин Горгий (V—IV вв.), герой одноименного диалога Платона.⁹² Развивается и сицилийская историография. Современник Геродота Антиох и его последователь Филист, оба из Сиракуз, создали монографии об истории острова. Их труд продолжили в IV в. Атанис из Сиракуз и Тимай из Тавромения. Поэтические традиции сохранились и в последующие столетия. На это указывает творчество Феокрита из Сиракуз (III в.), основателя литературного жанра буколической поэзии, и его последователя Мосха (II в.), сочинителя эпиллий.⁹³ К III в. до н. э. относится и деятельность выдающегося математика древности Архимеда из Сиракуз, автора трудов по геометрии, механике, гидростатике и оптике.

Можно предположить, что первоначально каждая из основанных дорийцами сицилийских колоний пользова-

⁹⁰ Аристотель. Поэтика, 5.1449 с.

⁹¹ Обстоятельный анализ творчества Стесихора дан в статье: Чистякова Н. А. Древняя поэзия греческого Запада. — ВДП, 1980, № 4.

⁹² Высокая оценка деятельности Горгия дана Аристотелем в его «Риторике» см.: Античные риторика / Под редакцией А. А. Тахо-Годи. М., 1978, с. 128, 132, 139 и др. См. также диалог Платона «Горгий»: Платон. Соч. 1968, т. I, с. 255—365.

⁹³ Феокрит, Мосх, Бион / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1958.

лись диалектом города, которому она была обязана своим существованием. Со временем рост могущества Сиракуз и образование возглавляемого ими союза городов приводит к созданию на базе местного дорийского наречия некоего обобщенного наддиалектного образования, вобравшего в себя и ряд диалектных черт соседствующего с Сиракузами населения. Этот наднаречный тип становится в свою очередь основой возникшего на острове в VI—V вв. варианта греческого литературного языка. И. М. Тронский определяет его как «литературную койне» Сицилии.⁹⁴ В состав литературного языка входили, по-видимому, языки сицилийского жанра комедийной драмы и мима в прозаическом (Софрон) и поэтическом (Эпихарм) вариантах, а также жанра буколической поэзии (Феокрыт). Сюда же относились жанровые языки художественной прозы: риторической (Горгий), исторической (Антиох) и научной (Архимед). Деловая проза представлена надписями Сицилии, содержащими декреты и постановления, договоры и соглашения, документы государственного и частного характера.⁹⁵ Смутное представление имеем мы о таком компоненте литературного языка Сицилии, как разговорная речь грамотных слоев населения. Успехи сицилийской риторики, равно как и активность политической и духовной жизни, на острове могли бы свидетельствовать об относительно высоком ее уровне. Остаются также невыясненными распространенность письменности и образования, соотношение в дорийской зоне острова дорийского и ионийского диалектов. Известно, правда, что историк V в. до н. э. Антиох, дориец из Сиракуз, писал свои сочинения на ионийском диалекте.⁹⁶

Язык уже первых представителей сицилийской литературы в определенной мере отличался от народно-разговорной речи своей обработанностью. Как показывают дошедшие до нас отрывки произведений Эпихарма, его язык выделялся не только богатством словаря, но и определенной степенью художественности, мастерством стиха

⁹⁴ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 16.

⁹⁵ Образцы сицилийских надписей собраны у Э. Швицера: *Schwyzler E. Dialectorum Graecarum Exempla epigraphica potiora.* Leipzig, 1923.

⁹⁶ *Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur,* Bd I, 3, S., 700.

и стиля.⁹⁷ Аристотель считал возможным причислить к поэтическому и ритмизованный прозаический язык Софрона. Еще более высокого уровня художественной обработки достиг Феокрит в своих буколичках. Античная традиция отмечает определенное влияние, оказанное на развитие аттической комедии творчеством Эпихарма и Софрона. Указывается также, что Платон, побывав на Сицилии, привез оттуда и тщательно изучал произведения Софрона и выведенные им характеры.⁹⁸ Деятельность Горгия в Афинах способствовала развитию античной риторики и софистики.

Все вышесказанное дает основание думать, что на западной окраине греческого мира, и в частности на Сицилии, сложилась в VI—V вв. до н. э. еще одна разновидность греческого литературного языка. Она образовалась вслед за ионийской и развивалась почти одновременно с аттической. В основе сицилийской разновидности лежал дорийский диалект, базировавшийся первоначально на говоре города Сиракуз. Это, пожалуй, единственный случай в истории Греции, подтвержденный документально, когда дорийский диалект достигает столь высокого уровня развития и вносит свой ощутимый вклад в становление греческого литературного языка.⁹⁹ Судя по дошедшим до нас сведениям, ни Спарте, ни Таренту, ни основавшему Сиракузы Коринфу не удалось подняться так высоко. Вместе с тем представляется целесообразным определить сицилийскую разновидность греческого литературного языка как неосновную, поскольку, несмотря на ее роль и значение, эта разновидность не оказала решающего влияния на формирование литературного языка. Сицилийская разновидность развивалась несколько в стороне от той главной и определявшей линии образования древнегреческого литературного языка, которая в силу сложившихся в Древней Греции исторических условий была тесно связана прежде всего с центральным и восточным ареалом средиземноморского бассейна.

⁹⁷ См. подробнее об этом: *Sinko T. Literatura grecka*, I, I, s. 400—401.

⁹⁸ *Диоген Лаэртский*, III.18.

⁹⁹ Некоторые исследователи полагают, что дорийцы внесли значительный вклад в раннюю греческую культуру (ср.: *Hammond N. G. L. The classical Age of Greece*. London, 1975, p. 23—30).

Глава 3

СТРУКТУРА И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Древнегреческий литературный язык охватывал, как уже отмечалось, две основные разновидности: письменную и устную.

К письменной разновидности относились:

деловой язык;

язык художественной литературы;

философский язык;

язык исторической прозы;

публицистический язык;

язык научной, специальной и технической литературы.

Устная разновидность включала:

язык устных выступлений;

разговорную речь образованной части населения.

Попытаемся вкратце охарактеризовать каждое из перечисленных подразделений литературного языка.

Деловой язык охватывал широкую сферу хозяйственных, административных и государственных связей, внешних дипломатических актов, религиозных и культовых установлений, а также частично сферу личных отношений в среде грамотных граждан греческих полисов. Деловой язык представлен двумя видами источников: надписями и папирусами.

Надписи засвидетельствованы в настоящее время с XIV—XII вв. до н. э. Крито-микенские тексты, древнейшие хозяйственные записи на греческом языке, опережают более чем на пятьсот лет первые памятники древнегреческой художественной литературы. Они содержат главным образом сугубо прозаическую лексику, связанную с конкретным кругом предметов, явлений и отношений микенского мира. В языковом плане они отражают диалектную ситуацию южных областей Греции II тыс. до н. э.

Следующий этап развития древнегреческого делового языка засвидетельствован (после длительного перерыва)

в надписях раннего периода греческой истории (VIII—VI вв. до н. э.). Эти надписи обнаружены в различных областях Греции и представляют собой религиозные посвящения, тексты законов, межобщинные соглашения, списки должностных лиц и победителей спортивных состязаний. Число надписей значительно возрастает в последующие столетия, начиная с V—IV вв. до н. э. Они становятся и более разнообразными по содержанию, разбиваясь на несколько категорий: государственные, хозяйственные, храмовые, общественные и частные. Их количество давно уже превысило сто тысяч.¹ Если крито-микенские тексты отличаются единством языка, откуда бы они ни происходили (из Пилоса или Кносса, Микен или Фив), то надписи более позднего времени отражают в значительно большей мере местную или региональную языковые среды. Они составлялись не только на ионийском, аттическом, эолийском и дорийском, но и на менее распространенных греческих диалектах: аркадском, беотийском, фессалийском и т. д. Однако, как отмечают исследователи, следует иметь в виду, что это был не разговорно-бытовой язык той или иной области Греции, а письменный язык, базировавшийся на определенной наднаречной или наддиалектной норме.² Нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что степень «литературности» различных категорий надписей была неодинаковой и определялась как характером их содержания, так и уровнем грамотности составлявших их общественных и частных лиц. В то же время в надписях, в отличие от произведений художественной литературы, зачастую используются не совсем обычные лексические и фонетико-морфологические особенности локального масштаба.³

Второй источник наших сведений о древнегреческом деловом языке — *папирусы*. Их число в полтора-два раза превышает число греческих надписей. Основная масса папирусов стала нам известна на протяжении XIX—XX вв. н. э. Они были написаны главным образом в III в. до н. э.—V в. н. э. в условиях господства греков и македонян, а затем и римлян в эллинистическом Египте. Папирусы содержат материалы официального и частного

¹ История Древней Греции, с. 19.

² См.: Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur. Bd I, 1, S. 37.

³ Ср.: Schwyzler E. Griechische Grammatik, Bd I, 1, S. 100.

порядка. В них сохранены деловая переписка, извлечения из законов, налоговые установления, судебные дела, донесения, отчеты, договоры и жалобы жителей различных округов страны.⁴ В папирусах встречается и частная переписка родственников, детские письма, бытовые сообщения. Это единственный в своем роде материал, дошедший до нас из древности и напоминающий архивные материалы нового времени. Значительная часть папирусов содержит отрывки из произведений древнегреческих писателей. Папирусы, как и надписи, отражают не только исторические изменения греческого языка на протяжении нескольких столетий, но и различную степень его «литературности». Вместе с тем папирусы, как более удобный писчий материал, предоставляли возможность подробно излагать мысли и взгляды, служить многоцелевым средством общения. Это обстоятельство позволяет нам проследить эволюцию делового языка, становление его стилевых особенностей. Значительно более отчетливо прослеживается в папирусах и влияние народно-разговорного языка, степень образовательного уровня авторов, проникновение в литературный язык разговорных и иноземных элементов. Папирусы являются неоценимым источником для изучения взаимоотношений литературного языка и койне в эллинистический период.

Рассматривая древнегреческий деловой язык, мы вынуждены были, естественно, ограничиться его письменным аспектом и анализом материала, дошедшего до нас в сохранившихся источниках. Не следует, однако, забывать, что для населения Древней Греции он существовал и в устной форме, занимая значительное место в повседневной деятельности ее жителей. Это был язык сугубо прозаический, он обслуживал потребности греческого рабовладельческого общества, связанные главным образом с его экономической, социальной и общественно-политической жизнью.

Язык художественной литературы являлся одним из наиболее существенных подразделений древнегреческого литературного языка. Это определялось прежде всего той большой ролью, которую играла худо-

⁴ Подробное описание одного из таких египетских центров содержится в книге И. Ф. Фихмана «Оксиринх — город папирусов» (М., 1976); ср. также: *Griechische Papyri aus Ägypten als Zeugnisse des öffentlichen und privaten Lebens* / Ed. J. Hengstl, G. Häge, H. Kühnert. München, 1978.

жественная литература в культурной жизни древней Греции начиная с VII—VI вв. до н. э. Язык художественной литературы охватывал две основные разновидности: поэтическую и прозаическую. Рассмотрим сначала жанровые языки древнегреческой поэзии.

Самый ранний из них *эпический* (засвидетельствован с VIII—VII вв. до н. э.) считают обычно первым жанровым языком всей греческой литературы. Он восходит своими корнями к поэтическому языку микенской эпохи. Сложился на ахейско-долийско-протоионийской диалектной базе, продолжал развиваться на ионийском наддиалекте. Пользовался стихотворным размером дактилического гексаметра.

В пределах в целом единого эпического жанрового языка различаются своими отдельными фонетическими, лексическими и стилистическими особенностями языки героического, генеалогического и наставительного эпоса. Язык героического эпоса представлен в гомеровских поэмах «Илиаде» и «Одиссее». Он свидетельствует о высоком художественном мастерстве и искусном владении их автором выразительными средствами поэтической речи.⁵ В то же время остается для нас неясным, что в этом языке и стиле принадлежит многовековой традиции, а что является в них индивидуальным вкладом самого Гомера. Язык эпоса сохранился в качестве единого языкового типа на протяжении всей античности вплоть до Понна из Панополиса (V в. н. э.) и продолжал культивироваться в византийское время (Цец из Византии, XII в. н. э.).

Весьма близким к гомеровскому был язык генеалогического и наставительного эпоса, которым пользовался в VII в. до н. э. Гесиод из Беотии. Его основные произведения «Теогония» и «Работы и дни» указывают на то, что автор, придерживаясь в основном эпической традиции, стремился дальше ее развить и обогатить. При всем сходстве с Гомером (83% общей лексики), в языке Гесиода, как отмечают исследователи,⁶ проявляется склонность к сочинению собственных имен (не так-то легко было, по-видимому, собрать или изобрести имена для почти 50 Персид и 41 Океаниды, а к тому же — поместить их в гексаметр).

⁵ См.: *Taxo-Годи А. А.* Структура поэтических тропов в «Илиаде» Гомера. — В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 45—59.

⁶ См.: *Sinko T.* Literatura grecka, s. 215—216.

к совершенствованию стилистических средств, использованию звуковых эффектов и поэтических фигур.

Второй жанровый язык древнегреческой литературы (засвидетельствован с VII—VI вв. до н. э.) — *лирический*. Он охватывает два разных по своему характеру подразделения: хоровой и монодической лирики.

Язык хоровой лирики представлен поэтами, жившими в разных областях материковой Греции и ее периферии. Культовое назначение хоровых песен, их коллективное исполнение на всенародных празднествах, сочетание в них музыки, танца и песни указывают на архаичность самого жанра. Диалектную базу его языка составляет эолийско-протоионийский наддиалект, восходящий, как и эпический, к микенской или домикенской эпохе.⁷ Хотя имеются некоторые различия у таких хоровых лириков, как Стесихор, Алкман, Пиндар, Симонид и Вакхилид, в целом их язык может быть признан единым по своим основным фонетико-морфологическим моделям. Однако в языке хоровой лирики ощущаются уже в большей степени, чем в эпическом, индивидуальные особенности ее представителей. Они проявляются, с одной стороны, в многообразии используемых поэтами стихотворных размеров, с другой — в значительном обновлении лексических средств и стилистических приемов. Наиболее отчетливо эти тенденции улавливаются у виднейшего из хоровых лириков Пиндара (VI—V вв. до н. э.), чье поэтическое наследие превосходит по своему объему сохранившиеся произведения остальных авторов. Его язык насыщен сложными именами (свыше 800), в их числе около 270 нет у других писателей. Пиндар, как и остальные поэты, вводит впервые в литературный обиход значительное число ранее не употреблявшихся глаголов и существительных, расширяет и разнообразит семантические возможности встречавшихся до него слов, использует многие из них в переносном значении.

Язык монодической лирики включал в свою очередь три основных жанровых подразделения: элегической, ямбической и мелической поэзии. Первые два базировались на ионийском, третьи — на эолийском диалекте.

⁷ См. подробнее об этом: *Гринбаум Н. С.* 1) О диалектной основе языка древнегреческой хоровой лирики. — ВЯ, 1977, № 1, с. 56—61. 2) Диалектная база языка Пиндара. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 266—274.

Язык элегической (и эпиграмматической⁸) поэзии тесно примыкал к эпическому. Жанр элегии пользовался стихотворным размером, получившим название элегического двуступиция и состоящим из сочетания дактилического гексаметра с пентаметром. Элегия культивировалась в Ионии (здесь ее представляли Архилох, Каллин, Мимнерм), в Аттике (Солон), Спарте (Тиртей), Мегаре (Феогнид) и других областях. Она служила поэтам средством борьбы и изложения социальной позиции, политических взглядов и нравственных убеждений. В ее языке находила отражение порожденная жизнью новая общественная лексика и проявлялись, в определенной мере, местные диалектные особенности (например, у Солона).

Язык ямбической песни выделялся не только своей резко выраженной социально-политической и субъективной направленностью, но и необычной для ранней античной литературы вольностью лексики. Особенно показателен в этом отношении язык ионийского поэта Гиппонакта (VI в. до н. э.). В нем в еще большей степени, чем у Архилоха, предшественника Гиппонакта, встречаются явные вульгаризмы и иноязычные заимствования. Оба поэта пользуются близкими к разговорной речи ямбическим и трохаическим стихотворными размерами.

В языке лесбосской мелики, представленной Алкеем и Сапфо, нашли отражение политические события, имевшие место на острове Лесбос в VII—VI вв. до н. э., а также личные переживания каждого из поэтов. В песнях используются различные, в основном народные, стихотворные размеры. Язык Алкея и Сапфо отличается простотой, в нем мало сложных эпитетов, лексика состоит в основном из общеупотребительных греческих слов.⁹

Третий жанровый древнегреческий поэтический язык (засвидетельствован с VI—V вв. до н. э.) — *драматический*. Он охватывает два подразделения: трагедийное и комедийное.

Язык древнегреческой трагедии сформировался в Аттике. Виднейшие представители жанра, опираясь на древнюю культовую и фольклорную традицию, совершенствовали его многообразные выразительные средства. Язык Эсхила отличается, особенно в хоровых ^хпартиях,

⁸ См.: Чистякова Н. А. ^хГреческая эпиграмма VIII—III вв. до н. э., 1983.

⁹ Ср.: Meillet A. *Ареґу*. . . , p. 206.

нафосом, смелостью образов и торжественностью, соответствующим его высокой трагедийной тематике. Поэтическая лексика включает свыше 1100 новых слов и в каждой из шести трагедий встречаются от 329 до 782 слов, не представленных в остальных пяти.¹⁰ Широкое употребление украшающих эпитетов и образных выражений, персонификация и метафора, богатый набор других стилистических приемов придают языку великого поэта неповторимое своеобразие.¹¹ В языке Софокла нашла в большей мере отражение речь образованной части аттического и ионийского общества. Поэт ввел в литературный обиход около 1300 новых слов, свыше 400 из них встречаются у позднейших авторов. В отличие от эсхиловых, неологизмы Софокла заимствованы им из обыденной жизни. Они характерны главным образом для диалогических партий, доля которых в общем контексте трагедий значительно увеличилась по сравнению с драмами Эсхила.¹² Еврипид продолжил процесс сближения языка трагедии, особенно в диалогах, с обиходной речью просвещенных кругов Аттики. Около 60% употребляемых им слов, в том числе 41% в хоровых партиях, встречаются в аттической художественной прозе. Из 1623 слов, появившихся впервые у Еврипида, 585 больше не представлены в литературе. Поэт охотно пользуется риторическими фигурами и стилистическими украшениями. Еврипида признают основоположником драматической койне последующего времени.¹³

Жанровый язык греческой комедии включает, со своей стороны, два подразделения: сицилийское и аттическое.

Первое из них связано с островом Сицилия и представлено языком Эпихарма (VI—V вв. до н. э.). В его произведениях, представлявших собой краткие сценки или сценические зрелища, запечатлены комические картины сицилийской действительности. Их герои говорят на более или менее литературно обработанном дорийском диалекте города Сиракузы. Эпихарм пользовался ямбическими

¹⁰ См.: Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur, S. 290.

¹¹ Интересные наблюдения о языке и стиле поэта содержатся в кн.: Ярхо В. Эсхил. М., 1958.

¹² См.: Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur, I, 2, S. 458—488.

¹³ См.: Ibid., Bd I, 3, S. 792—812.

трохаческим стихом. Его драмы, по мнению древних, оказали некоторое влияние на становление аттической драматургии.¹⁴

Аттическая комедия в лице своего виднейшего представителя Аристофана пользуется языком, который в фонетико-морфологическом, синтаксическом и фразеологическом плане напоминает повседневный язык образованной публики Афин V в. до н. э.¹⁵ Вместе с тем у Аристофана встречаются использованные зачастую для комического эффекта эпические, лирические и трагедийные языковые элементы, инодиалектные и разговорные слова и выражения, равно как и собственные, нередко гротескные словообразования. В дальнейшем комедийный язык теряет свою контрастность и в творчестве представителя новой комедии Менандра (IV—III вв. до н. э.) становится более изысканным, отражая — особенно в области лексики — происшедшие в греческом обществе изменения. У Менандра встречается около 400 слов, ранее не употреблявшихся в Афинах. Язык поэта некоторые считают образцом чистейшей аттической речи.

Последний поэтический жанровый язык — язык *буколической поэзии* — засвидетельствован с IV—III вв. до н. э. и сложился в эллинистический период. Он связан с творчеством Феокрита и его последователей — Мосха и Биона. Свою юность Феокрит провел на Сицилии, и в своих идиллиях он пользуется литературно обработанным дорийским диалектом родного города — Сиракуз. Стихотворный размер эпической поэзии получает у Феокрита дальнейшее развитие: благодаря дополнительной, так называемой *буколической* цезуре (пауза после четвертой стопы) гексаметр стал более удобным для чтения.¹⁶

Одной из особенностей древнегреческой художественной литературы являлось относительно ограниченное (по сравнению с поэзией) число собственно художественных *прозаических жанров* и соответствующих им прозаических языков.

К ним относился прежде всего язык новеллы, повестовательного жанра, зародившегося в VI в. до н. э.

¹⁴ Ср.: Meillet A. Aperçu..., p. 226.

¹⁵ См.: Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur, Bd I, 4, S. 425—426.

¹⁶ См.: История греческой литературы / Под ред. С. Н. Соболевского, М. Е. Грабарь—Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1960, т. III, с. 117.

в Ионии и рассказывавшего о царях, политических деятелях, поэтах и философах Древней Греции. Новеллы писались на ионийском диалекте и нередко украшались различными мудрыми изречениями (так называемыми гномами).

Язык другого прозаического жанра — басенного был также связан с Ионией VI в. до н. э. и с именем составителя басен Эзопа. «Эзоповы басни» представляли сборник рассказов, преимущественно о животных. В них применялся, как и в новеллах, ионийский диалект, но от последних басни отличались непритязательностью стиля, лаконичностью изложения и простотой лексики.

В Сицилии на основе фольклорной драмы развился еще один прозаический жанр, получивший наименование «мима». В нем изображались драматические сценки из жизни простых людей. Видный представитель этого жанра Софрон из Сиракуз (V в. до н. э.) составлял свои мимы на местном дорийском диалекте, близком к живой народной речи.

В эпоху эллинизма возродилась и нашла широкое распространение греческая новелла. Она приобрела и новые грани: комическая, любовная новелла (Аристид из Милета, II в. до н. э.). Написанные на литературной койне, эллинистические новеллы включали в свой язык много элементов разговорного и обиходного словаря.

Эллинизм принес новый вид повествовательной прозы — псевдопутешествие. Его представители Эвгемер и Ямбул рассказали в своих произведениях об утопических странах, где в идеальных условиях живут и трудятся люди. Язык этих сочинений — та же эллинистическая койне, но он рассчитан на образованного читателя и далек от разговорной речи.

Близок к нему и язык последнего прозаического жанра греческой литературы, возникшего в первые века новой эры, — так называемого романа. Представители любовного романа Харитон (I—II в. н. э.), Лонг (II—III в., автор романа «Дафнис и Хлоя») и Гелиодор (III в.) тяготеют к приподнятому стилю поэзии.¹⁷

Говоря о жанровых языках греческой художественной литературы, необходимо отметить наряду с преобладаю-

¹⁷ Ср.: Полякова С. В. К вопросу о стилевых особенностях греческого романа. — В кн.: Язык и стиль античных писателей. М., 1966, с. 155—162.

щей линией их параллельного и самостоятельного развития тенденцию к использованию уже накопленного опыта, его заимствованию и обогащению, столь ярко проявляющую себя в нередком обращении более поздних поэтов к языку своих знаменитых предшественников. Вместе с тем следует обратить внимание и на случаи преемственности в истории языков отдельных литературных жанров. Известно, например, что некоторые языковые элементы трагедий Еврипида были унаследованы новой аттической комедией, александрийского эпоса — зародившимся романом, а философского диалога — так называемой диатрибой.¹⁸

Ф и л о с о ф с к и й язык на первом этапе своего становления (VII—V вв. до н. э.) был связан с ионийским диалектом и испытал определенное влияние эпического языка. В Ионии появилась первая прозаическая книга на религиозно-мифологическую тему «Учение о богах» Ферекида из Сиропа (VI в. до н. э.). В Ионии действовали и первые философы: Фалес из Милета (VII—VI вв.) и его ученик Анаксимандр, Анаксимен и Гераклит, один из основоположников диалектики. С югом Италии была связана деятельность философа Пифагора (VI в.), однако ни один из его произведений не сохранился. Хотя сам Пифагор был по происхождению ионийцем, ряд его последователей излагал свои философские теории на южноиталийском дорийском диалекте. Созданная также в Южной Италии школа «элеатов» первоначально избрала для изложения своих взглядов стихотворную форму: Ксенофан, Парменид и Эмпедокл (VI—V вв.) пользуются гексаметром и элегическим двуступишем. В дальнейшем философские трактаты стали излагаться прозой, однако еще долго ощущалось в них влияние поэтического языка. Прозаические сочинения Демокрита из Абдеры (V—IV вв.) были написаны, как полагают, на ионийском диалекте.¹⁹ Философ обогатил греческий литературный язык многими существительными с исходом на *-ίη* и *-ούνη*, новыми абстрактными терминами и сложными именами.

Второй этап развития философского языка (V—IV вв.) связан с Афинами и аттическим диалектом. Появилась

¹⁸ См.: Sinko T. *Literatura grecka*, s. 15.

¹⁹ См.: Мусько С. Д. Проблематика языка Демокрита. — В кн.: Проблемы классической филологии. Кишинев, 1972, с. 95.

и новая литературная форма изложения мыслителем своего учения: им стал философский прозаический диалог. Его создателями были Платон и Ксенофонт (V—IV вв. до н. э.).

Язык Платона отразил в целом речь образованных слоев афинского общества его времени и практику официальных документов. В нем сохранилось характерное и для надписей употребление форм двойственного числа. Лексика Платона свидетельствует о его хорошем знакомстве с эпической и драматической поэзией, в ней широко представлены новые философские термины. Платон сумел избежать ощутимого ионийского влияния и считается одним из создателей аттической литературной прозы. Характерной особенностью его языка было частое употребление частиц, дающих возможность выделять и выражать различные оттенки и тонкости философских рассуждений.²⁰

Ксенофонт был уже, как полагают, ближе к начинавшей складываться эллинистической койне. Его язык обнаруживает некоторое влияние афинской обиходной речи.²¹

К концу аттического периода и началу эллинизма относится творчество Аристотеля (IV в. до н. э.). В его язык, представлявший собой в целом аттическую литературную прозу, проникли и отдельные элементы койне. Энциклопедическая одаренность и многосторонние научные интересы Аристотеля способствовали использованию им большого числа новых слов, относившихся к самым разным областям человеческих знаний и значительно обогативших литературную лексику древнегреческого языка.

Третий, эллинистический этап становления греческого философского языка (IV в. до н. э. — V в. н. э.) оказался наиболее продолжительным и не был связан с каким-то определенным центром или областью Греции. Философы этого времени пользовались в своих трудах кто более, кто менее чистой наддиалектной койне. На рубеже IV—III вв. до н. э. возникли материалистическая философская система Эпикура, колеблющаяся между материализмом и идеализмом система стоиков и учение ярых противников религии — скептиков. Они способствовали дальнейшей

²⁰ Глубокий анализ эстетической терминологии Платона см. в кн.: Лосев А. История античной эстетики. М., 1969, т. II; 1974, т. III.

²¹ Ср.: Meillet A. *Aperçu*. . . , p. 241—242.

разработке греческой этической и эстетической терминологии. В популярной в низовых слоях греческого общества философской школе киников был создан еще один литературный жанр — *диатрибы*, беседы на моральные темы.²² Ее язык был близок к разговорной речи, но не избегал применения риторических приемов. Жанр диатрибы лег со временем в основу христианской проповеди.

Римский период развития греческого философского языка представлен наиболее ярко в моральных трактатах Плутарха (I—II вв. н. э.), с одной, сатирических диалогах и памфлетах Лукиана (II в. н. э.) — с другой стороны. Язык Плутарха испытал на себе некоторое влияние аттицизма, однако продолжил в целом тенденции литературной прозы эллинизма. В лексике заметное место занимает этическая и религиозная терминология. Плутарх охотно пользуется сравнениями, метафорами, пословицами и сентенциями, его стиль характеризует наличие большого количества прозаических и поэтических цитат.²³

Лукиан, несмотря на критическое отношение к аттицизму, придерживался в основном традиционного языка греческой философской прозы. Вместе с тем Лукиан использовал более свободно, особенно в памфлетах, отдельные элементы разговорной речи. Греческая риторическая, философская, религиозная и бытовая лексика широко отражена в его произведениях.

Язык греческой исторической прозы сформировался в VI в. до н. э. в Ионии на базе местных хроник и родословных, с одной, описаний чужих земель и народов — с другой стороны. Наиболее полно и основательно он представлен в знаменитом труде Геродота (V в. до н. э.) «История». Последняя написана на ионийском литературном наддиалекте, сложившемся на побережье Малой Азии в VII—VI вв. на базе местных греческих говоров. Язык Геродота несколько архаизован, в нем встречаются явления, характерные также для Гомера и не представленные в ионийских надписях (нестиженные формы, частотные формы на *-σχοι* и др.). Геродот ввел в канву повествования басенный и новеллистический материал, пользовался нередко стилем фольклорных рассказов.

²² См. подробнее об этом: *Нагов И. М.* Книжечная литература. М., 1981.

²³ История греческой литературы, т. III, с. 185—186.

Свое продолжение язык исторической прозы получил на аттической почве в трудах прежде всего Фукидида (V в. до н. э.) и упоминавшегося выше Ксенофонта. Фукидид писал на аттическом диалекте, хотя и воздал определенную дань понтийскому диалекту своего знаменитого предшественника. В языке Фукидида встречаются некоторые староаттические элементы (предлог $\xi\upsilon\nu$, наречие $\alpha\acute{\iota}\epsilon\acute{\iota}$ и т. д.), глагольные формы на $-\alpha\tau\alpha\iota$ / $-\alpha\tau\omicron$, подчинительные союзы $\mu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\tau\iota$ и $\acute{\omicron}\pi\omega\varsigma$, многие абстрактные имена на $-\mu\alpha$ и $-\epsilon\iota\varsigma$ и др. Его стиль отличается значительным разнообразием приемов повествования: экскурсами, рассуждениями, речами исторических деятелей и др. Фукидид охотно пользуется субстантивизированными прилагательными, образует новые абстрактные имена, отдает предпочтение сложным глаголам и т. д.

Язык исторических произведений Ксенофонта в своих основных чертах продолжил традиции Геродота и Фукидида. Ксенофонт ввел в греческий литературный язык большое количество новых терминов, относящихся к государственной, политической, экономической и особенно военной области. Хотя его стиль испытал на себе некоторое влияние риторического искусства, Ксенофонт был признан в древности одним из наиболее непритязательных и легких для понимания писателей. Он обогатил греческую историографию новым элементом — литературным портретом, т. е. индивидуальной характеристикой исторических деятелей.²⁴

Из историков эллинистической эпохи заслуживает упоминания Полибий (II в. до н. э.). Его считают одним из наиболее ярких представителей литературной койне. В труде Полибия «История» широко отражены изменения, происшедшие в греческом языке на протяжении IV—II вв. до н. э., в нем много лексических новообразований. Стиль Полибия не вызывал восхищения в древности, его считали тяжеловатым и однообразным. Это объяснялось отчасти тем, что Полибий писал просто и без украшений, стремясь лишь изложить известный ему фактический материал.

Историческая проза эпохи римского владычества представлена именами: Иосифа Флавия (I в. н. э.), автора «Иудейской войны»; Флавия Арриана (II в.), написавшего «Поход Александра»; Аппиана (II в.) и Диона Кассия

²⁴ См.: Тронский И. М. История античной литературы, с. 172.

(II—III вв.), создателей «Римской истории»; Геродиана (II—III вв.), автора «Истории царствования после Марка Аврелия». Все эти историки пользовались в своих сочинениях греческой литературной койне. Иосиф Флавий питал особое пристрастие к длинным речам, стиль Арриана отличался ясностью и простотой, в языке Аппиана попадаются даже латинизмы, Дион — убежденный аттиксист.²⁵

Язык древнегреческой публицистики складывался в Греции на протяжении длительного времени. Первое представление о нем дают нам поэмы Гомера. Речи его героев были одним из важных средств характеристики, а техника их построения отличалась довольно высоким уровнем. Практика публичных выступлений отразилась в дальнейшем у греческих поэтов и прозаиков в приеме вставлять в повествование речи государственных и общественных деятелей. В V в. до н. э. возникли первые греческие центры красноречия на Сицилии и в Аттике. Особенно значительных успехов достигло ораторское искусство в Афинах. Оно развивалось здесь на базе аттического диалекта и стало одной из составных частей греческой духовной культуры. В рамках языка формирующейся публицистики выделялись стили: политической речи перед демосом (такими речами прославились прежде всего вожди афинской демократии V в. Фемистокл и Перикл), судебной речи и эпидиктической (т. е. торжественной) речи на публичных собраниях.

Благодаря деятельности философской школы софистов красноречие стало в V—IV вв. до н. э. самостоятельным литературным жанром. Видную роль в выработке ораторского стиля сыграл сицилийский софист Горгий. Он писал по-аттически и умело использовал в своих выступлениях различные словесные украшения и так называемые «горгиевы» фигуры. Современник Горгия Фрасимах придавал большое значение ритмизации и звучности ораторской речи.

В отличие от «торжественного» судебного красноречия не увлекалось эффектами стиля. Афинский судебный оратор Лисий (V—IV вв.), выступавший в судах в качестве профессионального логографа (т. е. сочинителя защитительных речей), стремился главным образом убедить судей в правоте своих клиентов. Он добивался этого также благодаря простоте и четкости стиля, соответствовавшего

²⁵ Ср.: История греческой литературы, т. III, с. 200.

по мере возможностей социальному и культурному уровню его подопечных.

Новый вклад в теорию и практику красноречия внес Исократ, основатель риторической школы в Афинах (390 г. до н. э.). Продолжая традицию Горгия, он пользовался в своих речах украшавшими стиль фигурами и ввел в художественную прозу ритмизованный период с ритмической концовкой, противопоставив таким образом прозаическое изложение поэтическому.²⁶

Величайшим политическим оратором IV в. до н. э. древние считали Демосфена, страстно выступавшего в защиту независимости Афин и их политического устройства. Язык Демосфена признавался в определенной мере образцом литературной аттической речи конца классического периода. Оратор редко употреблял архаизмы, не увлекался поэтическими словами, охотно вводил в свою речь по примеру Фукидида субстантивизированные прилагательные и инфинитивы с артиклем.²⁷ Демосфен пользовался сжатым и насыщенным стилем, применяя широкий диапазон риторических приемов, который в соединении с убежденностью и пафосом борца производил сильное впечатление на слушателей. Он был последним представителем аттического красноречия периода греческой независимости. Современник Демосфена оратор Гиперид более свободно пользовался в своих политических речах элементами разговорной речи и не увлекался риторическими фигурами. В языковом плане Гиперид является предвестником эллинистической койне.

В эпоху эллинизма красноречие, особенно политическое, утратило былое значение. Продолжало культивироваться главным образом эпидиктическое красноречие, увлекавшееся формальными эффектами. Оно получило наибольшее распространение в Малой Азии и было названо азианским. Речи составлялись ораторами на литературной койне с большим или меньшим уклоном в сторону аттизма. Этот язык сохраняется греческим красноречьем и в период римского владычества в речах знаменитых представителей жанра: Диона Хрисостома (I в. н. э.) и Герода Аттика (II в.), Элия Аристиды (II в.) и Гермогена из Тарса (II—III вв.). После некоторого застоя красноречие вступило в IV в. в новый период своего развития:

²⁶ См.: *Тронский И. М.* История античной литературы, с. 177.

²⁷ Ср.: *История греческой литературы*, т. II, с. 286—289.

оно было использовано в борьбе язычества и христианства. С языческой стороны выступали Либаний, Фемистий и Гимерий, с христианской — Афанасий Александрийский, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст. Их речи в ряде случаев представляют собой попытку восстановления «добрых» традиций классической греческой прозы аттического времени. Однако влияние эллинистической койне и ее закономерностей проявлялось в них все более заметно, нередко вопреки пожеланиям и устремлениям самих авторов.

Язык научной, специальной и технической литературы охватывался первоначально языком древнегреческой художественной прозы и ее главных подразделений: историографии, философии и красноречия. Первые географические и этнографические описания в прозе содержатся у ионийских историков (Гекатей из Милета, VI в. до н. э., затем Геродот). Математические и астрономические сведения нередко встречаются в учениях ранних ионийских философов. Одним из первых представителей специально научной литературы был знаменитый врач V в. до н. э. Гиппократ из Коса. Его медицинские трактаты, известные как «гиппократовский корпус», были написаны на ионийском литературном диалекте и испытали влияние ионийской философской прозы. Вместе с тем они уже выделялись своим особым, отличным от стиля ионийской художественной прозы литературным стилем: он отличался точностью, простотой и непритязательностью.²⁸ Ионийский диалект и впоследствии применялся в медицинских сочинениях, в том числе и за пределами Ионии (Алкмаион и Демокед из италийского Кротона и др.). О научных трактатах на аттическом диалекте у нас имеются лишь скудные сведения: упоминаются некие Эуктемон и Метоп, первый — автор географического, второй — астрологического сочинения (V в. до н. э.).

В эллинистический период получают развитие филологические исследования александрийских ученых III—II вв. Аристофана Византийского и Аристарха Самофракийского, а позднее Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э.) и Аполлония Дискола (II в. н. э.). Географическая наука была представлена трудами Эратосфена из Кирены (III—II в.), Страбона (I в. до н. э.) и Павсания (II в. н. э.). Их язык, особенно Павсания, был лишен риторически

²⁸ См.: Тронский И. М. История античной литературы, с. 107.

украшений и отражал литературную койне образованных слоев греческого общества.

Среди крупных александрийских математиков следует отметить Эвклида, автора «Элементов», и уроженца Сиракуз — знаменитого Архимеда (III в. до н. э.). В языке Архимеда, который определялся как литературная койне, заметны дорийские особенности родного диалекта. Виднейшими из астрономов были: Аристарх Самосский (III в. до н. э.), утверждавший, что земля вращается вокруг солнца, и Клавдий Птолемей (I в. н. э.), отстаивавший геоцентрическую систему мироздания.

Известны имена Филона Византийского и Герона Александрийского (II в. до н. э.), занимавшихся механикой, естествоиспытателей — Сотака, Судина и Зенофемида, различные авторы писали о сельском хозяйстве, фармакологии, косметике, кулинарии. К III в. до н. э. относится деятельность видных врачей Гиерокла и Герофила (анатомические исследования), Эрасистрата (кровообращение), ко II в. до н. э. — труды знаменитого Галена. Придерживаясь кто в большей, кто в меньшей степени норм эллинистической прозы, эти авторы ввели в литературный оборот целые пласты новой лексики, обогащая язык большим количеством специальных терминов по самым разнообразным областям античной науки и техники.

Выше нами были вкратце рассмотрены основные письменные разновидности древнегреческого литературного языка.

Что касается его устных разновидностей, то следует отметить, что они нам доступны лишь косвенно через призму античных письменных источников.²⁹ О широком их применении и важном значении в древнегреческих городах-государствах сомневаться не приходится. Устные выступления в узком кругу друзей или учеников, на народном собрании или в суде, перед воинами или гражданами были весьма существенным элементом общественной и государственной жизни древних греков. Они отличались, естественно, от второй устной разновидности литературного языка — разговорной речи образованной части греческого населения — некоторой приподнятостью, поскольку разговорная речь ближе примыкала к деловой и отчасти бытовой сферам общения. Вместе с тем, их объединяли определен-

²⁹ Э. Швицер обращает внимание на ценность в этом отношении таких литературных жанров, как: ямб, комедия и литературный диалог (см.: *Schwyzler E.*, *Op. cit.*, S. 99).

ная регламентация и нормированность, свойственные литературной речи, а также стремление избегать в лексике и построении фраз явно простонародных элементов.

Говоря об устных разновидностях литературного языка, необходимо вновь напомнить, что вплоть до V в. до н. э. в Древней Греции не было читающей публики и любое литературное произведение предназначалось главным образом для восприятия на слух. К тому же эти произведения были обращены за небольшим исключением целиком к мужской аудитории.³⁰

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что обозначения разновидностей литературного языка, такие как «деловой язык», «философский язык» и другие, используются нами чисто условно, поскольку в действительности каждая из этих разновидностей является лишь ответвлением или подразделением в рамках единого литературного языка и не является, само собой разумеется, каким-то отдельным, самостоятельным языком. Возможно, было бы более правильным обозначать их как-то иначе: «деловое подразделение» или «философское ответвление» литературного языка, или еще как-то по-другому.

Сделанный нами обзор дает основание для некоторых заключений. Каждое подразделение играло определенную роль в литературном языке, их значение в жизни древнегреческого общества не было одинаковым. Наиболее существенными были деловой язык и язык художественной литературы. Одни подразделения возникли на более ранней, другие на более поздней ступени развития литературного языка. К первым относятся тот же деловой и поэтический язык, ко вторым — остальные. Более поздние подразделения первоначально входили в состав ранних в качестве их органических компонентов. Выделение более поздних подразделений в самостоятельные определялось в первую очередь развитием общественно-экономических условий жизни греческих полисов. Появление эпического поэтического языка намного опередило возникновение языка художественной прозы в истории греческого литературного языка.³¹ Вместе с тем зарождение жанра литературной прозы стало отправным пунктом для становления

³⁰ См.: Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur, Bd I, S. 20.

³¹ А. Мейе отмечает, что только высокая цивилизация создает литературную прозу (см.: Meillet A. Aperçu..., p. 223).

таких подразделений литературного языка, как философский, научный, исторический и публицистический. Возникнув в различное время и в разных областях Греции, отдельные подразделения литературного языка оказались неоднородными в диалектном отношении: наиболее многодиалектным был язык художественной литературы, и прежде всего поэтический, почти монодиалектным — язык публицистики. Большинство подразделений литературного языка прошло несколько этапов развития, на каждом из которых менялась их диалектная база. Диалектный колорит является вместе с тем всего лишь одним из внешних признаков становления литературного языка. Немногие важны и другие особенности языка каждого из его подразделений, равно как и развитие последних во времени. Однако комплексное и детальное изучение подразделений древнегреческого литературного языка в историческом аспекте — пока задача будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование древнегреческого литературного языка произошло лишь на определенном уровне общественно-экономического развития Древней Греции.¹ Этот уровень был обеспечен возникновением рабовладельческого строя. С тех пор и до конца античности древнегреческий литературный язык успешно развивался в условиях рабовладельческой формации при разных типах государственного устройства: аристократическом и демократическом, монархическом и республиканском. Более благоприятными для его становления оказались при этом мирные периоды, связанные с экономическим процветанием городов-государств и с подъемом греческой общественной жизни.

Определенное влияние на развитие литературного языка оказали внешнеполитические факторы. Покорение персами ионийских городов к концу VI в. до н. э. лишило последние политической самостоятельности, что привело к ослаблению позиций ионийской разновидности литературного языка. Выдвижение на политическую арену Древней Греции в VI—V вв. Афин как главного организатора сопротивления персидской угрозе способствовало возникновению его следующей — аттической разновидности. После подчинения Аттики в IV в. македонскими правителями и покорения ими Ближнего Востока возникла последняя — эллинистическая его разновидность.

Существенной была в ряде случаев и роль внутриполитических факторов. Заслуживает внимания, в частности, языковая политика правящих кругов рабовладельческого общества, направленная на поощрение или, на-

¹ «Условия существования литературного языка и его стилестическая стратификация, — отмечает В. Н. Ярцева, — определяются уровнем развития общества, пользующегося данным языком» (см. в кн.: Типология германских литературных языков. М., 1970, с. 46).

оборот, сдерживание новых, выдвигавшихся жизнью тенденций. Поддержка ими архаистического течения, так называемого аттицизма (он достиг своей кульминационной точки во II в. н. э.), привела к углублению разрыва между письменным прозаическим языком и народно-разговорным, разрыва, не преодоленного греческим литературным языком вплоть до наших дней.

В периоды подъема греческой культуры наблюдается ускоренное развитие и отдельных подразделений древнегреческого литературного языка. В ионийский период возникли жанровые языки эпоса и лирики, развился деловой язык, началось складывание языка литературной прозы. В аттический период произошло образование новых жанровых языков литературы (трагедии и комедии), расширилась сфера делового языка (надписи), языка философии, истории и риторики. В эпоху эллинизма продолжалось развитие языка деловой прозы (надписи, папирусы), языка художественной литературы, науки, техники и религиозной прозы.

Некоторые особенности формирования литературного языка были связаны с географическими условиями Древней Греции. С одной стороны, сама материковая Греция была разделена горами на множество небольших и относительно самостоятельных районов, что затрудняло установление прочных и постоянных сношений между ними. С другой, значительная часть греков проживала в ее периферийных областях, зачастую значительно удаленных и отделенных морем одна от другой. Вследствие этого отдельные регионы Греции оставались в течение многих столетий вне активного языкотворческого и литературного процесса (северо-запад материка, часть Пелопоннеса и т. д.). Наиболее благоприятными в этом плане оказались прибрежные и равнинные полосы материка, Восточного и Западного Средиземноморья, как например Аттика, Иония, восточная Сицилия.

Характерной для греческой действительности особенностью литературного языка была и ярко выраженная его многодиалектность. Она была обусловлена активным участием различных диалектных групп в становлении литературного языка. Вместе с тем отчетливо прослеживается и устойчивая тенденция к постепенному ограничению числа входивших в его состав диалектных компонентов. Сначала, в ионийский период, выбывает из участвовавших в литературном процессе аркадско-кипрская диалектная

группа, ее следы заметны еще в гомеровских поэмах. Затем в аттический период идет на убыль эолийский диалект, сыгравший в предыдущие столетия существенную роль в формировании ряда жанровых языков греческой литературы. К концу эллинистического периода сходит со сцены и дорийский диалект. Последним его проявлением в литературе были сочинения поздних пифагорейцев. На исторической арене удержалась лишь аттико-ионийская диалектная группа. В результате этих процессов произошло заметное выравнивание диалектной базы прозаического языка древнегреческой художественной литературы и остальных подразделений литературного языка, для которых (если не считать диалектных надписей) ионийский и аттический диалекты были основными с момента их возникновения.

В развитии древнегреческого литературного языка можно выделить изменения, происходившие под влиянием внешних факторов.

Происходило непрерывное обновление лексики. В аттической разновидности литературного языка из почти 7000 проанализированных гомеровских слов оказалась представленной только половина. Из этой гомеровско-аттической половины до новогреческого дошла примерно 1000 слов.² Показателем серьезных сдвигов, происходивших в развитии греческой лексики эллинистического периода, может служить язык Нового Завета. В нем нередко слова литературного обихода заменяются народно-разговорными. Наречие *καλῶς* 'красиво' употреблено в значении *εὖ* 'хорошо'; глагол *ἀφιέναι* 'пускать' — в значении *ἐἶναι* 'позволять', *βρέχειν* 'мочить (дождем)' — в значении *ἔχειν* 'посылать дождь'; существительное *πρόβατον* 'мелкий скот' — в значении *οἶς* 'овца', *χοῖρος* 'молодая свинья' — в значении *ῥεῖς* 'кабан'. Глагол *τρώγειν* 'грызть' приобретает значение глагола *ἐσθίειν* 'есть', глагол *χορτάζειν* 'кормить' — значение *χορμαίνω* 'насыщать', глагол *ὑπάγειν* 'подвозить' — значение *παραβαίνειν* 'переходить' и т. д.³ Значительные изменения, особенно в эллинистическую эпоху, заметны в греческом словообразовании. Усилилось производство существительных с суффиксами: *-μός*, *-μα*, *-εῖα*, *-σύνη*, прилагательных на *-ιος*, *-ιχός*,

² См.: *Schwyzler E. Op. cit.*, S. 40.

³ См. об этом: *Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the New Testament and other early christian literature.* Chicago; London, 1975, p. 69.

υός. Появились многие уменьшительные имена, особенно на -ιον, -άριον. Были введены в употребление новые глаголы на -εῖν, -ίζεῖν, -εύεῖν. Усилилась тенденция к замене простых глаголов более экспрессивными сложными.

Имел место отбор лексико-грамматических и диалектных вариантов.

Греческое числительное «четыре» было представлено дорийским τέτορες, эолийским πίσυρες, беотийским πέτταρες, аттическим τέτταρες и ионийским τέσσαρες (-сер-). Лишь последний вариант остался в литературном употреблении к концу эллинизма. Окончание родительного падежа ед. ч. о-основ было различным в разных диалектах: -οιο (крито-микенский), -οι (фессалийский), -ω (дорийский, эолийский) и -ου (ионийско-аттический). Постепенно все они вышли из употребления, кроме ионийско-аттического -ου.⁴ Третье лицо мн. ч. настоящего времени оканчивалось в древнегреческом на -οντι (дорийский), -ονσι (аркадский), -οισι (эолийский) и -ουσι (ионийско-аттический). Окончание -ουσι вытеснило все остальные и стало общеупотребительным к концу античности в литературном языке.

Стало ощутимо влияние других языков.

Как уже отмечалось, наиболее существенное, хотя и ограниченное влияние оказал на греческий латинский язык. Были переведены на греческий язык отдельные латинские слова и обороты: ἑκατόναρχος 'сотник, центурион', σφαῖρα 'шар', 'отряд', σεβαστός 'чтимый, август'; συμβούλιον λαμβάνειν (= лат. consilium capere) 'принять решение', ἐργασίαν δίδοναι (= лат. operam dare) 'приложить усилие', τὸ ἱκανὸν δίδοναι (= лат. satis facere) 'удовлетворить' и т. д.⁵ В переводных документах появляются некоторые латинские фразеологизмы: γράμμεν φ παρῆσαν (= лат. scribendo adfuerunt) 'при подписании присутствовали', ἐμοῖς αἰσίοις οἰωνοῖς (= лат. meis auspiciis) 'при благоприятствующих мне предзнаменованиях' и т. д.

Другие изменения были вызваны внутренними закономерностями образования древнегреческого литературного языка.

Во-первых, действием нормализационного процесса. Расширяется использование суффикса -х- в аористе атематических глаголов: в парадигме ἔδηχα, ἔδηχας, ἔδηχε появ-

⁴ См., в частности: *Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit.* Berlin; Leipzig, 1938, Bd I, S. 74.

⁵ См. более подробно: *Debrunner A., Scherer A. A Greek grammar of the New Testament and other early christian literature,* p. 84.

ляются во мн. ч. вместо ἔθεμεν, ἔθετε, ἔθεσαν новые формы — ἐθήκαμεν, ἐθήκατε, ἔθηκαν. Глаголы класса -μι проявляют тенденцию к переходу в категорию тематических глаголов на -ω; вместо δείκνυμι, например, появляется в эллинистическое время δείκνῳ, δείκνεις и т. д.⁶ Сокращается постепенно число именных и глагольных отклонений.

Во-вторых, тенденцией к упрощению парадигматических рядов. Выходит из употребления так называемое второе аттическое склонение. В эллинистический период имеет место устранение форм аттического будущего времени на -ιῶ от глаголов на -εῖν, -ᾶζειν и их замена обычными σ-формами. Происходит выравнивание именной флексии. Существительные и прилагательные III склонения все чаще пополняют состав имен I—II склонений.

В-третьих, сдвигом во временной, модальной и залоговой подсистемах. Окончание 3-го л. мн. ч. аориста = σαν распространяется на императив, имперфект и второй аорист. Рядом с формами ἔλιπον, ἔδον от глаголов λείπειν 'оставлять', δόειν 'погружать' образуются σ-аористы: ἔλειψα, ἔδουσα. Средний залог все чаще смешивается с пассивом. Исчезают так называемые отложительные глаголы. Развивается пассивный аорист на -θην: рядом с ἐγενόμην появляется ἐγενήθην.⁷ Опитатив, завоевавший сильные позиции в классическое время, теряет их в койне.

В-четвертых, синтаксическими изменениями. Происходит сокращение ряда союзов, вводящих придаточные предложения. Из пяти, например, целевых союзов, встречающихся у Гомера, сначала вышли из употребления ἕως и ὅφρα, затем ὥς и ὅπως. Если у Фукидида ὅπως употребляется 114 раз, а ἵνα — 52, то у Платона, чей язык ближе к общеходному, ἵνα представлено в 368, ὅπως — в 23 случаях.⁸ Расширяются функции инфинитива с артиклем. Только у эллинистических писателей и в папирусах встречаются предлоги πλὴν 'кроме', χάριν 'благодаря', χωρίς 'без' с артикулированным инфинитивом. В первые века новой эры сокращается образование и употребление отглагольных прилагательных на -τέος и -τός. Формы на -τέος становятся признаком литературности текста.⁹

⁶ См.: подробнее: Jannaris A. N. An historical Greek grammar. London, 1897, p. 198.

⁷ См.: Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the New Testament and other early christian literature, p. 25—42.

⁸ См.: Humbert J. Syntaxe grecque. Paris, 1954, p. 231.

⁹ См., в частности: Palm J. Über Sprache und Stil des Diodoros von Sizilien. Lund, 1955, S. 91.

В-пятых, семантическими процессами. Включение древнегреческого перфекта в систему спряжения произошло в результате семантического сдвига, вызванного возникновением, по мнению одних исследователей, его объективно-результативного значения, по мнению других, новой функции обозначения актуального прошедшего.¹⁰ Утрата перфектом первоначальной семантической и функциональной специфики привела в конечном итоге к его превращению в особого рода прошедшее время, мало чем отличавшееся от аориста. Имевшее место в древнегреческой залоговой подсистеме постепенное сокращение функций медиа и утрата им, в частности, косвенно-возвратной функции было тесным образом связано, как полагают, с усилением лексико-семантической дифференциации греческих залоговых форм. Семантические процессы, происходившие в отдельных группах греческих глаголов, привели к все усиливавшейся в литературном языке эллинизма тенденции к замене объектной связи предложной. Так, вместо родительного надежа стали чаще употребляться *κατά* или *περί* с винительным падежом, вместо простого дательного *ἐν* или *ἐπί* с дативом.

Внешние и внутренние факторы оказывали в разные периоды неодинаковое влияние на развитие древнегреческого литературного языка. Менялось значение отдельных факторов. Различными были продолжительность и степень их воздействия на литературный язык.

В результате покорения Греции и стран Востока в IV в. до н. э. Македонией возникла очередная — эллинистическая разновидность древнегреческого литературного языка и произошли определенные изменения в его структуре, в то время как завоевание Греции и других стран могущественным Римом два столетия спустя не только не привело к образованию новой его разновидности, но и не сказалось существенным образом на его основных параметрах. Двойственное число, составлявшее в аттический период один из характерных признаков литературного языка, теряет в период эллинизма свое бывшее значение. Описательные формы плюсквамперфекта и особенно будущего второго, равно как описательные причастные конструкции (типа *ἦν διδάσκων* 'я был учителем, я учил'), относительно

¹⁰ Такой точки зрения придерживается, в частности, И. А. Перельмутер (см.: *Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол*. Л., 1977, с. 204).

реже встречавшиеся в классическое время, стали, наоборот, более употребительными в эллинистической койне.¹¹

Соотношение внешних и внутренних факторов в развитии древнегреческого литературного языка несколько отличалось от их соотношения в истории народно-разговорного языка.

Влияние внешних факторов сказывалось на первом из них более непосредственно и более ощутимо. Благодаря этому, в частности, удастся относительно легко выделить основные этапы его развития, в то время как в отношении народно-разговорного древнегреческого языка исходя лишь из лингвистических критериев установить такую периодизацию весьма затруднительно. Неблагоприятные внешние факторы приостановили формирование древнегреческого литературного языка в конце микенского периода, в то время как территориальные греческие диалекты продолжали дальше развиваться. Выдвижение или упадок того или другого региона Древней Греции приводил каждый раз к изменению диалектной основы литературного языка, в то время как диалектная база народно-разговорного языка оставалась прежней, ее изменения происходили главным образом в результате миграционных и демографических процессов.

Для литературного языка была характерна некоторая приподнятость, проявлявшаяся в отборе языкового материала и в стремлении к выработке языковой нормы. Эта тенденция была свойственна всему литературному языку, однако она проявлялась в неодинаковой степени в его различных подразделениях. Регламентация языкового материала отличала прежде всего язык художественной литературы, особенно поэтический и в большей мере такие высокие его сферы, как эпос, хоровая лирика, лирические партии трагедии. Несколько меньше подлежал регламентации, например, язык деловой прозы, представленный надписями, однако и он отличался от народно-разговорного лексическим составом, и в частности неприятием простонародных слов, набором установившихся формул и грамматических конструкций. Следует также иметь в виду, что степень регламентации могла быть различной и в пределах одного и того же подразделения

¹¹ См. подробнее об этом: *Björck G. HN ΔΙΔΑΣΚΩΝ. Die periphrastischen Konstruktionen im Griechischen. Uppsala; Leipzig. 1940, S. 96.*

древнегреческого литературного языка. Примером этому может служить относящийся к деловой прозе язык папирусов, черты которого в одних случаях заметно приближались к народно-разговорной речи, в других существенно от нее удалялись.

Литературный язык с некоторым отставанием отражал новые тенденции народно-разговорного языка, проявляя определенный, не свойственный последнему консерватизм. Начиная с III в. до н. э. в разговорной речи ослабевает способность различать долгие и краткие гласные, смешиваются ϵ с η , o с ω . Однако язык художественной литературы продолжал строго соблюдать традиционную орфографию. Несмотря на то что двойственное число полностью вышло из разговорного обихода в III—II вв. до н. э. и, например, ни в папирусах, ни в Новом Завете уже не встречается,¹² писатели-аттицисты пытались искусственно возродить его в своих произведениях. В первые столетия новой эры в народно-разговорном языке происходило постепенное ограничение функций дательного падежа, сначала локативной, затем инструментальной.¹³ Литературный язык отражал эту тенденцию весьма сдержанно и с большим отставанием.

В отличие от народно-разговорного древнегреческий литературный язык существовал на всем протяжении своей истории лишь на наддиалектном уровне. Для древнегреческой языковой действительности характерно при этом не только то, что каждая из разновидностей литературного языка возникала на достигшей соответствующего относительно высокого развития наднаречной или наддиалектной основе, но что и все его подразделения создавались на диалектной основе, не совпадавшей с отдельным территориальным диалектом. Это относилось как к жанровым языкам художественной литературы, так и к деловому, философскому, историческому, научному и публицистическому подразделениям древнегреческого литературного языка.

Итак, совокупность внешних и внутренних факторов, их постоянное взаимодействие обеспечили образование и функционирование древнегреческого литературного языка.

¹² См. подробнее об этом: *Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri*, Bd I, S. 1; *Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the New Testament and other early christian literature*, p. 79.

¹³ Этот процесс подробно освещен в кн.: *Humbert J. La disparition du datif en grec*. Paris, 1930, p. 199.

Нельзя вместо с тем упускать из виду некоторых обстоятельств.

Хотя процесс внутренних преобразований происходил на протяжении всей истории древнегреческого литературного языка, он стал особенно интенсивным в эллинистический период. К этому времени относятся наиболее существенные изменения, охватившие все уровни его сложной структуры. Среди причин, приведших к такому положению, следует упомянуть наряду с ранее отмеченными и такие, как: значительное расширение в эпоху эллинизма диалектно-территориальной основы литературного языка; усилившееся влияние народно-разговорной речи на его развитие; приобщение к греческому языку начиная с IV—III вв. до н. э. негреческого населения в ряде стран Востока и Запада, и др.

Ни внешние, ни внутренние факторы не привели к разрушению исторически сложившихся именной и глагольной подсистем древнегреческого, в том числе литературного языка. Одна из основных причин этого явления заключалась в том, что имевшие в нем место флексийные преобразования внесли лишь незначительные изменения во флективную часть греческих слов, не нарушили их структурной целостности.¹⁴

В то время как изначально единый литературный латинский язык, пройдя свой исторический путь становления, прекратил с концом античности естественное развитие, а народно-разговорный латинский язык растворился в сформировавшихся на его основе разных романских языках, древнегреческий и литературный, и народно-разговорный язык, начав свой путь с диалектного многообразия, завершил его созданием единого и устойчивого образования, продолжавшего на протяжении многих столетий действовать в сложнейших условиях, с одной стороны, как средство общения, с другой, как средство сохранения великих культурных ценностей, созданных греческим народом.

Основное направление линии диалектного развития в раннегреческом обществе, отмечает И. М. Тронский, шло по пути дифференциации, все большего нагнетания диалектных различий.¹⁵ Вместе с тем изучение языковых

¹⁴ См. об этом: *Meillet A. Aperçu...*, p. 304.

¹⁵ *Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе*, с. 37.

отношений микенского периода позволяет сделать вывод, что и на раннем этапе развития Греции при благоприятных внешних условиях могли возникать конвергентные процессы более или менее широкого диапазона и различной продолжительности. Противоборство этих двух тенденций — дифференциации диалектов и их концентрации — становится с тех пор постоянной чертой греческих диалектных отношений. Возникновение и развитие древнегреческого литературного языка и его разновидностей было связано главным образом с преобладанием второй тенденции.

Микенский — первый обозримый период греческой истории, позволяющий предположить формирование наддиалектов: делового, в том числе документального, с одной, поэтического — с другой стороны. Эти наддиалекты образовались, насколько удастся установить, на базе трех древнейших диалектных групп: ахейской (включая аркадско-кипрскую), протоэолийской и протоионийской. Формирование древнегреческого литературного языка произошло на базе ионийского наддиалекта, возвысившегося в VIII—VII вв. до н. э. над многочисленными местными говорами греков на территории Малой Азии. Аттическая разновидность возникла на основе аттического диалекта, представлявшего собой наднаречное образование, сложившееся в Аттике в VII—VI вв. до н. э.¹⁶ Эллинистическая разновидность базировалась на последнем наддиалектном образовании Древней Греции — общем языке (койне), в основе которого лежали аттический и ионийский диалекты.

Три основные разновидности литературного языка отличались, таким образом, характером диалектной базы: ионийской в первом, аттической во втором и аттико-ионийской в третьем случае. При этом лишь аттическая разновидность была непосредственно связана с материковой Грецией, остальные образовались в основном за ее пределами, первая — на малоазийском побережье, третья — в восточном ареале средиземноморского бассейна.¹⁷

¹⁶ Это могла быть первоначально обобщенная наддиалектная норма, обслуживавшая более высокие сферы общения; ср.: Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, с. 9—10.

¹⁷ Привлекает в этой связи внимание сделанное А. Мейе наблюдение, что за исключением трагедии все остальные жанры греческой литературы были созданы в колониях с VII—V вв. до н. э. (см.: Meillet A. Op. cit., p. 143).

Разновидности различались и по длительности формирования. Первой потребовалось для этого около пяти столетий, второй оказалось достаточно трех, третьей — и того меньше.

Аттическая разновидность стала наиболее значимой для истории греческого литературного языка. Она впитала в себя за короткий срок лучшие черты предыдущей разновидности, развила их и обогатила. Пятый век до н. э. стал в Афинах временем наивысшей грамотности населения и его причастности к достижениям греческой культуры. Эллинистический этап литературного языка явился самым продолжительным, охватив период в 800—900 лет, т. е. столько же, сколько предшествовавшие ему разновидности вместе взятые.

Число общих языков в Греции было намного больше, чем представленных в литературном языке в качестве его диалектной базы. Во-первых, к ним относились общие языки, легшие в основу жанровых языков художественной литературы. Во-вторых, это были общие языки, сложившиеся в той или иной области Греции, не поднявшиеся выше уровня делового письменного языка (например, северо-западная, ахейско-этолийская и другие койне). В-третьих, к ним принадлежали общие языки местного значения, служившие средством общения внутри небольших районов и не получившие письменной фиксации. Итак, далеко не все общие языки вошли в сферу древнегреческого литературного языка и лишь немногие стали его основой. Этой роли удостоились те из них, которые обладали наибольшей степенью обобщенности на территории, где вследствие определенных исторических условий происходил значительный подъем экономической, политической и общественной жизни. В Древней Греции общими языками, ставшими базой основных разновидностей литературного языка, оказались наднаречные и наддиалектные образования городского (Аттика), регионального (Иония) и межрегионального (эллинизм) масштаба.

Рассматривая ход развития древнегреческого литературного языка, нельзя забывать, что, хотя формирование его основных разновидностей определялось регионами и диалектами, сыгравшими наиболее активную роль в историческом процессе, оно проходило не без участия остальных греческих областей и диалектов. Вклад последних в историю литературного языка был в целом несомненно менее существенным, однако и он должен учитываться

при воссоздании общей картины сложного языкового творчества на греческом ареале. В этом плане привлекают внимание: Аркадия и ее диалект; эолийский диалект и о. Лесбос; Беотия, Спарта и Южная Италия. Наибольший интерес представляет колонизованный греками в VIII в. до н. э. остров Сицилия. Здесь на базе местного дорийского наречия сложился в VI—V вв. сицилийский вариант литературного языка. Он поднялся до определенного уровня развития главным образом благодаря политическому и культурному расцвету города Сиракузы. Литературный язык Сицилии — еще одна, т. е. четвертая разновидность древнегреческого литературного языка.

Тенденция литературного языка к выравниванию диалектной базы за счет основного компонента не смогла полностью проявить себя вплоть до конца эллинистического периода, так как этому препятствовали, с одной стороны, многовековая поэтическая традиция, с другой — движение аттицистов. Древнегреческому литературному языку не удалось достичь диалектной однородности, хотя в качественном отношении оба его основных компонента — аттико-ионийская основа койне и аттическая основа художественной прозы — были весьма близки один к другому.

В то время как литературный язык переходил на протяжении своей истории от одной разновидности к другой, меняя каждый раз диалектную (точнее, наддиалектную) основу, язык художественной литературы, особенно язык поэтических жанров, выделялся своим консерватизмом, сохраняя в течение столетий первоначальный диалектный колорит.

Древнегреческий литературный язык представлял собой на всех этапах развития в основном один и тот же языковый тип, существовавший в устной и письменной форме. Он охватывал своим влиянием ряд сфер общения образованного и грамотного населения Древней Греции в раннем, развитом и шедшем на убыль рабовладельческом государстве.

Ионийская, аттическая и тем более сицилийская (дорийская) разновидности литературного языка имели лишь ограниченное и неодинаковое значение. Ионийская охватывала главным образом малоазийский ареал, аттическая — Аттику и близкие к ней районы материка, дорийская — Сицилию и Южную Италию. Хотя эллинистическая разновидность достигла наибольшего распространения

ния, проникая постепенно в большинство областей материковой Греции и стран Восточного Средиземноморья, прошло немало времени, пока она смогла обосноваться и на западной периферии греческого мира.

Развитие функциональных подразделений древнегреческого литературного языка сопровождалось расширением диапазона его стилевого разнообразия. Стилиевые особенности характерны прежде всего для языка художественной литературы. В поэзии они связаны с различием основных литературных жанров — эпического, лирического и драматического. При этом внутри лирического четко выделяются стили хоровой и сольной лирики, внутри драматического — стили трагедии и комедии. Литературные стили художественной прозы связаны со становлением философской мысли, исторического повествования, риторической практики и научных разысканий. Они более однообразны в диалектном плане. Стилиевые различия имеются и в деловом языке, обслуживавшем административные, политические, хозяйственные, культовые и другие запросы населения. Выделялись, в частности, стили законодательных актов, межгосударственных сношений, храмовых предписаний, деловых документов и частной переписки. В отличие от литературной художественной прозы, некоторые из них были ближе к народно-разговорной речи (например, частная переписка) и отражали многообразные виды деятельности администрации и местных органов власти в различных областях Греции. Примечательно, что уже первые надписи на греческом языке — крито-микенские тексты II тыс. до н. э. — дают нам представление о стиле документальной прозы,¹⁸ с которым мы встречаемся позднее в папирусных документах эллинистического периода.

Древнегреческий литературный язык был языком обработанным, обладал своими нормами и правилами. Эта обработанность и регламентация различались, естественно, в эпической поэме и в сольной песне. Стиль высокой поэзии существенно отличался в свою очередь от стиля делового соглашения. Регламентация проявлялась в фонетико-орфографическом оформлении, в морфологии и синтаксисе.

¹⁸ Документальный стиль крито-микенских текстов письменно засвидетельствован в Греции, отмечает И. М. Тронский, на несколько столетий раньше, чем эпический (см.: *Тронский И. М. Гомер*. — ВЯ 1971, № 5, с. 109).

Весьма важным был, конечно, лексический отбор. Вместе с диалектной характеристикой это был решающий показатель того или другого литературного стиля.

Общая тенденция развития литературного языка состояла как в стремлении к устранению диалектных различий, так и в обновлении его лексических ресурсов.

Античность не достигла и не могла достичь единства и всеобщности нормы литературного языка. Этому мешали не только большое социальное неравенство и глубокая пропасть между господствовавшим и угнетенным классами рабовладельческого государства, но и существенные противоречия внутри самого правящего класса, оказывавшего постоянное влияние на развитие культуры, литературы, искусства и образования, а следовательно, и на функционирование литературного языка в греческом обществе.

Попытаемся выделить общие и специфические черты древнегреческого литературного языка.

К его важнейшим общим чертам следует, по-видимому, отнести тесную связь с процессом исторического развития греческого общества, подъемом или спадом экономического, политического и культурного потенциала греческого государства; определяющее значение социально-политических условий для расширения или сужения его функциональных возможностей; существенную роль в создании основных ценностей древнегреческой культуры; преемственность в сохранении и приумножении языкового богатства, созданного на протяжении многих веков греческим народом; наличие развитой письменности, равно как и письменного и устного вариантов литературного языка; обработанность и нормированность языкового материала; наддиалектный или наднаречный характер языковой базы; известную степень поливалентности, и др.

Среди специфических черт древнегреческого литературного языка можно выделить следующие: его возникновение и развитие в недрах греческого рабовладельческого государства;¹⁹ его системное единство и структурную целостность на протяжении многовековой истории; наличие

¹⁹ «Едва ли можно, — указывает В. В. Виноградов, — исключить из истории литературных языков и их периодизации своеобразие социально-исторических и культурно-общественных условий развития соответствующих народов» (см.: *Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития*, с. 36—37).

в его единой системе четырех разновидностей; смену диалектной базы на каждом из основных этапов его формирования; многодиалектность, особенно языка художественной литературы; создание на каждом этапе исторического развития новых жанровых языков художественной литературы; своеобразие дифференциационного и концентрационного процессов в условиях Древней Греции; возникновение аттицизма и его роль в последовавшем резком отрыве литературного языка от устной прозаической речи; относительно большое для раннего этапа общественного развития разнообразие литературных стилей, и др.

Нельзя также забывать, что древнегреческий литературный язык был достоянием в основном класса рабовладельцев — граждан государства; был недоступен в самой Греции целым социальным слоям: неимущему городскому населению, не-гражданам, сельским жителям, женщинам и, конечно, рабам; ни на одном этапе своего развития он не охватывал народно-разговорную речь населения, обслуживал лишь его привилегированную часть, не исключал параллельного функционирования региональных койне и местных диалектов; был чужд народным массам покоренных греко-македонскими завоевателями стран за пределами Греции в эпоху эллинизма; ни в один из периодов своего существования не распространял своего влияния на весь ареал Греции, оставаясь в конечном итоге всегда ограниченным территориально и демографически.

Древнегреческий литературный язык: а) представлял собой несомненную историческую реальность; б) обладал совокупностью общих черт, необходимых для признания его литературным; в) отличался определенным своеобразием, связанным с историческими условиями своего формирования и существования, выполняемыми функциями, структурными и диалектными особенностями. Несмотря на кажущееся обособление, он был на всем протяжении своей истории неразрывно связан с греческим народным языком, питался его неисчерпаемыми истоками и постоянно обогащал себя его многообразными выразительными средствами.

Древнегреческий литературный язык является первым литературным языком Европы. Он достиг самостоятельно значительного уровня развития без сколько-нибудь ощу

тимого влияния других языков.²⁰ Подобно тому как греческая культура знаменовала собой важный этап в становлении европейской культуры, греческий литературный язык стал знаменательным явлением в истории формирования языков мировой цивилизации. Он позволяет проследить и проанализировать предпосылки и условия становления и исторического развития одного из важнейших атрибутов античной культуры на протяжении двух тысячелетий. Изучение древнегреческого литературного языка внесет определенную лепту в разработку общей теории формирования литературных языков, а также будет способствовать уточнению его специфических, во многом уникальных и неповторимых черт.²¹

²⁰ Вопрос о самостоятельности самой греческой литературы продолжает до сих пор оставаться дискуссионным. В отличие от О. М. Фрейденберг, признававшей органическую связь греческой культуры с культурой малоазийских и африканских народов и с Передним Востоком, но убежденной в том, что в античности «до греческой литературы нет никакой литературы» (см.: *Фрейденберг О. М. Миф и литература древности*. М., 1978, с. 18, 176), Вяч. Вс. Иванов защищает тезис о теснейшей связи греческой литературы с Востоком, называя ее последним этапом древнеближневосточной (см.: *Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Тезисы докладов*. Тбилиси, 1980, с. 14—16).

²¹ Ценность такого изучения отмечал Ф. П. Филин: «... кроме современных языков сохранилось много мертвых литературных языков, не менее оригинальных и неповторимых, которые непременно надо учитывать при построении общей теории литературного языка» (ИЯ, 1979, № 3, с. 7).

История древнегреческого языка

- Шурупов О. С. История греческого языка. М., 1983.
- Hiller S., Panagl O. Die frühgriechischen Texte aus Mykenischer Zeit. Darmstadt, 1976.
- Hiersche R. Grundzüge der griechischen Sprachgeschichte bis zur klassischen Zeit. Wiesbaden, 1970.
- Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1970.
- Pisani V. Manuale storico della lingua greca. Brescia, 1973.
- Rix H. Historische Grammatik der griechischen Laut- und Formenlehre. Darmstadt, 1976.
- Schmitt R. Einführung in die griechischen Dialekte. Darmstadt, 1977.

Древнейший поэтический язык

- Durante M. Sulla preistoria della tradizione poetica greca. Roma, 1971—1976, I—II.
- Heubeck A. Schrift. Göttingen, 1979.
- Pavese C. O. Tradizioni e generi poetici della Grecia arcaica. Roma, 1972.

Язык греческих авторов

Э н о с

Гомер:

- Славянская М. П. Язык гомеровского эпоса. — В кн.: Типы наддиалектных форм языка. М., 1981, с. 19—40.
- Шмаль И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983.
- Chantraine P. Grammaire homérique. Paris, 1953—1957, I—II.
- Ebeling H. Lexicon Homericum. Hildesheim, 1963.
- Friedrich R. Stilwandel im homerischen Epos. Heidelberg, 1975.
- Gehring A. Index Homericus. Hildesheim, 1970.
- Riemschneider M. Homer. Entwicklung und Stil. Leipzig, 1952.
- Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. Berlin, 1974.
- Schipp G. P. Studies in the language of Homer. Cambridge, 1972.
- Wackernagel J. Sprachliche Untersuchungen zu Homer. Göttingen, 1970.

Гесиод:

- Edwards G. P. The Language of Hesiod in its traditional Context. Oxford, 1971.

* Дополнение к литературе, указанной в основном тексте и сносках.

- Hofinger M.* Lexicon Hesiodeum cum Indice inverso. Leiden, 1975--1978, I—IV.
- Paulson J.* Index Hesiodeus. Hildesheim, 1962.
- Snell Br., Mette H. J.* Lexicon des frühgriechischen Epos. Göttingen, 1955.
- Troxler H.* Sprache und Wortschatz Hesiods. Zürich, 1964.
- West M. L.* Hesiod. — «Works and Days». Oxford, 1978.

Л и р и к а

- Гринбаум Н. С.* Язык Пиндара (фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы). Автореферат докторской диссертации. М., 1969.
- Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси (в печати).
- Adrados F. R.* Orígenes de la lírica griega. Madrid, 1976.
- Fatouros G.* Index verborum zur frühgriechischen Lyrik. Heidelberg, 1966.
- Forsmann B.* Untersuchungen zur Sprache Pindars. Wiesbaden, 1966.
- Hamm E.-M.* Grammatik zu Sappho und Alkaios. Berlin, 1958.
- Hooker J. T.* The Language and Text of the Lesbian Poets. Innsbruck, 1977.
- Noethinger M.* Die Sprache des Stesichorus und des Ibycus. Zürich, 1971.
- Slater W. J.* Lexicon to Pindar. Berlin, 1969.
- Voigt E.-M.* Sappho and Alcaeus. Fragmenta. Amsterdam, 1971.
- West M. L.* Studies in Greek Elegy and Iambus. Berlin, 1974.

Д р а м а

Эсхил:

- Ирзо В. Н.* Лексика сатировских драм Эсхила. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1963, № 6.
- Aly W.* De Aeschyli copia verborum. Berlin, 1906.
- Dindorf W.* Lexicon Aeschyleum. Lipsiae, 1876.
- Earp F. R.* The Style of Aeschylus. Cambridge, 1948.
- Kumaniecki K.* De elocutionis Aeschyleae natura. Cracoviae, 1935.
- Schuursma J. A.* De poetica vocabulorum abusione apud Aeschylum. Amsterdam, 1932.
- Sideras A.* Aeschylus Homericus. Untersuchungen zu den Homerismen der Aeschyleischen Sprache. Göttingen, 1971.

Софокл:

- Earp F. R.* The Style of Sophocles. Cambridge, 1944.
- Ellendt F., Genthe H.* Lexicon Sophocleum. Hildesheim, 1965.
- Nuchelmanns J. C.* Die Nomina des Sophokleischen Wortschatzes. Utrecht, 1949.

Еврипид:

- Allen J. T., Italie G.* Concordance to Euripides. London, 1954.
- Bergson L.* L'épithète ornamentale dans Eschyle, Sophocle et Euripide. Lund, 1956.
- Huettenbach W.* Untersuchungen zur Sprache der Euripideischen Lyrik. Stuttgart, 1934.
- Manning C. A.* A study of archaism in Euripides. New York, 1916.
- Stevens P. T.* Colloquial expressions in Euripides. Wiesbaden, 1976.